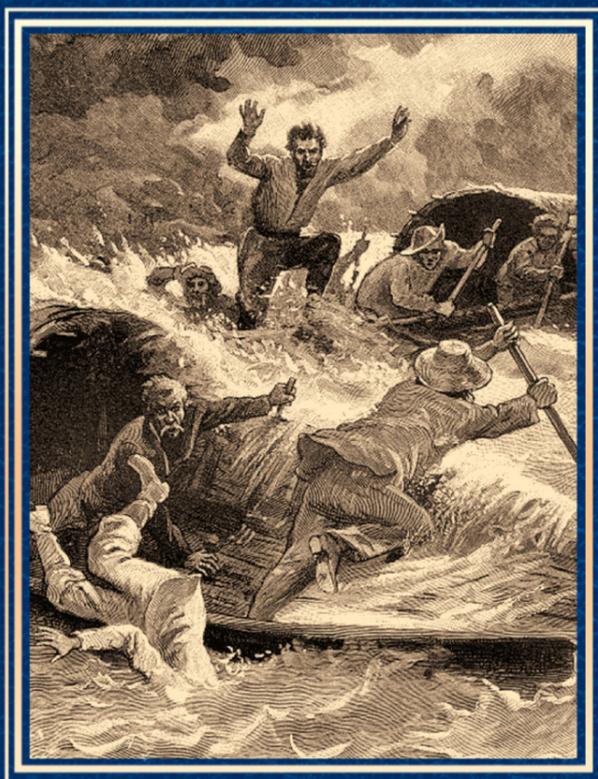

Жюль Верн

**Великолепная
Ориноко**

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Жюль Верн

**Великолепная Ориноко;
Росказни Жана-Мари Кабидулена**

«ВЕЧЕ»

1897,1901

Верн Ж. Г.

Великолепная Ориноко; Рассказы Жана-Мари Кабидулена /
Ж. Г. Верн — «ВЕЧЕ», 1897,1901 — (Мастера приключений)

Трое ученых из Венесуэльского географического общества затеяли спор. Яблоком раздора стала знаменитая южноамериканская река Ориноко. Где у нее исток, а где устье? Куда она движется? Ученые – люди пылкие, неустойчивые. От слов быстро перешли к делу – решили проверить все сами. А ведь могло дойти и до поножовщины. Но в пути к ним примкнули люди посторонние, со своими целями и проблемами – и завертелось... Индейцы, каторжники, плотоядные рептилии и романтические страсти превратили географическую миссию в непредсказуемый авантюрный вояж. В новый том Жюль Верна входят два очередных романа: «Великолепная Ориноко» – остросюжетный путеводитель по великой реке, и «Рассказы Жана-Мари Кабидулена» – история с океаном опасностей и морскими призраками.

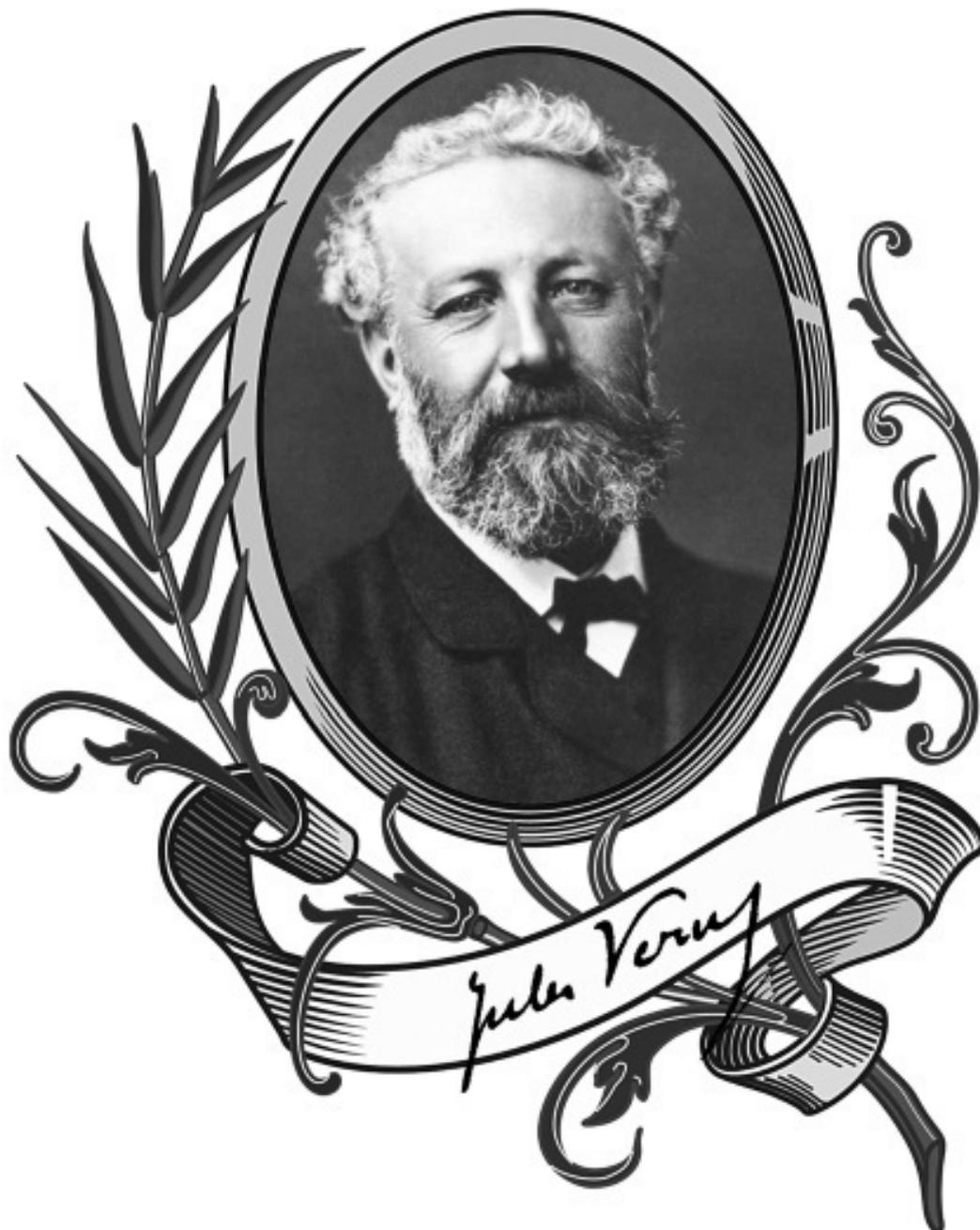
© Верн Ж. Г., 1897,1901

© ВЕЧЕ, 1897,1901

Содержание

Великолепная Ориноко	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	18
Глава III	26
Глава IV	35
Глава V	44
Глава VI	50
Глава VII	61
Глава VIII	70
Глава IX	81
Глава X	89
Глава XI	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

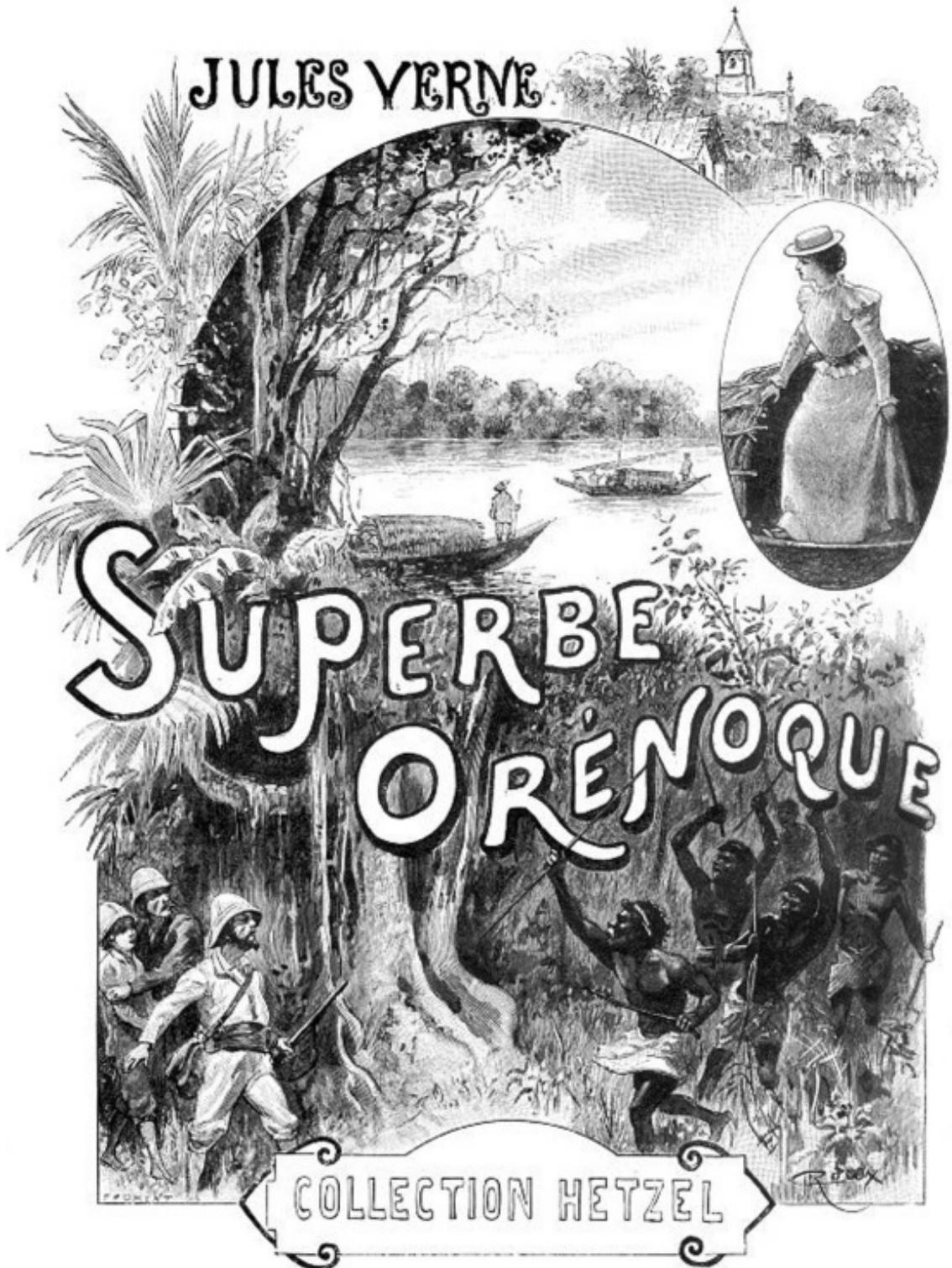
Жюль Верн Великолепная Ориноко; Рассказы Жана-Мари Кабидулена

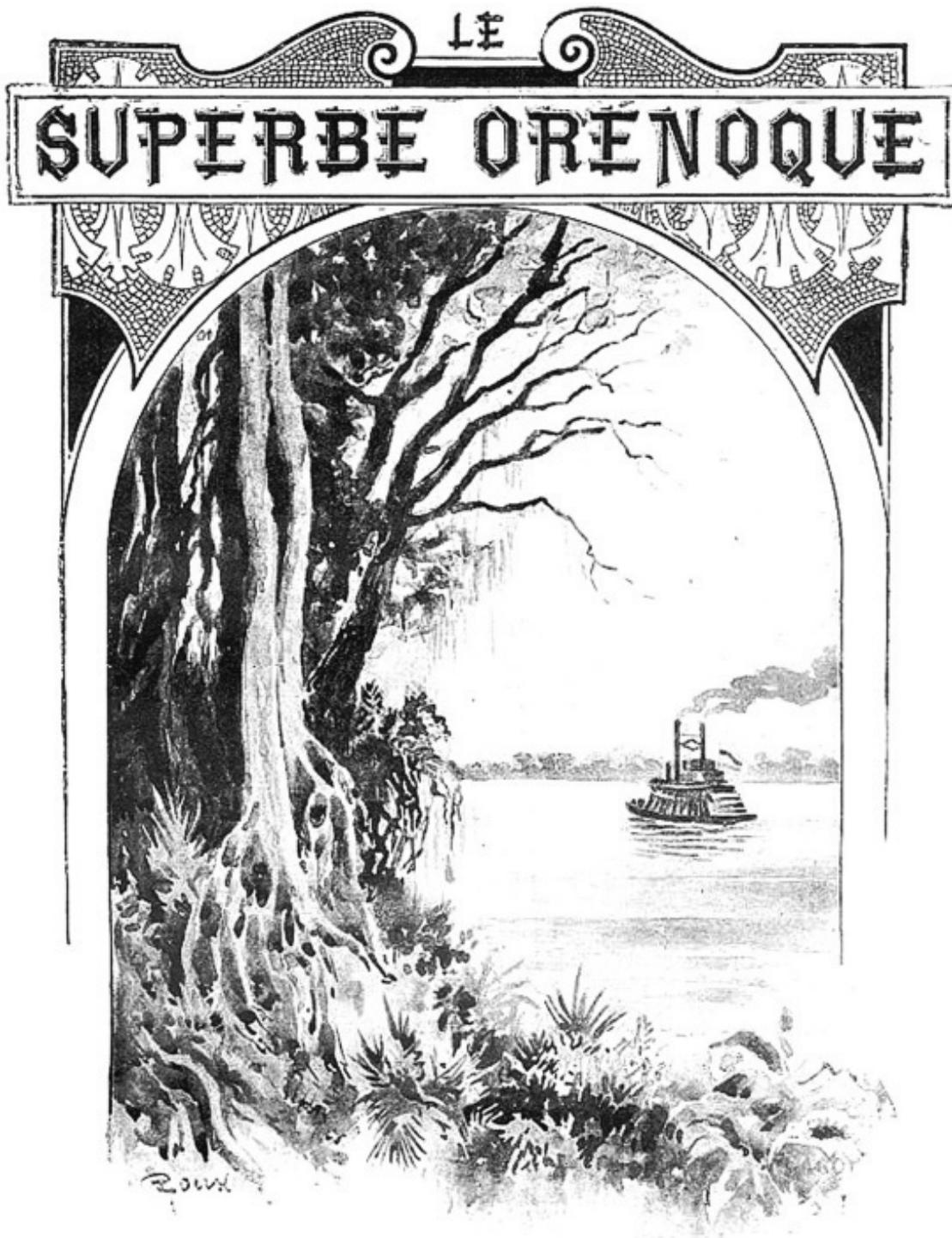
© Добродеева М.В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

Иллюстратор Жорж Ру

Великолепная Ориноко

Часть первая

Глава I Господин Мигель и его ученые друзья

– Этой дискуссии, похоже, конца не будет, – сказал господин Мигель, прерывая яростный спор своих коллег.

– Конечно, нет, – ответил господин Фелипе, – если для этого я должен поступиться своими убеждениями и согласиться с точкой зрения господина Баринаса.

– Ну а я ни за что не соглашусь с мнением господина Фелипе! – заявил господин Баринас.

Уже добрых три часа эти упрямцы непрерывно спорили. Яблоком раздора явилась знаменитая южноамериканская река, главная водная артерия Венесуэлы, Ориноко[1]. Ученые пытались уточнить, в каком направлении движется Ориноко в своем верхнем течении. С востока на запад, как указывали последние карты? Или же – с юго-запада на северо-восток? В последнем случае Атабапо или Гуавьяре вряд ли можно было бы считать притоками Ориноко.

– Атабапо – это и есть Ориноко, – решительно утверждал господин Фелипе.

– Нет, Ориноко – это Гуавьяре, – не менее категорично возражал господин Баринас.

Что касается господина Мигеля, то он разделял точку зрения современных географов, считавших, что Ориноко берет свое начало в той части Венесуэлы[2], которая граничит с Бразилией[3] и Британской Гвианой[4], и, следовательно, вся река находится на территории Венесуэлы. Однако попытки господина Мигеля примирить своих друзей остались безуспешными, ибо у них был еще один весьма существенный повод для разногласий.

– Нет, – твердил один, – Ориноко берет свои истоки в Колумбийских Андах[5], и Гуавьяре, которую вы считаете притоком, и есть Ориноко; верхнее течение ее проходит по территории Колумбии[6], а нижнее – по территории Венесуэлы.

– Заблуждение, – возражал другой, – Ориноко – это Атабапо, а не Гуавьяре.

– Ах, друзья мои, что до меня, так мне приятнее считать, что одна из самых прекрасных рек Америки несет свои воды исключительно на территории нашей страны.

– Тут дело не в самолюбии, – возразил господин Баринас, – а в географической истине. Гуавьяре...

– Нет!.. Атабапо! – воскликнул господин Фелипе.

Противники вскочили, готовые вцепиться друг в друга.

– Господа... господа! – увещевал их господин Мигель, мягкой натуре которого претили шумные споры.

На стене комнаты, где бушевали эти географические страсти, висела карта, на которой пунктиром были обозначены 972 квадратных километра территории Соединенных Штатов Венесуэлы. Она претерпела значительные изменения под воздействием политических событий. Все началось с того дня, когда (в 1499 году) спутник флорентинца Америго Веспуччи[7], Охеда[8], высадившись на берегу озера Маракайбо, обнаружил посреди лагун деревушку на сваях и назвал ее Венесуэла, или «Маленькая Венеция». Затем – Война за независимость[9] под предводительством Боливара[10], создание генерал-капитана Каракас[11]. И, наконец, после отделения в 1839 году от Колумбии, Венесуэла стала независимым государством.

Цветные линии делили округ Ориноко на три провинции: Баринас, Гвиана, Апуре. На карте четко вырисовывались все особенности рельефа и многочисленные разветвления больших и малых рек. Хорошо была видна морская граница от провинции Маракайбо, со столицей того же имени, до разветвленного устья Ориноко, отделяющего Венесуэлу от Британской Гвианы.

Эта карта подтверждала правоту господина Мигеля, а не его коллег. Река описывала свой элегантный полукруг именно на территории Венесуэлы; и на первом изгибе, где Апуре вливает в нее свои воды, и на втором, где в нее впадают берущие свои истоки в Андах Гуавьяре и Атабапо, она носила великолепное имя Ориноко.

Что же заставляло господина Баринаса и господина Фелипе столь упорно искать ее истоки в горах Колумбии? А не в Серра-Париме[12], рядом с Рораймой[13], возвышающейся на 2300 метров, словно гигантский пограничный столб между выступами трех южноамериканских государств – Венесуэлы, Бразилии и Британской Гвианы.

Справедливости ради следует сказать, что наши географы были не одиноки в своих сомнениях. Несмотря на утверждения отважных исследователей, добравшихся почти до самых истоков Ориноко, Диаса де ла Фуэнте в 1760 году, Бобадильи в 1764-м, Роберта Шомбурга в 1840-м. Несмотря на экспедицию храброго французского путешественника Шафанжона[14], водрузившего французский флаг на склонах Паримы, сочащейся водами нарождающейся Ориноко, – да! Несмотря на столь многочисленные и убедительные свидетельства, вопрос все еще оставался спорным для иных недоверчивых умов, столь же ненасытных в своей жажде доказательств, как и их учитель святой Фома[15].

Однако было бы большим преувеличением утверждать, что в году 1893-м, к которому относятся описываемые события, этот вопрос серьезно волновал жителей страны. Другое дело – два года назад, когда Испания, взяв на себя роль арбитра[16], установила окончательно границы между Колумбией и Венесуэлой, пограничные проблемы тогда еще могли бы их заинтересовать. Весьма вероятно, что вопрос о границе с Бразилией также не оставил бы их равнодушными. Но из 2 250 000 жителей, среди которых было 325 000 индейцев, «прирученных» или свободно живущих в лесах и саваннах[17], 50 000 негров, метисов[18], белых, иностранцев или английских, итальянских, голландских, французских, немецких фарангос, лишь ничтожное меньшинство могло бы всерьез заинтересоваться этой географической проблемой.

Тем не менее достоверно известно, что существовали два венесуэльца – вышеупомянутый Баринас, отстаивающий право Гуавьяре, и вышеупомянутый Фелипе, отстаивающий право Атабапо называться Ориноко. Плюс некоторое количество их единомышленников, готовых в случае необходимости оказать им поддержку.

Не следует, однако, считать, что господин Мигель и двое его друзей принадлежали к породе лысых, седобородых, закосневших в науке ученых. Ни в коей мере! Да, они были учеными, и все трое пользовались заслуженной известностью не только в своей стране, но и за ее пределами. Но самому старшему из них было сорок пять лет, а двум другим – и того меньше. В их жилах, как и в жилах знаменитого Боливара и большинства белых обитателей Южной Америки, текла баскская кровь[19], быть может, с примесью корсиканской[20] или индейской, но ни в коем случае не негритянской крови. А отсюда – их пылкий и неукротимый темперамент.

Эти три географа ежедневно встречались в библиотеке университета Сьюдад-Боливара[21] и там, вопреки принятому накануне решению не возобновлять спора, вновь затевали бесконечные дискуссии по поводу Ориноко. Даже убедительнейшие доказательства французского исследователя не могли сломить упорства сторонников Атабапо и Гуавьяре.

Образчики их аргументов мы привели в начале нашего рассказа. Спор возобновлялся каждый раз с новой силой, и все попытки господина Мигеля умерить географический пыл своих коллег оставались бесплодными. Тут были бессильны и его внушительная внешность – высокий рост, благородное аристократическое лицо, окаймленное черной с серебристой проседью бородой – в стиле той, что носил основатель испано-американского государства, – и его влияние в научном мире.

В тот день господин Мигель вновь и вновь повторял своим звучным, спокойным, проникновенным голосом:

– Не горячитесь, друзья мои! Течет Ориноко с востока или с запада, она все равно остается венесуэльской рекой, матерью всех водных артерий республики...

– Дело не в том, чья она мать, – ответил пылкий Баринас, – а в том, чья она дочь, где она родилась, в бассейне Паримы или в Колумбийских Андах.

– В Андах... в Андах?! – иронически возразил господин Фелипе, пожимая плечами.

Было очевидно, что ни тот, ни другой не уступит и каждый останется при своем мнении в вопросе о генеалогии[22] Ориноко.

– Послушайте, дорогие коллеги, – сказал господин Мигель, все еще надеясь примирить противников, – достаточно взглянуть на эту карту, чтобы убедиться в следующем: откуда бы

она ни текла, а особенно если она течет с востока, Ориноко описывает плавную дугу, в то время как Атабапо и Гуавьяре придали бы ей форму нелепого зигзага...

– Не все ли равно, будет это плавная дуга или зигзаг, – воскликнул господин Фелипе.

– Важно, чтобы это соответствовало характеру рельефа, – закончил господин Баринас.

Действительно, совершенство формы вряд ли могло быть аргументом в споре. Речь ведь шла о географическом явлении, а не о произведении искусства. А потому аргументация господина Мигеля была мимо цели. Он это почувствовал. Тогда, чтобы изменить характер дискуссии, он решил прибегнуть к другим доводам. Вряд ли и они смогут примирить противников, но, возможно, заставят их, словно сбившихся со следа собак, броситься вдогонку за третьим кабаном.

– Хорошо, – сказал господин Мигель, – давайте посмотрим на проблему с другой стороны. Вы утверждаете, Фелипе, да еще с каким жаром, что Атабапо – это не приток нашей великой реки, а сама Ориноко...

– Да, утверждаю.

– А вы, Баринас, с не меньшим пылом отводите эту роль Гуавьяре.

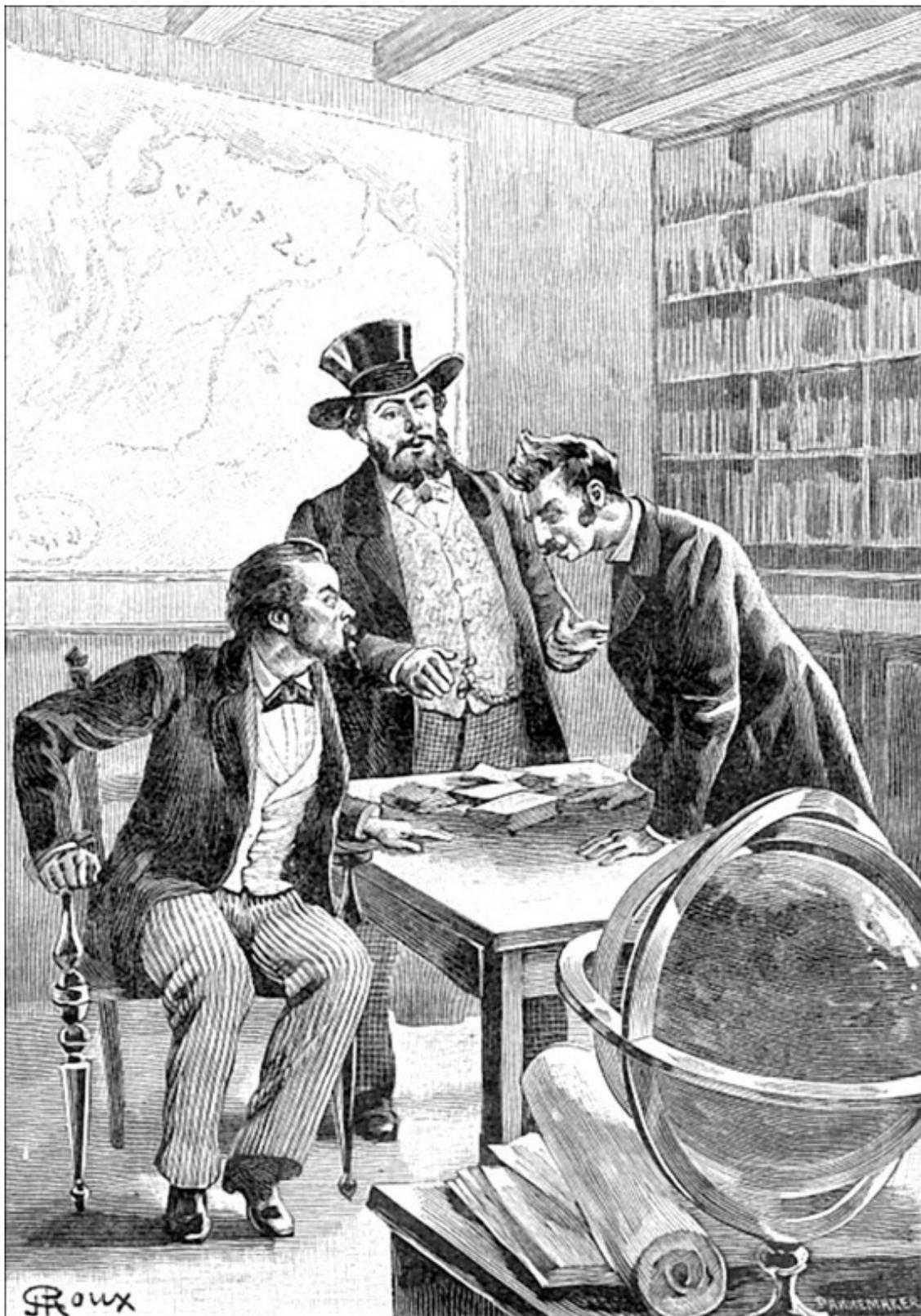
– Именно.

– А не может ли так быть, – продолжил господин Мигель, – что вы оба заблуждаетесь?

– Оба! – воскликнул господин Фелипе.

– Нет, только один, – решительно сказал господин Баринас, – и это Фелипе.

– Выслушайте меня до конца, – возразил господин Мигель. – У Ориноко есть и другие притоки, не менее значительные и полноводные, чем Атабапо и Гуавьяре. Например, Каура – на севере, Апуре и Мета – на западе, Касикьяре и Икуапа – на юге. Взгляните на карту. Так вот, я спрашиваю, почему бы не считать за Ориноко один из этих притоков, а не вашу Атабапо, мой дорогой Баринас, и не вашу Гуавьяре, мой дорогой Фелипе?

– Не горячитесь, друзья мои!

Подобная мысль была высказана впервые, а потому неудивительно, что наши спорщики не сразу нашлись, что ответить. Им и в голову не приходило, что не только Атабапо и Гуавьяре могут претендовать на роль истока Ориноко.

– Послушайте, – воскликнул господин Баринас, – это же несерьезно, вы шутите, господин Мигель.

– Напротив, очень серьезно, и я нахожу естественным, логичным и, следовательно, вполне допустимым, что и другие притоки могут оспаривать право быть истинной Ориноко.

– Вы шутите! – возразил и господин Фелипе.

– Я никогда не шучу, если речь идет о географических вопросах, – серьезно ответил господин Мигель. – На правом берегу в верхнем течении Падамо есть...

– Ваша Падамо – просто ручей по сравнению с моей Гуавьяре, – возмутился господин Баринас.

– Ручей, который географы считают не менее значительным, чем Ориноко, – ответил господин Мигель. – На левом берегу находится Касикьяре...

– Ваша Касикьяре – не больше чем ручеек по сравнению с моей Атабапо! – возопил господин Фелипе.

– Ручеек, по которому, однако, осуществляются коммуникации между бассейном Ориноко и бассейном Амазонки. На том же берегу находится Мета.

– Ваша Мета – просто водопроводный кран!

– Кран? Но здесь берет истоки река, которая, по мнению экономистов, станет в будущем связующим звеном между Европой и колумбийскими территориями!

Эрудиция господина Мигеля позволяла ему без труда парировать любые возражения оппонентов.

– На том же берегу есть еще пересекающая льяносы[23] Апуре, судоходная на протяжении пятисот километров.

Фелипе и Баринас молчали. Они были совершенно ошарашены натиском коллеги.

– Наконец, – добавил господин Мигель, – на правом берегу есть Кучиверо, Каура, Карони...

– Когда вы закончите перечисление... – начал господин Фелипе.

– Тогда мы поспорим, – закончил, скрестив руки, господин Баринас.

– Я закончил, – ответил господин Мигель, – и если вы хотите знать мое мнение...

– А вы полагаете, оно того заслуживает? – иронически-высокомерно спросил господин Баринас.

– Очень сомневаюсь! – заявил господин Фелипе.

– Так вот оно, мои дорогие коллеги. Ни один из этих притоков не может считаться главной рекой, той, которую законно называют Ориноко. А следовательно, я полагаю, это название не может быть отнесено ни к Атабапо, как считает мой друг Фелипе...

– Заблуждение! – отрезал тот.

– Ни к Гуавьяре, как считает мой друг Баринас...

– Совершеннейшая ересь! – непринужденно заявил последний.

– Из чего я заключаю, – добавил господин Мигель, – что Ориноко следует называть верхнюю часть реки, истоки которой находятся в массиве Парима. Ее воды орошают территорию только нашей республики, и никакой другой. Атабапо и Гуавьяре придется довольствоваться ролью простых притоков, что является вполне логичным с географической точки зрения.

– Которую я не разделяю, – возразил господин Фелипе.

– Которую я категорически отвергаю, – добавил господин Баринас.

В результате вмешательства господина Мигеля уже не два, а три человека принялись яростно отстаивать права Гуавьяре, Ориноко и Атабапо. Спор длился еще час и, возможно, так никогда бы и не кончился, если бы Фелипе и Баринас вдруг не воскликнули:

– Ну что ж... Едем!

– Едем? – озадаченно переспросил господин Мигель, совершенно не ожидавший подобного предложения.

– Да! – ответил господин Фелипе. – Едем в Сан-Фернандо, и если там я не докажу вам со всей очевидностью, что Атабапо – это Ориноко...

– А я, – добавил господин Баринас, – если я не смогу вас убедить, что Ориноко – это Гуавьяре...

– Тогда я, – закончил господин Мигель, – заставлю вас признать, что Ориноко – это Ориноко!

Вот каким образом и при каких обстоятельствах решились наши географы на подобное путешествие. Может быть, эта новая экспедиция наконец-то позволит выяснить, где находятся истоки Ориноко. Если, конечно, допустить, что сведения предшествующих исследователей не полностью достоверны.

Впрочем, они собирались подняться вверх по течению всего лишь до городка Сан-Фернандо[24], где Гуавьяре и Атабапо текут на расстоянии нескольких километров друг от друга. Когда же будет установлено, что они – не более чем притоки, то придется признать правоту господина Мигеля. И подтвердить гражданский статус Ориноко, коего недостойные реки намеревались ее лишить.

Сказано – сделано. А потому господин Мигель и его коллеги решили незамедлительно провести в жизнь рождавшееся в результате бурной дискуссии решение. Это произвело большое впечатление в научном мире, в высшем обществе Сьюдад-Боливара и вскоре привело в волнение всю Венесуэльскую республику.

Иные города напоминают людей, которые, прежде чем обрести окончательное и постоянное место жительства, долго колеблются и выбирают. Именно так обстояло дело с главным городом провинции Гвиана, возникшим на правом берегу Ориноко в 1576 году. Первоначально он располагался в устье Карони и назывался Сан-Томе, затем, десятью годами позже, был передвинут на пятнадцать лье[25] вниз по течению. Сожженный англичанами по приказу Уолтера Рэли[26], он был вновь отстроен в 1764 году на сто пятьдесят километров выше по течению в том месте, где ширина реки не превышает четырехсот сажень. Отсюда и его название Ангостура («Узкий»), позже замененное на Сьюдад-Боливар.

Центр провинции расположен в ста лье от дельты[27] Ориноко, уровень воды в которой, отмечаемый на возвышающейся посередине реки скале Пьедра-дель-Мидио, существенно меняется в зависимости от времени года.

Согласно последней переписи, в городе двенадцать тысяч жителей плюс обитатели предместья Соледад на левом берегу реки. Город тянется от бульвара Аламеда[28] до квартала «Сухой собаки». Название более чем странное, так как этот квартал расположен в низине и потому больше других страдает от наводнений, вызываемых внезапными и обильными паводками.

Главная улица с ее общественными зданиями, элегантными магазинами и крытыми галереями, дома на склонах сланцевого холма, прихотливо разбросанные среди зеленых кущ сельские жилища, озерки, образованные разветвлениями реки, оживленное движение парусных и паровых судов в порту, свидетельствующее об интенсивной торговле на реке и на суше, – все это радовало взоры и оставляло неизгладимое впечатление.

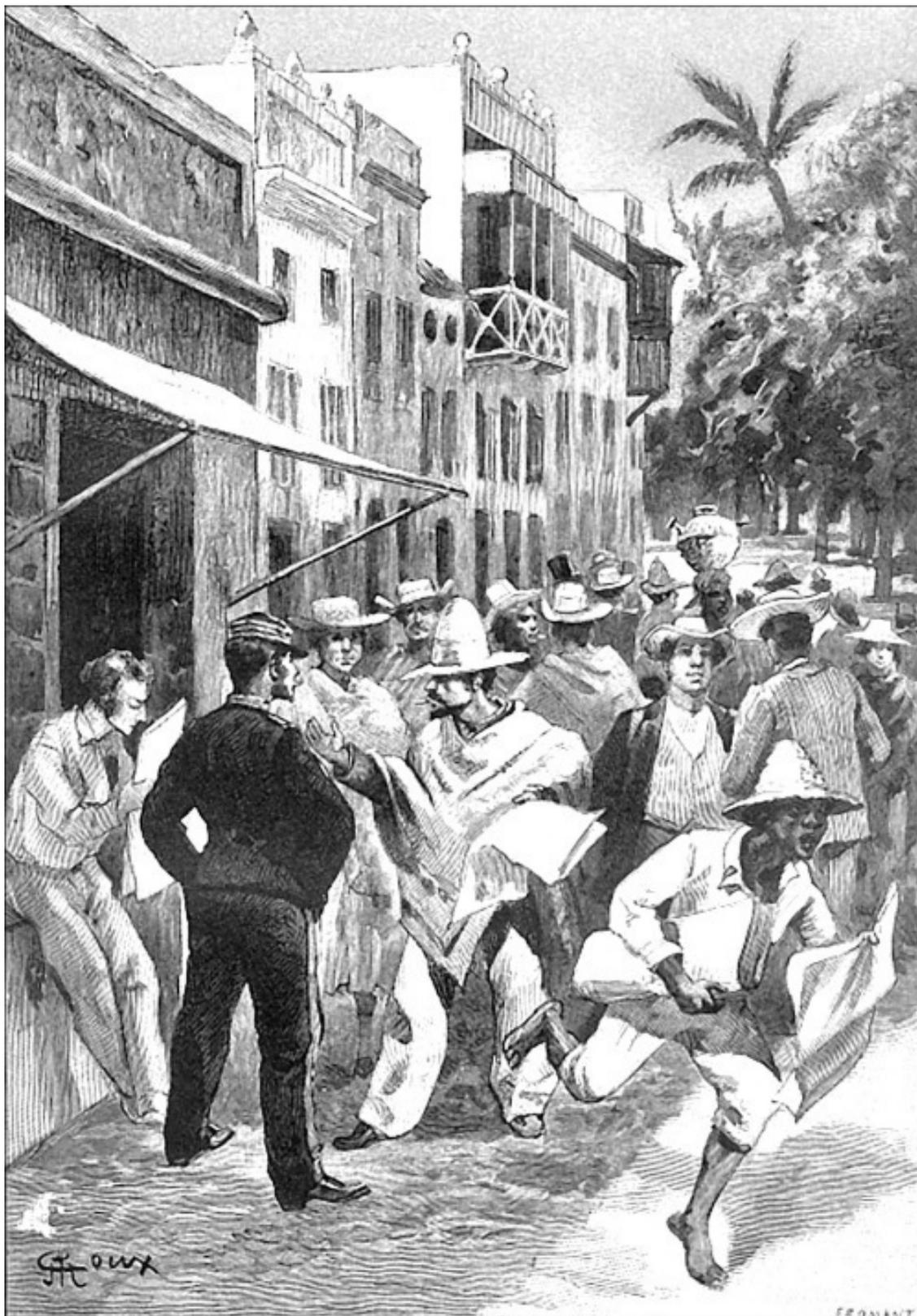
Железная дорога, ведущая в Соледад, вскоре соединит Сьюдад-Боливар со столицей Венесуэлы Каракасом. А это позволит расширить торговлю кожами, кофе, хлопком, индиго, какао, табаком, начавшуюся после открытия в долине Юруари золотоносных кварцевых жил.

Итак, известие о том, что трое ученых, членов Венесуэльского географического общества, намерены разрешить вопрос об Ориноко и двух ее притоках, вызвало живой отклик в стране. Боливарцы – люди экспансивные, страстные, пылкие. В дело вмешались газеты, выступая в поддержку сторонников Гуавьяре, Атабапо и Ориноко. Публика заразилась их энтузиазмом. Можно было подумать, что эти реки грозят изменить свое течение, покинуть пределы

республики и эмигрировать в иную часть Нового Света, если их роль не будет оценена по достоинству.

Таило ли в себе серьезные опасности это путешествие вверх по реке?

Да, в известной степени, для путешественников, которые могут рассчитывать только на собственные силы. Но разве разрешение этого жизненно важного вопроса не заслуживало некоторых жертв со стороны правительства? Разве это не было поводом использовать армию, которая могла бы насчитывать двести пятьдесят тысяч человек и никогда не располагала и десятой долей от этого количества? Почему не предоставить в распоряжение исследователей хотя бы одну роту из этой армии, состоявшей из шести тысяч солдат, семи тысяч генералов? Не говоря уже о высшем офицерском составе? (Документальным сведениям об этнографических достопримечательностях, приводимым Элизе Реклю[29], можно доверять.)

В дело вмешались газеты

Но господа Мигель, Фелипе и Баринас не нуждались в таком количестве телохранителей. Они будут путешествовать за свой счет, и им не нужно иной охраны кроме пеонов[30], жителей льяносов, матросов и проводников, живущих на берегах реки. Они лишь повторят то, что было сделано до них первопроходцами науки. Впрочем, ученые не собирались продвигаться

выше расположенного на слиянии Атабапо и Гуавьяре Сан-Фернандо. Нападение же индейцев возможно лишь в верхнем течении реки, где обитали независимые и воинственные племена, потомки карибов[31], которых не без оснований считали виновными в грабежах и убийствах. Однако ниже Сан-Фернандо, на другом берегу, около устья Меты путешественника поджидает не слишком приятная встреча с не склонными подчиняться законам гуахибо и со свирепыми кива[32], чья жестокость была известна не только на берегах Ориноко, но и в Колумбии.

Вот почему в Сьюдад-Боливаре были весьма обеспокоены судьбой двух французов, отправившихся в путешествие примерно два месяца назад. Поднявшись вверх по течению, миновав устье Меты, они двинулись через места, населенные кива и гуахибо, и с тех пор о них не было никаких известий.

Действительно, в верхнем течении Ориноко, пока что недостаточно изученном и, в силу своей удаленности, лишенном торговых и административных связей с венесуэльскими властями, хозяйничали местные кочевые племена, весьма опасные для путешественников. Индейцы, ведущие оседлый образ жизни на западе и севере великой реки, занимаются главным образом сельским хозяйством и отличаются весьма кротким нравом, чего никак нельзя сказать об индейцах, живущих в саванне. Всегда готовые к грабежу, и по природной склонности и по необходимости, они не останавливаются ни перед предательством, ни перед убийством.

Удастся ли когда-нибудь укротить эти свирепые и непокорные племена? Удастся ли цивилизовать жителей равнин верхней Ориноко, как это удалось сделать с жителями льяносов? Кое-кто из миссионеров[33] пытался этого добиться, но, увы, почти безрезультатно.

Один из них, француз из иностранной миссии, уже несколько лет жил в этом диком краю. Были ли вознаграждены его мужество и вера? Удалось ли ему цивилизовать эти дикие племена и приобщить их к христианской религии? Смог ли мужественный пастырь миссии Санта-Хуана объединить вокруг себя индейцев, всегда упорно отвергавших любые попытки приобщить их к цивилизации?

Но вернемся к господину Мигелю и его коллегам. Они отнюдь не собирались углубляться в эти отдаленные районы в сердце горного массива Рорайма. Однако, если бы этого потребовали интересы географической науки, они без колебаний двинулись бы к истокам Ориноко или Гуавьяре или Атабапо. Их друзья все-таки надеялись, – и не без оснований, – что вопрос будет разрешен на слиянии трех рек. Большинство, впрочем, считали, что спор будет решен в пользу Ориноко, которая, вобрав в себя три сотни рек и пробежав 2500 километров, разветвляясь на пятьдесят рукавов, впадает в Атлантический океан.

---

1 Ориноко – река в северной части Южной Америки, на территории Венесуэлы и Колумбии. Протяженность, по разным данным, 2300–2730 км. Ширина в среднем течении 3–10 км. При впадении в Атлантический океан образует дельту площадью в 20 тыс. кв. км. Судходна почти на всем протяжении.

Вопрос о местонахождении истока реки служит в романе лишь литературным обрамлением и канвой повествования, посвященного совершенно иной теме. В реальной жизни эта проблема весьма волновала ученых и патриотов обеих стран и была решена только в 1951 году: Ориноко берет начало на венесуэльском Гвианском нагорье.

2 Венесуэла – государство на севере Южной Америки, на землях, с древности населенных коренными жителями – индейцами. В XVI веке территория завоевана испанцами, чье господство ликвидировано в 1821 году. С 1831 года Венесуэла – самостоятельное государство. Столица – г. Каракас. Население – испанцы, индейцы, негры (завезенные из Африки как дешевая рабочая сила) и их потомки от смешанных браков. Основная часть верующих – католики. Официальный язык – испанский.

3 Бразилия – государство в Южной Америке. Население образовалось из смешения аборигенов-индейцев, захватчиков-португальцев и переселенцев-негров. Верующие – католики. Государственный язык – португальский. В древности территория принадлежала индейским племенам, в XVI веке завоевана Португалией. С 1822 года – независимая империя, с 1889 года – федеративная республика. Столица – Бразилия.

4 Британская Гвиана (ныне – Гайана) – государство на северо-востоке Южной Америки. Население – выходцы из Индии, англоязычные потомки африканских рабов, индейцы. В конце XV века территория открыта испанскими мореплавателями. После длительной борьбы между завоевателями, с 1814-го – британская колония. С 1966-го – независимое государство Гайана. Столица – г. Джорджтаун.

5 Анды (Кордильеры) – самая длинная (9 тыс. км) и одна из самых высоких (до 6960 м) горная система мира, окаймляющая с запада и севера всю Южную Америку. Делится на несколько частей по геологическим и географическим признакам, а также по принадлежности различным странам. Отсюда и неофициальное название – Колумбийские Анды.

6 Колумбия – государство на северо-западе Южной Америки. В конце XV – начале XVI века эти земли индейцев завоеваны испанцами, получили название Новая Гранада, впоследствии страна переименована в честь Христофора Колумба. С 1830 года – самостоятельное государство, столица – г. Богота.

7 Веспуччи, Америго (1454–1512) – мореплаватель. Родом из Флоренции (Италия). Участник нескольких испанских и португальских экспедиций (1499–1504) к берегам Южной Америки, названной им Новым Светом. В 1507 году эта часть Земли получила имя ее первооткрывателя, став Америкой.

8 Охеда, Алонсо де (1468? – ок. 1516) – испанский мореплаватель, участвовал в экспедиции Колумба, в 1499–1500 годах возглавлял (с участием А. Веспуччи) плавание, в котором были открыты берега Гвианы и Венесуэлы. В 1508–1510 годах обследовал берега Венесуэлы, основал крепость. Положил начало испанской колонизации Южной Америки.

9 Война за независимость испанских колоний в Америке 1810–1826 годов началась восстанием в нескольких крупных городах. Патриоты одержали ряд значительных побед, но к концу 1815 года Испании удалось восстановить свое господство. В 1816 году начался второй этап войны под руководством С. Боливара. К 1826 году все испанские колонии в Америке, кроме Кубы и Пуэрто-Рико, получили независимость.

10 Боливар, Симон (1783–1830) – руководитель борьбы народов испанских колоний в Южной Америке. Родился в богатой семье, в Венесуэле. Получил образование в Европе. В ходе Войны за независимость осуществил ряд антифеодальных преобразований. Основал на части государства Перу республику, названную в его честь Боливией.

11 Каракас – столица, торговый и культурный центр Венесуэлы.

12 Серра-Парима – горный массив в западной части Гвианского нагорья, на границе Бразилии с Венесуэлой.

13 Рорайма – песчаниковый массив в горах Серра-Пакарайма, их высшая точка (2772 м).

14 Шафанжон, Жан – французский исследователь, в конце 1886 или начале 1887 года открывший, как считалось (ошибочно), исток р. Ориноко. Известен также путешествиями по Центральной Азии и Сибири.

15 Святой Фома – один из двенадцати евангельских апостолов, учеников Иисуса Христа. Отличительной чертой характера была склонность к недоверию, скептицизму.

16 Арбитр – третейский (общественный) судья, избираемый спорящими сторонами по их взаимному соглашению.

17 Саванны – обширные равнины в Африке и Южной Америке, покрытые травянистыми растениями, среди которых разбросаны островки кустарников и низкорослых деревьев.

18 Метис – потомок от брака между представителями различных человеческих рас.

19 Баскская кровь. Баски – народ, живущий у Бискайского залива, по обе стороны Пиренеев, на юго-западе Франции и севере Испании. Считается, что их национальный характер («кровь») включает в себя неустрашимость, выдержанность, любовь к свободе, храбрость, склонность к беззаветному веселью, прилежность.

20 Корсиканская кровь. Корсика – остров в Средиземном море. Территория Франции. Жителям – потомкам многих народов, – как считалось, свойственны гостеприимство, свободолюбие, мятежность духа, пренебрежение к труду в его обычных организованных формах, признание обязательности кровной мести.

21 Сьюдад-Боливар – город в Венесуэле, административный центр штата, порт. Основан в 1764 году. Впоследствии назван в честь Симона Боливара.

22 Генеалогия – родословная, история рода; происхождение.

23 Льяносы – равнины на севере Южной Америки, в бассейне Ориноко (Венесуэла) на высоте 100–400 м над уровнем моря, покрытые высокой и густой травой, среди которой возвышаются отдельные деревья.

24 Сан-Фернандо – название многих населенных пунктов, особенно в латиноамериканских странах. Здесь – небольшой городок в Венесуэле, где реки Гуавьяре и Атабапо текут близко друг от друга.

25 Лье – мера длины, равная 4,5 км.

26 Рэли (Рейли), Уолтер (1552–1618) – английский государственный деятель, путешественник и писатель.

27 Дельта – наносная равнина в устьевой части реки, прорезанная разветвленной сетью речных рукавов. Дельта Ориноко находится на территории Венесуэлы, насчитывает 36 рукавов, значительная часть их судоходна.

28 Аламеда – бульвар в центре Мадрида, место гуляний светской публики; аналогично назывались улицы во многих колониальных городишках.

29 Реклю, Жан-Жак Элизе (1830–1905) – французский географ, социолог, политический деятель прогрессивных взглядов. Главный печатный труд – «Земля и люди. Всеобщая география» (т. 1—19, 1876–1894, русский перевод 1898–1901) – не потерявшая до нашего времени значения работа, в которой сделана попытка дать общую картину развития человечества и описание стран Земли.

30 Пеоны – в Латинской Америке и США сельскохозяйственные рабочие, находящиеся в кабальной зависимости от работодателя.

31 Карибы – группа индейских племен, живущих в тропических лесах Южной Америки.

32 Гуахибо, кива – названия индейских племен. Индейцы – коренное население Америки (кроме них также эскимосы и алеуты). С конца XV – начала XVI века беспощадно истреблялись испанскими и португальскими колонизаторами. Сейчас (данные 1978 года) численность индейцев Америки составляет около 35 млн чел., главным образом в южной половине континента. Жюль Верн на протяжении всего романа приводит названия множества индейских племен, не обозначенных примечаниями к тексту.

33 Миссионер – посланец церкви для религиозной пропаганды среди иноверцев (особенно отсталых стран и регионов) и обращения их в истинную веру. Играли также значительную культурно-просветительскую роль.

Глава II

Сержант Марсьяль и его племянник

Отъезд нашего географического трио, исполнителям которого никак не удавалось настроить свои инструменты, был намечен на двенадцатое августа, в самый разгар сезона дождей.

Накануне отъезда около восьми часов вечера двое путешественников беседовали, сидя в номере гостиницы «Сьюдад-Боливар». Сквозь открытое окно, выходящее на бульвар Аламеда, в комнату проникал легкий, освежающий ветерок. Младший из путешественников встал и сказал своему спутнику по-французски:

– Послушай меня, мой дорогой Марсьяль, прежде чем лечь спать, я тебе напомню, о чем мы договорились перед отъездом.

– Как вам будет угодно, Жан...

– Ну вот, ты уже забыл свою роль!

– Мою роль?

– Да... ты должен говорить мне «ты»...

– Верно! Черт меня побери! Но что вы хотите... Нет! Что ты хочешь? Я еще не привык...

– Не привык, мой бедный сержант!.. Только подумай, что ты говоришь! Вот уже месяц, как мы покинули Францию, и ты все время говорил мне «ты», пока мы плыли от Сен-Назера до Каракаса.

– Это верно! – вздохнул сержант Марсьяль.

– А теперь, когда мы прибыли в Боливар, откуда должно начаться наше путешествие, которое сулит нам столько радости... А может быть, столько разочарований и горя...

Жан произнес эти слова с глубоким волнением. Голос у него прервался, в глазах блеснули слезы. Но, увидев тревогу на суровом лице сержанта Марсьяля, он овладел собой и, ласково улыбнувшись, сказал:

– А теперь, когда мы добрались до Боливара, ты забываешь, что ты мой дядя, а я – твой племянник.

– Надо же быть таким тупицей! – воскликнул сержант, крепко стукнув себя по лбу.

– Ладно, не огорчайся! Выходит, что не ты будешь приглядывать за мной, а я... Послушай, Марсьяль, ведь это же нормально, что дядя говорит «ты» своему племяннику?

– Нормально.

– И разве я не подавал тебе пример с самого начала плавания, обращаясь к тебе на «ты»?

– Да. Значит, я должен звать тебя...

– Малыш! – воскликнул Жан со всей энергией.

– Да... малыш... малыш! – повторил сержант, и в его устремленном на племянника взоре светилась нежность.

– И не забудь, – добавил Жан, – что малыш по-испански «requeno» – ударение на последнем слоге.

– Requeno, – повторил сержант Марсьяль. – Да, это слово я выучил. И еще штук пятьдесят других. А больше, как ни старался, не получается.

– Ну разве можно быть таким бестолковым! – воскликнул Жан. – Разве я не занимался с тобой каждый день во время нашего плавания на «Перейре»?

– Что ты хочешь, Жан? Каково мне, старому солдату, который всю жизнь говорил по-французски, учить на старости лет эту андалузскую[34] тарабарщину! Право же, мне не под силу разыгрывать из себя странствующего идадьго.

– Ничего, выучишь, мой милый Марсьяль.

– Ну пятьдесят-то слов я уже выучил. Я могу попросить есть: Deme listed algo de comer; пить: Deme usted de beber; спать: Deme usted una cama; спросить, куда идти: Enseneme usted el camino; сколько это стоит: Cuanto vale esto? Я еще могу сказать спасибо: Gracias! – и здравствуйте: Buenas días; и добрый вечер: Buenas noches; и как вы себя чувствуете: Como esta usted? – и еще я могу ругаться, как араговец[35] или кастилец[36]: Carambi de carambo de caramba.

– Хватит... хватит! – воскликнул Жан, краснея. – Я тебя этим ругательствам не учил, и, пожалуйста, не употребляй их на каждом шагу.

– Ничего не поделаешь, Жан, давняя солдатская привычка. Мне кажется, что без всех этих «Черт побери!», «Разрази меня гром!» разговор становится скучным и пресным. А потому мне нравится в этом испанском жаргоне, на котором ты говоришь как сеньора...

– Что же, Марсьяль?

– Ну конечно же ругательства! Их тут не меньше, чем всех остальных слов.

– И естественно, их-то ты и запоминаешь в первую очередь.

– Не буду спорить, Жан, но полковник де Кермор, если бы я все еще служил под его командой, не стал бы меня судить за все эти «трам-тарарам».

При имени полковника де Кермора судорога пробежала по выразительному лицу юноши, а в глазах сержанта Марсьяля блеснули слезы.

– Знаешь, Жан, – продолжил он, – скажи мне Господь: «Сержант, через час ты сможешь пожать руку твоему полковнику, но потом я испепелю тебя молнией», я бы ответил: «Хорошо, Господи... готовь свою молнию и целься прямо в сердце!»

Жан подошел к старому солдату и вытер ему слезы, с нежностью глядя на этого сурового, доброго и чистосердечного человека, готового на любое самопожертвование. Тот привлек к себе Жана и обнял его.

– Ну, это уже лишнее, – улыбнулся Жан. – Не забывай, особенно на людях, что я – твой племянник, а дядюшка должен обращаться с племянником сурово.

– Сурово! – воскликнул сержант Марсьяль, воздевая к небу свои большие руки.

– Ну конечно же. Помни: я – племянник, которого тебе пришлось взять с собой в путешествие. Поскольку ты опасался, что он наделает глупостей, если оставить его одного дома.

– Глупостей!

– Племянник, из которого ты хочешь сделать солдата, как ты сам...

– Солдата!

– Да... солдата... которого следует держать в строгости и не скупиться на наказания, когда он их заслуживает.

– А если он их не заслуживает?

– Заслужит, – ответил Жан, улыбаясь, – потому что он всего лишь нерадивый новобранец.

– Нерадивый новобранец!

– А когда ты его накажешь на людях...

– Я попрошу у него прощения наедине! – воскликнул сержант Марсьяль.

– Это уж как тебе будет угодно, только чтобы никто не видел. А теперь, мой друг, пора спать. Отправляйся в свою комнату, а я останусь здесь.

– Хочешь, я буду дежурить у твоей двери? – спросил сержант.

– В этом нет необходимости. Мне ничто не угрожает.

– Конечно, но все-таки...

– Если ты будешь меня так баловать с самого начала, то тебе не удастся роль свирепого дядюшки!

– Свирепого! Разве я могу быть с тобой свирепым?

– Надо... Чтобы не вызывать подозрений.

– Жан, скажи, зачем ты решил ехать?

– Это мой долг.

– Почему ты не остался там, в нашем доме в Шантене[37], или в Нанте?[38]

– Да пойми же, я должен был ехать.

– Разве я не мог один отправиться в это путешествие?

– Нет.

– Я привык идти навстречу опасностям, это мое ремесло. Я всю жизнь только это и делал. А потом, мне не страшно то, что опасно для тебя.

– Вот потому я и решил стать твоим племянником, дядюшка.

– Ах, если бы я мог спросить совета у моего полковника! – воскликнул сержант Марсьяль.

– Каким образом? – спросил Жан, нахмурившись.

– Нет... это невозможно! Но если в Сан-Фернандо мы получим точные сведения, если нам суждено его увидеть, что он скажет?

– Он поблагодарит своего старого сержанта за то, что он откликнулся на мои мольбы, за то, что он позволил мне предпринять это путешествие! Он сожмет тебя в объятьях и скажет, что ты выполнил свой долг, как я выполнил мой!

– Ну вот, – проворчал сержант Марсьяль, – ты этак из меня веревки вить начнешь.

– На то ты мой дядюшка. Но, повторяю, никаких нежностей на людях, не забывай этого.

– Не на людях... Это приказ!

– А теперь, мой милый Марсьяль, ложись спать, и спокойной ночи. Наш пароход отходит на рассвете, надо не опоздать.

– Спокойной ночи, Жан.

– Спокойной ночи, мой друг, мой единственный друг! До завтра, и да хранит нас Бог!

Сержант Марсьяль вышел, плотно закрыл за собой дверь, убедился, что Жан повернул ключ, закрывшись изнутри. Некоторое время он стоял неподвижно, приложив ухо к двери и прислушиваясь к словам долетавшей до него молитвы. Потом, убедившись, что юноша лег, направился в свою комнату и вместо молитвы повторял, ударяя себя в грудь: «Да!.. Да хранит нас Господь, потому что все это чертовски трудно!»

Кто были эти двое французов? Откуда родом? Что привело их в Венесуэлу? Почему они решили изображать племянника и дядю? Какова цель их плавания по Ориноко и где должно завершиться их путешествие?

– До завтра, и да хранит нас Бог!

Пока что мы не можем дать внятного ответа на эти вопросы. Это сделает будущее. Только в его власти удовлетворить наше любопытство. Однако из вышеприведенного разговора можно заключить следующее. Оба француза были бретонцы, жители Нанта. Это не вызывало сомнений. Гораздо труднее было определить, какие узы их связывали и кто такой полковник де Кермор, одно упоминание о котором вызывало у обоих такое глубокое волнение.

Что касается юноши, то на вид ему было лет шестнадцать – семнадцать, не больше. Он был среднего роста, но крепкого для своих лет сложения. Когда он отдавался своим привычным мыслям, лицо его становилось суровым и даже печальным; но мягкий взгляд, улыбка,

обнажавшая мелкие белоснежные зубы, теплый цвет лица, покрывшегося загаром за время последнего плавания, делали его очаровательным.

Старший – ему было лет шестьдесят – являл собой воплощение старого служаки. Такие тянут солдатскую лямку до последнего. Выйдя в отставку унтер-офицером, он остался при полковнике де Керморе, спасшем ему жизнь на поле битвы во время войны 1870–1871 годов[39], сокрушительное поражение в которой положило конец Второй империи. Он был из породы тех славных солдат, которые остаются в семье своего бывшего командира; ворчливо-преданные, они становятся правой рукой хозяина дома, нянчат детей, втихаря их балуют, дают им первые уроки верховой езды, сажая их верхом себе на колени, и первые уроки пения, обучая их полковым маршам.

Высокий и худой, сержант Марсьяль в свои шестьдесят лет еще сохранил солдатскую выправку и изрядную физическую силу. Служба закалила его, африканский зной и русские морозы оказались ему нипочем. Силенок ему было не занимать, да и мужества тоже. Он не боялся никого и ничего, разве что опасался своего горячего нрава. Но какое доброе и нежное сердце у этого старого рубаки, и чего он только не сделает для тех, кого любит! Однако, похоже, на всем свете он любил только двоих – полковника де Кермора и Жана, дядюшкой которого согласился стать.

И как он печется об этом юноше, какими заботами его окружает вопреки своему решению быть с ним суровым. Но попробуйте-ка у него спросить, зачем нужна эта притворная строгость, зачем играет он эту столь неприятную для него роль, и вы увидите, как свирепо он на вас посмотрит и какими неблагозвучными словами посоветует вам не лезть не в свои дела. Что он и делал во время долгого плавания через Атлантический океан, разделяющий Старый и Новый Свет. Едва кто-нибудь из пассажиров «Перейре» пытался завязать дружбу с Жаном или оказать ему какую-нибудь услугу, что так естественно во время долгого плавания, как тут же появлялся ворчливый и неприветливый дядюшка и весьма нелюбезно ставил на место непрошеного доброхота.

На племяннике был свободного покроя дорожный костюм, пиджак и широкие брюки, сапоги на толстой подошве, белая панاما на коротко остриженных волосах. Дядюшка же был затянут в длинный военный мундир, но без нашивок и эполет. Никакими силами невозможно было убедить сержанта, что просторная одежда гораздо больше подходит к венесуэльскому климату. Единственно, что удалось Жану, так это заставить его сменить фуражку на белую панаму и тем спасти упряма от жгучих солнечных лучей.

Сержант Марсьяль подчинился приказу, хотя про себя ворчал, что плевать он хотел на это солнце, которому ни за что не пробить его железную башку, покрытую густыми жесткими волосами.

Само собой разумеется, что чемоданы дяди и племянника, хоть и не очень большие, содержали все необходимое для такого путешествия: одежду, белье, предметы туалета, обувь, одеяла и, конечно, большое количество патронов и оружие. Два револьвера – для племянника, два – для сержанта Марсьяля. Не считая карабина, которым сержант, будучи прекрасным стрелком, надеялся при необходимости воспользоваться.

При необходимости? Разве плавание по Ориноко грозит такими же опасностями, что и путешествие по Центральной Африке, и нужно быть все время настороже? Разве по берегам реки постоянно бродят банды жестоких и кровожадных индейцев?

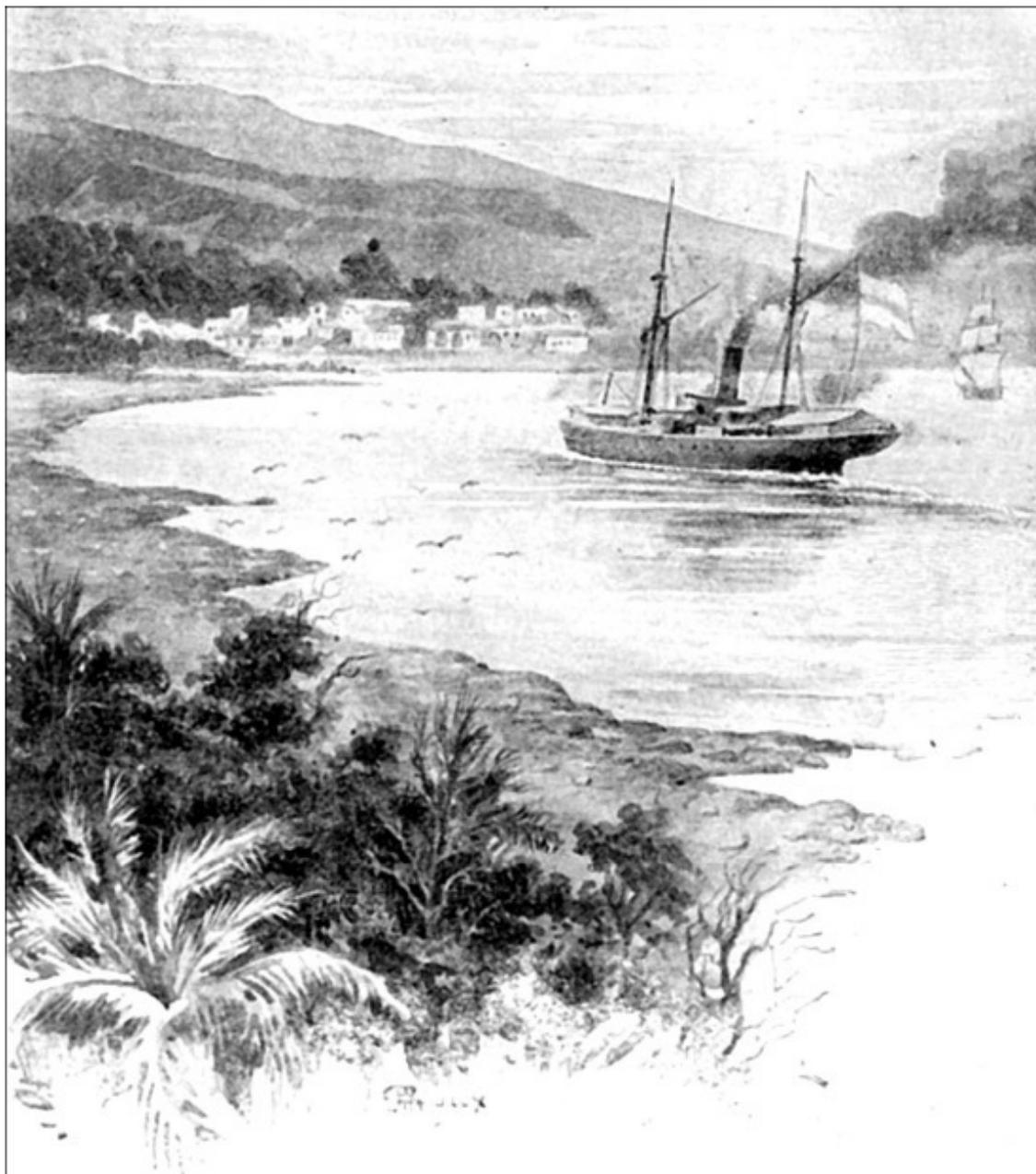
И да и нет.

Как следовало из разговоров господина Мигеля, господина Фелипе и господина Баринаса, нижнее течение Ориноко от Сьюдад-Боливара до устья Апуре не представляло никакой опасности; в средней части, между устьем Апуре и Сан-Фернандо, следовало опасаться индейцев племени кива. Что же касается верхнего течения, то проживающие там индейцы все еще пребывали в состоянии абсолютной дикости.

Вы, конечно, помните, что путешествие господина Мигеля и его коллег должно было завершиться в Сан-Фернандо. А каковы были намерения сержанта Марсьяля и его племянника? Собирались они плыть дальше вверх по течению и, быть может, до самых истоков Ориноко? Кто мог бы сказать! Они и сами не знали этого.

Было достоверно известно, что полковник де Кермор четырнадцать лет назад покинул Францию и отправился в Венесуэлу. Что он там делал, как сложилась его судьба, какие обстоятельства заставили его покинуть родину, ничего не сказав даже своему старому товарищу по оружию? Возможно, дальнейшее развитие событий даст ответ на эти вопросы. Разговоры же между племянником и дядей не позволяли делать никаких конкретных выводов.

Пока можно рассказать лишь о том, что три недели назад, покинув свой дом в Шантене недалеко от Нанта, они сели на пароход трансатлантической компании «Перейре», направлявшийся к Антильским островам[40]. А оттуда другой пароход доставил их в порт Каракаса Ла-Гуйара. Затем по железной дороге они за несколько часов добрались до столицы Венесуэлы. Там они провели всего неделю. У них не было времени на осмотр этого не слишком богатого достопримечательностями, но зато весьма живописного города, одна часть которого расположена на равнине, а другая – более чем на тысячу метров выше. Единственно, что они сделали, – поднялись на высокий холм, называемый Голгофой[41].

Другой пароход доставил их в порт Каракаса

Оттуда открывается вид на множество домов. Все они – облегченной конструкции, что объясняется постоянной опасностью землетрясений. Во время землетрясения 1812 года погибли двенадцать тысяч человек.

Но и кроме этого множества домов – в этом городе более ста тысяч жителей – в Каракасе есть на что посмотреть. Парки, почти сплошь состоящие из вечнозеленых растений, президентский дворец, прекрасный собор, террасы, ведущие к великолепному Карибскому морю...

Однако сержанту Марсьялю и его племяннику было недосуг любоваться красотами венесуэльской столицы. Неделю, проведенную в городе, они потратили на сбор сведений о путешествии, которое намеревались предпринять и которое, возможно, приведет их в весьма удаленные и малоизученные районы Венесуэльской Республики. Пока что они располагали весьма неопределенными сведениями и надеялись пополнить их в Сан-Фернандо. А оттуда Жан готов был двигаться дальше, вплоть до самых опасных территорий в верхнем течении Ориноко.

Если бы сержант Марсьяль попытался отговорить Жана от столь опасного предприятия, он натолкнулся бы – и старому солдату это было доподлинно известно – на удивительные в таком юном существе упорство и совершенно несгибаемую волю и ему пришлось бы отступить.

Вот почему эти два француза, прибывшие накануне в Сьюдад-Боливар, на следующий день были уже на борту парохода, курсирующего в нижнем течении Ориноко.

– Да хранит нас Бог, – сказал Жан, – и пусть он хранит нас как на пути туда, так и на обратном пути!

—

34 Андалузия (правильно: Андалусия) – историческая область на юге Испании. Главный город – Севилья.

35 Арагонцы – жители исторической области Арагона на северо-востоке Испании. Главный город – Сарагоса.

36 Кастильцы – жители испанской исторической области Кастилия, ставшей ядром национального испанского королевства.

37 Шантене – сначала пригород, а потом – городской район Нанта, здесь находился и деревянный дом Пьера Верна, отца писателя.

38 Нант – город и порт во Франции, в устье р. Луары. Известен старинными архитектурными памятниками.

39 Война 1870–1871 годов – Франко-прусская война велась между Францией, стремившейся сохранить свою гегемонию в Европе и препятствовавшей объединению Германии, и Пруссией. Разгром французских войск при Седане привел к революционным событиям 4 сентября 1870 года, падению Второй империи и провозглашению Третьей республики. Франко-прусская война завершилась грабительским в отношении Франции Франкфуртским миром и отторжением от Франции вплоть до 1918 года Эльзаса и значительной части Лотарингии.

40 Антильские острова – архипелаг в Вест-Индии, включающий острова Кубу, Гаити, Ямайку, Пуэрто-Рико и многие другие. На их территории около полутора десятков государств, а также владения крупнейших держав.

41 Голгофа – холм в окрестностях древнего Иерусалима, на котором был распят Иисус Христос.

Глава III

На борту «Симона Боливара»

«Ориноко берет свои истоки в земном раю», – записал в своем дневнике Христофор Колумб[42].

Когда Жан впервые процитировал это высказывание великого генуэзского мореплавателя, сержант Марсьяль лаконично ответил:

– Посмотрим!

И вероятно, он был прав, ставя под сомнение это утверждение знаменитого первооткрывателя Америки. К разряду легенд следовало бы отнести и утверждение, что великая река течет из страны Эльдorado, которое, однако, разделяли первые исследователи края, такие как Охеда, Пинсон, Кабрал, Магеллан, Вальдивия, Сармьенто и их многочисленные последователи.

Но где бы ни были ее истоки, неоспоримо одно: Ориноко описывает огромную дугу между 3-й и 8-й параллелью к северу от экватора и выходит за пределы 70° западной долготы. Венесуэльцы гордятся своей рекой, и в этом отношении господин Мигель, господин Фелипе и господин Баринас ничем не отличались от своих соотечественников.

Не исключено, что они готовы были публично выступить против Элизе Реклю, который в восемнадцатом томе своей «Новой всеобщей географии» ставит Ориноко на девятое место после Амазонки, Конго, Параны, Нигера, Янцзы, Брахмапутры, Миссисипи и реки Святого Лаврентия. Разве не могли бы они сослаться на исследователя девятнадцатого века Диего Ордаса? А он говорил: индейцы называют ее Парагуа, что означает «Большая вода». Несмотря на столь веские доказательства, они все же воздержались от публичных выступлений и поступили весьма благоразумно, ибо нелегко было бы опровергнуть основательный труд французского географа.

В шесть часов утра двенадцатого августа «Симон Боливар» – нет ничего удивительного в том, что судно носило это имя, – готов был к отплытию. Пароходы только несколько лет назад начали совершать рейсы между городом и селениями, расположенными на берегах Ориноко, и то лишь до устья Апуре. Однако благодаря Венесуэльской компании маленькие суда два раза в месяц отправлялись вверх по течению Апуре, доставляя пассажиров и грузы в Сан-Фернандо и даже в порт Нутриас.

А поэтому наши двое путешественников – их путь лежал дальше вверх по течению Ориноко – покинут «Симон Боливар» в нескольких милях от устья Апуре и в районе деревушки Кайкара пересядут в примитивные индейские лодки.

Конструкция «Симона Боливара» позволяла ему совершать плавания по рекам, где уровень воды существенно меняется в зависимости от сезона. Подобные суда, очень малого водоизмещения, с плоским днищем и одним колесом сзади – его вращает мощная паровая машина, – курсируют также по реке Магдалена в Колумбии. Они напоминают плот, на котором находится некое сооружение с трубами двух паровых котлов впереди. Это сооружение завершается спардеком[43]. Здесь находятся салон, пассажирские каюты. Сюда же принимают грузы. В целом суда эти похожи на американские пароходы с их огромными балансирами[44] и рычагами. Все это сооружение, вплоть до капитанской каюты и штурманской рубки, над которой водружен флаг Республики, выкрашено яркой краской. Следует заметить, что топки котлов пожирают прибрежные деревья, оставляя по обоим берегам Ориноко широкие полосы вырубленных лесов.

В районе Сьюдад-Боливара, в четырехстах двадцати километрах от устья, почти не ощущается действие приливной волны, что весьма затрудняет движение судов вверх по течению. В дождливый сезон вода, даже в центре провинции, может подняться на десять – пятнадцать метров. Но обычно уровень воды в Ориноко повышается постепенно, начиная с середины августа, достигает высшей точки в конце сентября, а затем так же плавно понижается с ноября по апрель.

Таким образом, путешествие господина Мигеля и его коллег было предпринято в период, благоприятный для научных исследований патриотов Атабапо, Гуавьяре и Ориноко.

Множество единомышленников, пришедших проводить наших географов, толпились у причала. А ведь это было только начало путешествия. Можно себе представить, что будет твориться, когда они вернутся! Провожающие приветствовали путешественников громкими криками. Сквозь шум, ругань матросов и грузчиков и оглушительный свист пара доносились крики:

- Да здравствует Гуавьяре!
- Да здравствует Атабапо!
- Да здравствует Ориноко!

Несмотря на усилия господина Мигеля, бурные дискуссии то и дело грозили перейти в ссору.

Сержант Марсьяль и его племянник, стоя на спардеке, с изумлением наблюдали за этими сценами, не в силах понять, что же здесь происходит.

– Чего хотят эти люди? – воскликнул старый солдат. – Это наверняка какая-нибудь революция...

Бывалый служака ошибался: в испано-американских государствах революции не происходят без участия военных. А у причала не было видно ни одного из семи тысяч генералов венесуэльского штаба.

Жан и сержант Марсьяль недолго будут оставаться в неведении, так как можно не сомневаться, что господин Мигель и его коллеги продолжают свой географический спор на борту парохода.

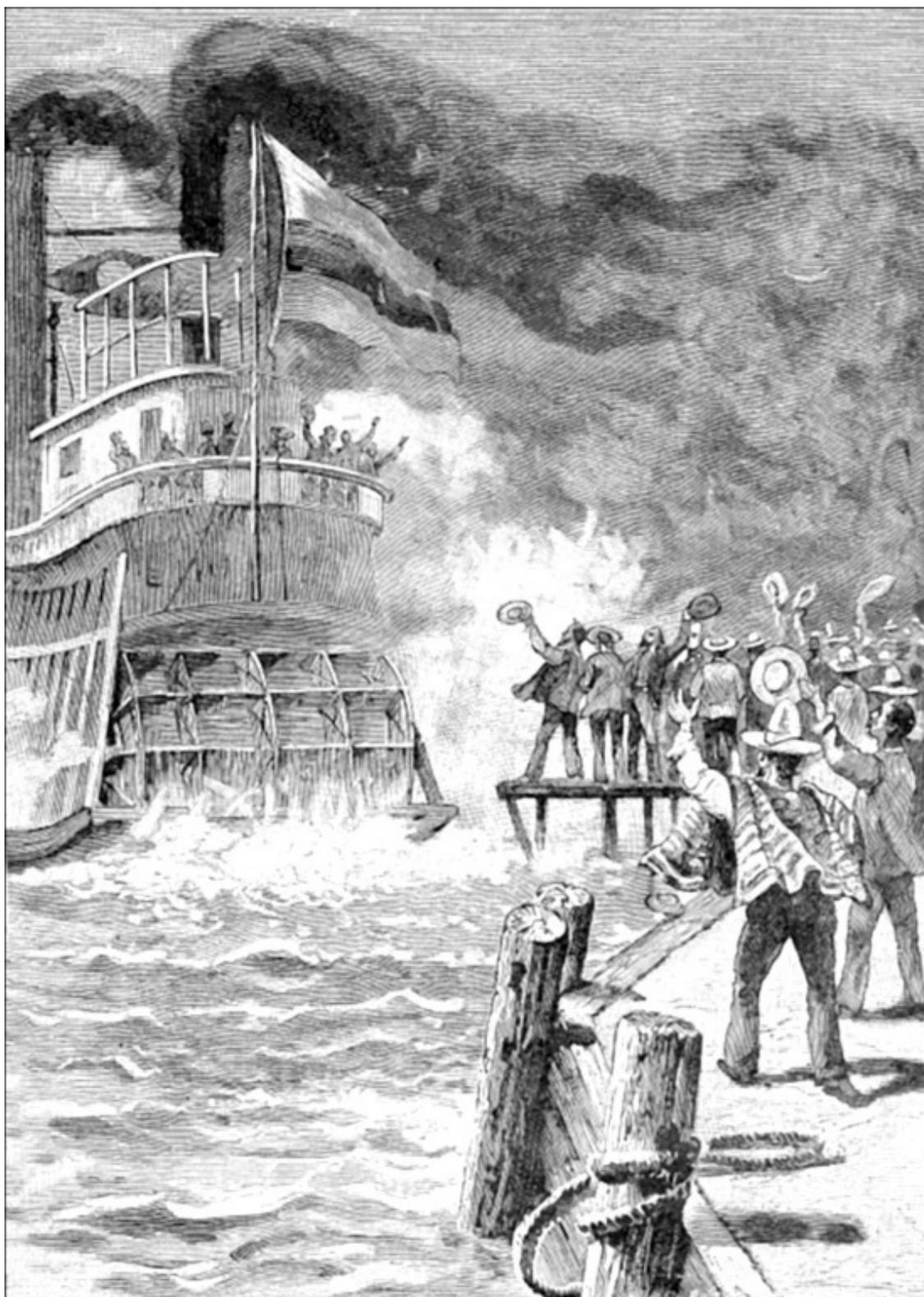
Капитан дал приказ отдать концы, и провожающим пришлось покинуть судно. Наконец-то после всей этой суматохи на борту остались только пассажиры и экипаж.

С берега еще раздавались прощальные приветствия, крики «Виват!» в честь Ориноко и ее притоков, а «Симон Боливар», оставляя позади пенистый след, вышел тем временем на середину реки. Через четверть часа город скрылся за поворотом левого берега. Следом исчезли из виду и последние дома Соледада – справа.

Венесуэльские льяносы занимают площадь примерно пятьсот квадратных километров. Они представляют собой почти сплошь равнины. Лишь кое-где встречаются едва уловимые глазом возвышенности, называемые здесь «банкос», либо холмы с обрывистыми склонами – «месас»[45]. По мере приближения льяносов к горам возвышенности, однако, становятся чуть заметнее. Равнины, называемые «бахос», тянутся вдоль рек. Вот по этим просторам, зеленеющим в сезон дождей, желтым и даже почти бесцветным в сухое время года, несет Ориноко свои воды.

Впрочем, любознательным пассажирам «Симона Боливара» нужно было бы всего лишь обратиться к господам Мигелю, Фелипе и Баринасу, чтобы получить исчерпывающую информацию о гидрографических[46] и географических особенностях реки. Ведь эти трое ученых были готовы в любую минуту дать подробнейшие сведения о прибрежных деревушках и селениях, о притоках Ориноко, об оседлых и кочевых племенах. Пожелай только того пассажиры, и трое добросовестнейших чичероне с любезной поспешностью поделились бы с ними своими знаниями.

Правда, большинство пассажиров «Симона Боливара» вряд ли узнали бы что-либо новое. Они уже раз двадцать плавали вверх и вниз по течению, одни – до устья Апуре, другие – до городка Сан-Фернандо-де-Атабапо. Большинство из них были торговцами, доставлявшими товары либо в глубь страны, либо в порты на восточном побережье. Торговали они, главным образом, какао, мехами, кожей, медной рудой, фосфатами. А также – строительным лесом, резными деревянными изделиями, красителями, бобовыми, каучуком, сальсапарелью[47] и, наконец, скотом. На равнинах ведь сильно развито животноводство.

Провожжающие приветствовали путешественников громкими криками

Венесуэла расположена в экваториальной зоне. Средняя температура здесь 25–30°, но на самом деле, как во всех гористых странах, она изменчива. Жарче всего в районах, расположенных между прибрежными и западными Андами, преграждающими путь морским ветрам и не позволяющими северо-восточным пассатам[48] смягчать климат.

В тот день небо было затянуто дождевыми облаками, встречный западный ветер создавал приятное ощущение свежести, и пассажиры не слишком страдали от жары.

Устроившись на палубе, сержант Марсьяль и Жан любовались берегами реки.

Большинство же пассажиров были равнодушны к этому зрелищу, за исключением трех географов, оживленно обсуждавших мельчайшие детали ландшафта[49].

Конечно, обратиться к ним Жан, они с радостью ответили бы на все его вопросы. Но, во-первых, суровый и бдительный сержант Марсьяль ни за что не позволил бы посторонним вступить в разговор со своим племянником. А, во-вторых, тот и не нуждался ни в чьей помощи. Разбираться в селениях, островах и изгибах реки ему позволял надежный путеводитель, книга господина Шафанжона. Автор ее поведал о двух путешествиях, которые он совершил по поручению министра народного образования Франции. Во время первого путешествия в 1884 году Шафанжон исследовал нижнее течение Ориноко от Сьюдад-Боливара до устья Кауры, включая этот крупный приток. Второе путешествие в 1886–1887 годах было посвящено исследованию реки от Сьюдад-Боливара до ее истоков. Повествование французского ученого было столь подробным и точным, что Жан надеялся извлечь из него немалую пользу.

Само собой разумеется, что сержант Марсьяль предусмотрительно запасся достаточным количеством пиастров[50], необходимых для всех дорожных расходов. А также – стеклянными украшениями, тканями, ножами, зеркальцами, жестяной посудой и грошовыми безделушками, что должно было содействовать установлению контактов с индейцами льяносов. Вся эта мишура наполняла ящики, составленные вместе с остальным багажом в глубине дядюшкиной каюты, смежной с каютой племянника.

Жан, положив книгу на колени, внимательно вглядывался в скользящие перед его взором берега. Нужно сказать, что путешествие его соотечественника было сопряжено с гораздо большими трудностями, так как он вынужден был пройти под парусом или на веслах путь до устья Апуре, куда теперь пассажиров доставляли пароходы. Однако выше устья Апуре возникали непреодолимые для пароходов препятствия, а потому сержанту Марсьялю и его юному спутнику предстояло вернуться к этому примитивному и не слишком комфортабельному способу передвижения.

Утром «Симон Боливар» прошел мимо Орокопиче. Остров этот щедро снабжает сельскохозяйственной продукцией главный город провинции. В этом месте русло Ориноко сужается до девяти сот метров, но выше по течению становится почти в три раза шире. С палубы Жану хорошо была видна вся равнина, монотонность которой нарушалась круглящимися тут и там холмами. В полдень все пассажиры – их было человек двадцать – собрались к обеду в салоне. Господин Мигель и его спутники одни из первых заняли свои места за столом. Сержант Марсьяль поспешил за ними, не слишком любезно подгоняя своего племянника, что не ускользнуло от взора господина Мигеля.

– Экий грубиян этот француз, – заметил он сидящему рядом с ним господину Баринасу.

– Что вы хотите, он же солдат, – ответил тот.

Военный покров одежды бывшего сержанта не позволял ошибиться.

Перед обедом сержант выпил рюмку анисовки – тростниковой водки, настоящей на анисе. Жан, явно не питавший склонности к крепким напиткам, совершенно не нуждался в аперитиве[51], чтобы с аппетитом приняться за еду. Дядюшка с племянником заняли место в глубине салона, и суровая физиономия старого служаки отбивала всякую охоту сесть рядом с ними.

Зато наши географы, усевшись в центре, привлекали всеобщее внимание. Цель их путешествия была известна, и все пассажиры с интересом прислушивались к их разговорам. Почему сержант Марсьяль не хотел, чтобы Жан принимал участие в общей беседе, – совершенно непостижимо!

Меню было разнообразным, однако качество пищи оставляло желать лучшего. Но, отправляясь в путешествие по Ориноко, не следует быть слишком привередливым. Более того, нужно радоваться, что в течение всего плавания вам все-таки подают бифштексы, хотя они и напоминают плоды каучукового дерева, рагу, плавающее в желто-шафранном соусе, яйца, такие твердые, что хоть сажай их на вертел, или куски курицы, которую можно кое-как разжевать только после многочасового тушения. Что касается фруктов, то в изобилии имелись бананы – либо в натуральном виде, либо под сладким соусом, превращающим их в некое подобие джема. Хлеб? Очень неплохой, но, конечно, из кукурузной муки. Вино? Да, но довольно скверное и дорогое. Таков был этот «альмуэрс», этот обед, оказавшийся, кроме всего прочего, весьма непродолжительным.

Во второй половине дня «Симон Боливар» миновал остров Бернавель. Русло Ориноко сужается здесь из-за множества больших и малых островов, и паровой машине приходится работать с удвоенной силой, чтобы преодолевать сопротивление встречного течения. Впрочем, капитан хорошо знал фарватер, и можно было не опасаться, что судно сядет на мель.

Левый лесистый берег был изрезан многочисленными бухточками, особенно за Альмасеном, крохотной деревушкой из трех десятков жителей. Она осталась точно такой же, какой ее видел господин Шафанжон восемь лет назад. В устье мелких притоков Ориноко, Бари и Лимы, во множестве росли копайферы (извлекаемый подсечкой из их стволов копайский бальзам пользуется большим спросом) и пальмы мориче – на них резвились стаи обезьян, чье мясо, кстати, несравнимо вкуснее тех резиновых бифштексов, что были поданы на обед и вновь появятся на столе к ужину. Плавание по Ориноко затрудняют не только многочисленные острова, но и встречающиеся кое-где опасные рифы. Однако «Симон Боливар» благополучно избежал столкновения с ними и вечером, преодолев двадцать пять – тридцать лье, пристал к берегу у деревни Мойтако. Здесь он должен был остаться до утра, так как свет луны не пробивался сквозь затягивающие небо плотные тучи и продолжать плавание в абсолютном мраке было бы весьма неосторожно.

В девять часов вечера сержант Марсьяль решил, что пора спать, и Жан без возражений подчинился. Они отправились в свои каюты, расположенные в кормовой части второй палубы. Койка, легкое одеяло и циновка, называемая здесь «эстера», – в тропиках нет нужды в иных спальнях принадлежностях. Юноша разделся и лег в своей каюте, а сержант Марсьяль натянул над его койкой тольдо, нечто вроде кисеи, служащей противомоскитной сеткой, – предосторожность в высшей степени необходимая, учитывая свирепость кружащихся над Ориноко насекомых. Сержант не мог допустить, чтобы хоть один комар впился в кожу его племянника. О себе он не думал, считая, что его задубевшая шкура будет нечувствительна к их укусам.

Благодаря всем этим предосторожностям Жан как убитый проспал до утра, несмотря на мириады мошек, жужжавших вокруг его полога.

На рассвете следующего дня, как только матросы погрузили и сложили на палубе нарубленные в прибрежных лесах дрова, «Симон Боливар», чьи топки не были потушены на ночь, снова отправился в путь. Одна из двух бухт – справа и слева от деревни Мойтако – осталась позади, и очаровательные домики деревушки, некогда бывшей центром испанских миссий, вскоре исчезли за поворотом реки. Здесь господин Шафанжон тщательно искал могилу одного из спутников доктора Крево, Франуса Бюрбана, но так и не обнаружил ее на скромном кладбище Мойтако.

За день судно миновало деревушку Санта-Крус – всего-то два десятка хижин, – затем остров Ганарес, некогда бывший пристанищем миссионеров, и, наконец, остров Дель-Муэрто, расположенный в том месте, где река поворачивает с юга на запад.

Затем на пути судна возникли «раудали», так здесь называют пороги, образовавшиеся в сужениях русла реки. «Симон Боливар» без труда преодолел этот участок реки, столь сложный для весельных и парусных судов. Ему понадобилось всего лишь чуть больше горячего, да

широкие лопасти колеса чуть сильнее вспенили воду. Судно без труда прошло три или четыре порога, включая «Врата Ада», расположенные, согласно книге господина Шафанжона, выше острова Матабапо.

– Так, стало быть, книжка этого француза правильно описывает то, что мы видим с борта «Симона Боливара»?

– Совершенно правильно, дядюшка, только мы проходим за сутки то расстояние, на которое наш соотечественник тратил три-четыре дня. Правда, когда мы с парохода пересядем в лодки, мы будем продвигаться не быстрее чем он. Но какое это имеет значение? Главное – добраться до Сан-Фернандо, где, я надеюсь, мы получим более точные сведения.

– Конечно, если только мой полковник там был, мы наверняка обнаружим его следы! И в конце концов узнаем, где он разбил свой лагерь. А когда мы его увидим, когда ты бросишься в его объятия... тогда он узнает...

– Так стало быть, книжка этого француза правильно описывает то, что мы видим с борта «Симона Боливара»?

– Что я твой племянник... твой племянник! – поспешно завершил юноша, все время опасавшийся какой-нибудь нескромной реплики своего дядюшки.

Когда наступил вечер, «Симон Боливар» причалил к крутому берегу, где изящно расположилось селение Мапире.

Господа Мигель, Фелипе и Баринас решили до наступления темноты осмотреть это довольно крупное селение на левом берегу Ориноко. Жан хотел пойти вместе с ними, но сержант заявил, что не следует покидать судно, и юноша подчинился.

Что же касается трех членов Географического общества, то они остались очень довольны своей прогулкой. С высокого берега была хорошо видна вся река, а к северу от Мапире простирались окруженные зеленым поясом лесов льяносы, где индейцы пасут мулов[52], лошадей и ослов.

В девять часов все пассажиры, тщательно натянув москитные сетки, заснули в своих каютах.

Весь следующий день просто тонул – иначе не скажешь – в потоках дождя. Пассажиры и носа не высовывали на палубу. Сержант и его племянник сидели в салоне, где расположились господа Мигель, Фелипе и Баринас. Остаться в неведении относительно проблемы Ориноко – Атабапо – Гуавьяре было совершенно невозможно, потому что наши географы только об этом и говорили и притом весьма громко. Многие пассажиры принимали участие в споре, на той или иной стороне. Впрочем, можно было с уверенностью сказать, что ни один из них не отправится в Сан-Фернандо, чтобы лично принять участие в разъяснении этой географической проблемы.

– А какое это имеет значение? – спросил сержант Марсьяль, когда племянник ввел его в курс дела. – Как ты реку ни назови, – это все равно вода, которая течет туда, куда ей положено течь...

– Ну что ты, дядюшка, – ответил Жан. – Не будь этих вопросов, зачем были бы нужны географы, а не будь географов...

– Мы не смогли бы изучать географию, – насмешливо закончил сержант Марсьяль. – Ясно одно, эти спорщики поедут с нами до Сан-Фернандо.

Действительно, после Кайкары предстояло совместное путешествие на небольшом судне, хитроумное устройство которого позволяет преодолевать многочисленные пороги в среднем течении Ориноко.

Непрерывный ливень не позволил им осмотреть остров Тигрита, но зато за обедом они лакомились великолепной рыбой. Эта рыба водится тут в таком изобилии, что ее солят и отправляют в огромных количествах в Сьюдад-Боливар и в Каракас.

Ближе к полудню пароход свернул на запад от устья Кауры. Каура – один из самых крупных притоков Ориноко – течет с юго-востока по территориям, населенным индейцами паране, инао, аробато и тапарито, и орошает одну из самых живописных долин Венесуэлы. В деревнях, вдоль берегов Ориноко, живут вполне цивилизованные метисы испанского происхождения. Более удаленные деревни населены еще дикими индейцами-скотоводами, которых называют «гомерос»[53], потому что они занимаются сбором лечебных смол.

Жан с интересом прочел рассказ соотечественника. Во время своего первого путешествия в 1885 году тот, покинув берега Ориноко, посетил льяносы Кауры, населенные индейцами арига и кирикирипа. Подобные, и даже более страшные, опасности поджидали Жана, если ему придется двинуться к истокам Ориноко. Восхищаясь энергией и мужеством отважного француза, юноша надеялся оказаться столь же храбрым и энергичным.

Но ведь тот был зрелым мужчиной, а Жан – совсем молодым человеком, почти ребенком. Так пусть же Господь даст ему силы вынести тяготы путешествия и достичь цели!

Выше впадения Кауры Ориноко достигает в ширину почти трех миль, а многочисленные притоки и идущие уже в течение трех месяцев дожди вызвали значительный подъем уровня воды в реке. И тем не менее капитан «Симона Боливара» должен был вести судно с большой осторожностью, чтобы не сесть на мель в районе острова Тукурага, где одноименная река впа-

дает в Ориноко. Однако в одном месте судно все-таки зацепило за мель, и раздавшийся скрежет встревожил пассажиров.

Корпус судна не должен был пострадать, так как днище у него было таким же плоским, как у шаланды[54], но можно было опасаться повреждений в колесе (например поломки лопастей) или в машине.

Однако на этот раз все обошлось благополучно, и «Симон Боливар» встал на якорь в бухточке у правого берега в местечке с названием Лас-Бонитас.

—

42 Колумб, Христофор (1451–1506) – мореплаватель, родился в г. Генуя (Италия). Совершил четыре экспедиции. В поисках кратчайшего морского пути в Индию достиг Америки (официальная дата ее открытия – (2 октября 1492? года).

43 Спардек – палуба средней надстройки на судах, а также сама эта надстройка.

44 Балансир – здесь: двуплечий рычаг в судовой машине для передачи звеньям механизма возвратного движения.

45 Столовые горы (*исп.*).

46 Гидрография – отдел географии, посвященный изучению и описанию вод земной поверхности.

47 Сальсапарель – вьющиеся тропические кустарники, корни некоторых видов применяются в медицине.

48 Пассаты – постоянные северо-восточные ветры в Северном и юго-восточные в Южном полушариях, дующие в областях между тропиками и экватором.

49 Ландшафт – здесь: общий вид местности.

50 Пиастр – название мелкой монеты различных стран, здесь оно применено к другой монете – песо, денежной единице ряда государств Центральной и Южной Америки.

51 Аперитив – спиртной напиток для возбуждения аппетита.

52 Мул – помесь осла и кобылы, помесь жеребца и ослицы называется лошак.

53 От *исп.* *goma* – «смола».

54 Шаланда – небольшое мелкосидящее самоходное судно баржевого типа.

Глава IV Первые контакты

Лас-Бонитас – официальная резиденция военного губернатора, в ведении которого находится Каура, а точнее, территория, орошаемая этим большим притоком Ориноко. Селение на правом берегу реки выросло там, где некогда располагалась испанская миссия Альтаграсия.

Миссионеры были подлинными завоевателями этих испано-американских провинций, и естественно, что они не могли спокойно смотреть, как англичане, немцы, французы пытаются обращать в христианскую веру индейцев, живущих в глубине страны. А следовательно, возникновение конфликтов можно было ожидать в любую минуту.

Военный губернатор находился в это время в Лас-Бонитас. Он был лично знаком с господином Мигелем, а будучи в курсе того, что географ отправился в путешествие по Ориноко, поспешил подняться на борт судна, едва оно пристало к берегу.

Господин Мигель представил губернатору своих друзей. Произошел взаимный обмен любезностями, затем последовало приглашение на обед, каковое было принято, так как «Симон Боливар» не собирался покидать порт раньше часа пополудни.

Времени было вполне достаточно, чтобы к вечеру того же дня прибыть в Кайкару и высадить пассажиров, не собиравшихся ехать ни в Сан-Фернандо, ни в другие селения провинции Апуре.

Итак, на следующий день, пятнадцатого августа, три члена Географического общества направились к жилищу губернатора. А тем временем сержант Марсьяль и его племянник уже сошли на берег (приказ исходил от сержанта, но идея принадлежала племяннику) и прогуливались по улицам Лас-Бонитас.

Городок в этой части Венесуэлы скорее напоминает деревню: разбросанные тут и там хижины теряются в густой зелени тропических растений; вздымающиеся к небу свои могучие ветви деревья говорят о созидательной мощи земли. Чапарро[55] с кривыми, как у слив, стволами и грубыми, издающими сильный запах листьями, пальмы коперникас с кустистыми ветвями и расходящимися веером листьями... Примечательны и пальмы мориче, образующие то, что здесь называют моричаль, то есть болото. Дело в том, что эти деревья обладают свойством высасывать воду из глубины, так что у подножия дерева почва становится топкой. Затем копайферы, саураны из семейства мимозовых с огромной развесистой кроной и тонкой нежно-розовой листвой.

Жан и сержант Марсьяль вступили под сень пальм, обычно растущих в шахматном порядке. Роща была очищена от зарослей густого кустарника, и они могли свободно прогуливаться, вдыхая пьянящий аромат мимоз.

В гуще зелени резвились, прыгая с ветки на ветку, стаи обезьян. На территории Венесуэлы водятся не меньше шестнадцати видов этих млекопитающих, столь же безобидных, сколь и шумных. Например, алуате или арагуато, ревуны, чьи жуткие голоса приводят в трепет человека, впервые очутившегося в тропическом лесу. Тучи пернатых оглашали лес своим пением, и среди них – запевалы поднебесной капеллы трупиялы, устраивающие гнезда на длинных лианах[56]; очаровательные, грациозные и нежные петушки, появляющиеся только ночью, чаще называемые чертенятами из-за их манеры внезапно взлетать к вершине деревьев.

Сержант Марсьяль внезапно нарушил молчание:

– Мне бы следовало взять с собой ружье.

– Ты хочешь убивать обезьян? – спросил Жан.

– Не обезьян... но ведь могут встретиться и более опасные звери.

– Успокойся, дядюшка! Хищники встречаются только вдали от человеческого жилья, и, возможно, нам еще очень нескоро придется с ними столкнуться.

– Все равно! Солдат не должен выходить из дома без оружия, и за это меня следовало бы отправить на гауптвахту!..

Сержант Марсьяль зря корил себя за это нарушение дисциплины. Дело в том, что хищные кошки, как мелкие, так и крупные – ягуары, оцелоты, встречаются преимущественно в дебрях вверх по течению реки. Здесь же можно было в крайнем случае наткнуться на медведей, но эти звери добродушны, питаются, главным образом, рыбой и медом, ну а что касается ленивцев – *Bradypus tridactylus*, – то на них можно было и вовсе не обращать внимания.

– Мне бы следовало взять с собой ружье

За время прогулки сержант Марсьяль обнаружил только безобидных грызунов, например морских свинок, и несколько парочек чирики, которые очень ловко ныряют, но очень плохо бегают.

Население края состояло, главным образом, из метисов и индейцев, которые не слишком часто покидали свои хижины, особенно женщины и дети. Лишь много выше по течению дядюшке и племяннику придется столкнуться со свирепыми аборигенами, и карабин сержанта окажется тут совсем нелишним.

После довольно утомительной трехчасовой прогулки сержант и Жан вернулись к обеду на борт «Симона Боливара».

В это же время господа Мигель, Фелипе и Баринас усаживались за стол в доме губернатора. Меню было весьма незамысловатым – и, право же, нельзя ожидать от губернатора провинции того же, что и от президента Венесуэльской Республики, – зато гости были окружены самым сердечным вниманием. Естественно, речь зашла о цели путешествия трех географов, но губернатор, как человек благоразумный, оставил свое мнение при себе и, чтобы беседа не перешла в спор, перевел разговор на другую тему.

Когда страсти уже грозили накалиться, губернатор ловко переключил внимание спорщиков.

– Не знаете ли вы, господа, – спросил он, – собирается ли кто-либо из пассажиров «Симона Боливара» плыть дальше вверх по течению?

– Нам это неизвестно, – ответил господин Мигель, – но, кажется, большинство из них намерены сойти в Кайкаре или плыть дальше по Апуре до колумбийских селений.

– Возможно, эти двое французов продолжат путешествие по Ориноко...

– Двое французов? – удивился губернатор.

– Да, – ответил господин Фелипе, – молодой и старый. Они сели в Боливаре.

– А куда они направляются?

– Это никому не известно, – ответил господин Мигель, – потому что они сознательно уклоняются от общения. Едва кто-либо пытается заговорить с юношей, как тут же появляется свирепый старый служака и, если племянник упорствует, – а похоже, это его племянник, – он отправляет его в каюту. Этот дядюшка ведет себя как опекун.

– Мне жаль бедного юношу, – добавил господин Баринас, – он страдает от этой грубой опеки, и мне кажется, я не раз видел у него на глазах слезы...

Право же, ничто не могло ускользнуть от взора господина Баринаса.

Но если глаза Жана и бывали влажны от слез, то причиной тому была не суровость сержанта Марсьяля, а мысли о будущем, о цели их путешествия и о, возможно, ожидающих их разочарованиях. Но как могли знать об этом посторонние?

– Сегодня вечером, – продолжал господин Мигель, – мы узнаем, собираются ли эти двое французов плыть дальше по Ориноко. Я бы этому не удивился, потому что юноша постоянно штудирует труд своего соотечественника, который несколько лет назад совершил путешествие к истокам реки.

– Если, конечно, она берет истоки в массиве Парима, – воскликнул господин Фелипе, считавший, что Ориноко – это Атабапо.

– Если она не берет истоки в Андах, – возразил господин Баринас, – в том самом месте, где рождается приток, столь неудачно названный Гуавьяре.

Губернатор, видя, что спор готов вновь разгореться с новой силой, обратился к своим гостям:

– Господа, меня очень занимают этот дядюшка и этот племянник. Если они не сойдут ни в Кайкаре, ни в Сан-Фернандо-де-Апуре, ни в Нутриас, если они намерены плыть дальше вверх по Ориноко, то хотел бы я знать, с какой целью. Французы отважны, это мужественные исследователи, но уже многие из них заплатили жизнью за свою любознательность... Доктор Крево был убит индейцами на равнинах Боливии, могила его спутника Франсуа Бюрбана так и не была обнаружена на кладбище в Мойтако. Правда, господин Шафанжон сумел достичь истоков Ориноко...

– Если только это Ориноко, – вставил господин Баринас, который не мог равнодушно слышать столь чудовищные утверждения.

– Да, если только это Ориноко, – примирительно повторил губернатор. – И эта географическая проблема будет окончательно решена по завершении вашего путешествия, господа. Так вот, я говорил, что если господин Шафанжон вернулся целым и невредимым, то отнюдь не потому, что он не подвергался постоянной опасности быть уничтоженным, как и его предшественники. Право же, можно сказать, что наша великолепная венесуэльская река притягивает к себе французов, в том числе и тех, что находятся среди пассажиров «Симона Боливара».

– Вы правы, – сказал господин Мигель. – Кстати, несколько недель назад двое храбрецов отправились изучать льяносы в восточной части реки.

– Совершенно верно, господин Мигель, – ответил губернатор. – Я даже принимал у себя этих двух еще молодых людей. На вид им лет двадцать пять – тридцать. Один из них, Жак Эллок, – исследователь, другой, Жермен Патерн, – натуралист. И оба готовы рисковать жизнью, чтобы обнаружить какую-нибудь еще неизвестную травинку...

– И с тех пор вы больше не имеете о них сведений? – спросил господин Фелипе.

– Никаких, господа. Я знаю только, что они наняли пирогу[57] в Кайкаре, что их видели в Буэна-Висте и Ла-Урбане, откуда они двинулись вверх по одному из правых притоков. И с тех пор о них нет больше никаких известий, что дает основания для серьезных опасений.

– Будем надеяться, что наши исследователи не попались в лапы грабителей и убийц кива, племена которых Колумбия вытеснила в Венесуэлу и которых, как говорят, возглавляет некий Альфанис, бежавший с каторги в Кайенне[58].

– Это правда?

– Похоже, что да, и не дай вам Бог повстречаться с этими бандитами, – добавил губернатор. – В конце концов, вполне возможно, что эти французы не попали в западню, благополучно продолжают свое путешествие и в один прекрасный день целыми и невредимыми появятся в какой-нибудь из деревень на правом берегу. Дай Бог им такой же удачи, как и их соотечественнику. Рассказывают еще об одном миссионере, обосновавшемся еще дальше на восточных территориях. Это испанец, отец Эсперанте. Недолго пробыв в Сан-Фернандо, он, не колеблясь, двинулся к самым истокам Ориноко.

– Ложной Ориноко! – одновременно воскликнули господин Фелипе и господин Баринас.

Они вызывающе посмотрели на господина Мигеля, который ответил им легким поклоном:

– Как вам будет угодно, мои дорогие коллеги, – а затем обратился к губернатору: – Я слышал, что этому миссионеру удалось основать миссию...

– Это верно... миссию Санта-Хуана, где-то в районах, прилегающих к Рорайме. Говорят, она процветает.

– Нелегкая задача, – сказал господин Мигель.

– Особенно когда речь идет о том, чтобы цивилизовать, обратить в католицизм, одним словом, преобразить самое дикое из юго-восточных индейских племен, несчастных гуахибо. Ведь они пребывают на низшей ступени человеческого развития, – сказал губернатор. – Подумайте только, сколько требуется мужества, самоотверженности, терпения, короче, истинно христианских добродетелей, чтобы осуществить эту гуманнейшую задачу. Первые годы об отце Эсперанте не было никаких сведений, и в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году французский путешественник ничего о нем не слышал, хотя миссия Санта-Хуана находилась недалеко от истоков...

Губернатор не решился сказать: Ориноко, чтобы не подливать масла в огонь.

– Но, – продолжил он, – два года назад сведения о нем дошли до Сан-Фернандо, оказывается, ему удалось совершить настоящие чудеса со своими индейцами.

До конца обеда разговор шел о территориях в среднем течении Ориноко – эта часть реки не являлась предметом спора, – о современном состоянии индейских племен, цивилизованных и диких. Губернатор рассказывал о них очень обстоятельно, так что даже господин Мигель, несмотря на всю свою ученость, извлек для себя некоторую пользу из разговора. Одним словом, возобновления спора между господином Фелипе и господином Баринасом удалось благополучно избежать.

Около полудня гости покинули гостеприимный кров губернатора и направились к «Симону Боливару», отплывавшему в час пополудни.

Дядюшка и племянник, вернувшись на судно к обеду, больше уже на берег не спускались. С верхней палубы, где сержант Марсьяль курил свою трубку, они увидели возвращавшихся господина Мигеля и его коллег.

Губернатор решил проводить их. Желая в последний раз пожать им руки, прежде чем пароход отдаст швартовы[59], он поднялся на палубу. Сержант Марсьяль сказал Жану:

– Этот губернатор – наверняка генерал, хотя на нем вместо мундира – пиджак, вместо треуголки – соломенная шляпа, а на груди нет орденов...

– Очень может быть, дядюшка.

– Генерал без армии, каких много в этих американских республиках!

– Он производит впечатление очень умного человека, – заметил юноша.

– Возможно, но главным образом любопытного, – возразил сержант, – мне не слишком нравится, как он на нас смотрит, а точнее, совсем не нравится.

Действительно, губернатор не сводил глаз с двух французов, о которых шла речь за обедом.

Что привело их на борт «Симона Боливара», что заставило предпринять это путешествие, сойдут они в Кайкаре или отправятся дальше по Апуре или Ориноко? Все эти вопросы возбуждали сильное любопытство губернатора.

В путешествие по Ориноко обычно отправлялись мужчины в расцвете сил, как те двое исследователей, посетивших Лас-Бонитас несколько недель назад и о которых не было известий с момента их отъезда из Ла-Урбаны. Но этот шестнадцати-семнадцатилетний юноша и этот шестидесятилетний солдат... трудно было себе представить, что они отправились в научную экспедицию...

В конце концов губернатор, даже в Венесуэле, имеет право узнать, что привело иностранцев в его страну, и, в качестве официального лица, расспросить их о цели путешествия.

Губернатор, продолжая беседовать с господином Мигелем, спутники которого удалились в свои каюты, сделал несколько шагов по направлению к корме.

Сержант Марсьяль разгадал его маневр.

– Внимание, – сказал он Жану, – генерал намерен войти с нами в контакт. Он наверняка хочет узнать, кто мы, зачем мы сюда прибыли и куда направляемся.

– Ну и что, мой милый Марсьяль, нам незачем это скрывать, – ответил Жан.

– Я не люблю, когда лезут в мои дела, и без обвиняков скажу ему это...

– Ты хочешь осложнить наше положение, дядюшка? – сказал юноша, удерживая сержанта за руку.

– Я не хочу, чтобы они с тобой разговаривали, крутились вокруг тебя...

– А я не хочу, чтобы ты своей нелепой бестактностью ставил под угрозу успех нашего путешествия, – решительно заявил Жан. – Если губернатор Кауры обратится ко мне, я конечно же отвечу на его вопросы. И более того, я хотел бы получить от него кое-какие сведения.

Сержант Марсьяль проворчал что-то невнятное, яростно задымил своей трубкой и встал рядом с племянником. Губернатор обратился к Жану на испанском. Юноша изъяснялся на этом языке свободно.

– Вы француз...

- Да, господин губернатор, – ответил Жан, сняв шляпу перед его превосходительством.
- А ваш спутник?
- Мой дядя тоже француз, отставной сержант.

Сколь скудны ни были познания сержанта Марсьяля в испанском языке, он понял, что речь идет о нем. А потому он выпрямился во весь рост, убежденный что сержант 72-го пехотного полка стоит не меньше венесуэльского генерала, будь тот даже губернатором края.

– Я надеюсь, вы не сочтете нескромным, мой юный друг, – продолжил губернатор, – если я спрошу вас, сойдете ли вы в Кайкаре или продолжите путешествие?

- Продолжим, господин губернатор.
- По Ориноко или по Апуре?
- По Ориноко.
- До Сан-Фернандо-де-Атабапо?

– До этого селения, господин губернатор, а может быть, и дальше, если полученные там сведения того потребуют.

Решимость юноши, четкость его ответов произвели на губернатора сильное впечатление. Как и господин Мигель, он почувствовал к нему живейшую симпатию.

Однако любые проявления такой симпатии приводили сержанта Марсьяля в ярость. Он не мог допустить, чтобы посторонние подходили к его племяннику, чтобы они восхищались его очаровательной непосредственностью. А то, что господин Мигель не скрывал своего расположения к юноше, и вовсе выводило его из себя. Губернатор Кауры ему был безразличен, потому что он останется в Лас-Бонитас, но господин Мигель был не просто пассажиром «Симона Боливара», он тоже направляется в Сан-Фернандо, и если он познакомится с Жаном, то будет очень трудно избежать общения, столь естественного во время долгого плавания.

«А что в этом дурного?» – так и хочется спросить у сержанта Марсьяля.

Что плохого в том, что высокопоставленные лица, способные оказать некоторые услуги в течение отнюдь не безопасного плавания по Ориноко, завяжут дружеские отношения с дядей и племянником?

Но если бы у сержанта Марсьяля спросили, почему он намерен этому препятствовать, он ограничился бы одной фразой: «Потому что мне это не нравится», и пришлось бы довольствоваться этим лаконичным ответом.

Но поскольку в данный момент у него не было ни малейшей возможности отделаться от его превосходительства, сержант не стал вмешиваться в беседу своего племянника с губернатором.

Губернатор стал расспрашивать Жана о цели его путешествия:

- Вы едете в Сан-Фернандо?
- Да, господин губернатор.
- Для чего?
- Чтобы получить некоторые сведения.
- Сведения... о ком?
- О полковнике де Керморе.

– Полковник де Кермор? – переспросил губернатор. – Я впервые слышу это имя, и насколько мне известно, после господина Шафанжона ни один француз не появлялся в Сан-Фернандо.

- И тем не менее он там был, несколько лет назад, – ответил Жан.
- Что позволяет вам это утверждать?

– Последнее письмо полковника во Францию, адресованное одному из его друзей в Нанте и написанное его собственной рукой.

– И вы говорите, мое дорогое дитя, что полковник де Кермор несколько лет назад побывал в Сан-Фернандо?

– В этом нет ни малейших сомнений, так как письмо написано двенадцатого апреля тысяча восемьсот семьдесят девятого года.

– Это меня удивляет!..

– Почему, господин губернатор?

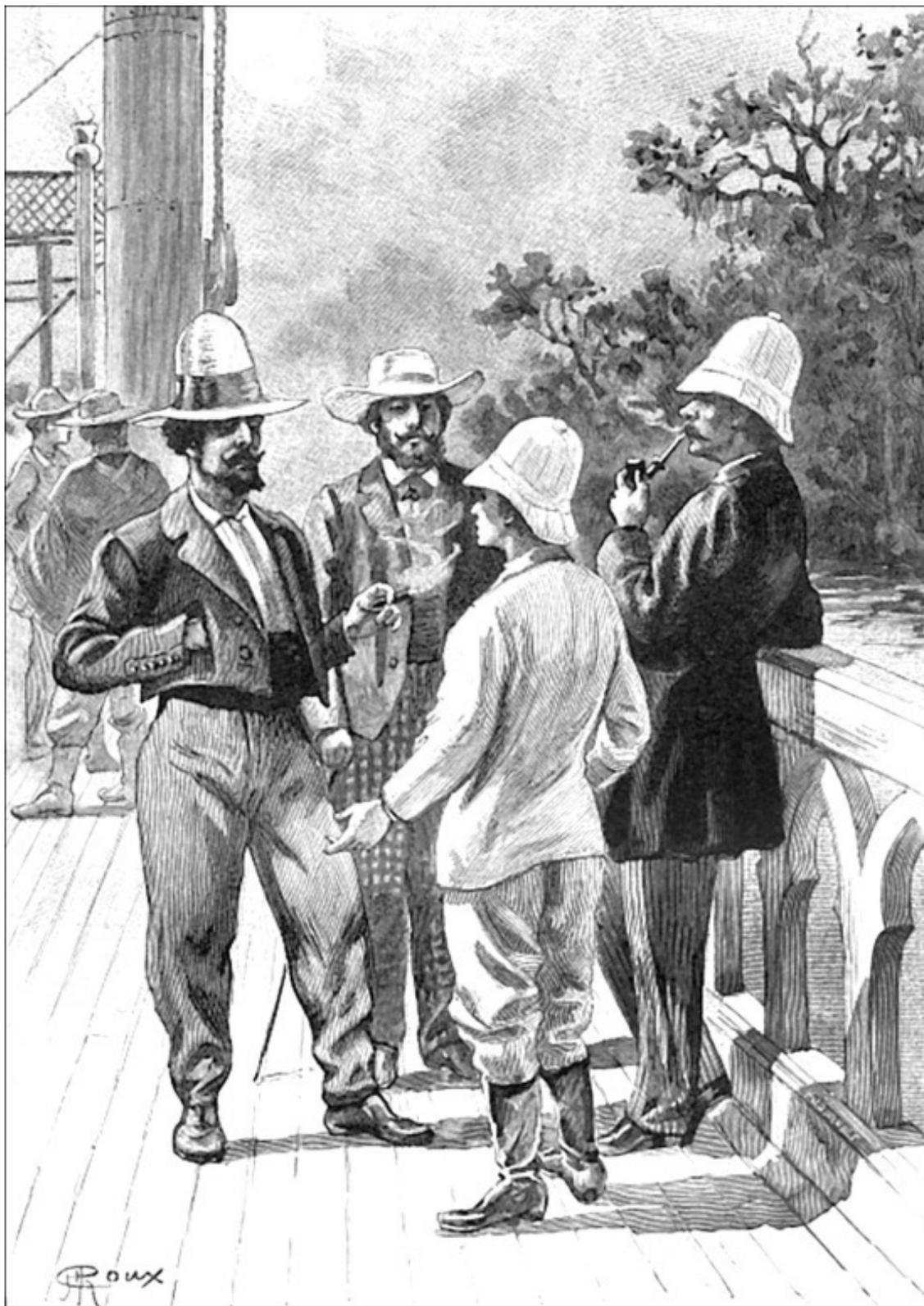
– Потому что я тогда находился там в качестве губернатора Атабапо, и если бы француз, такой как полковник де Кермор, появился на территории моей провинции, меня бы всенепременно об этом известили. Но память ничего мне не подсказывает... абсолютно ничего.

Слова губернатора, его уверенный тон, кажется, произвели на юношу болезненное впечатление. Его оживившееся во время разговора лицо побледнело, в глазах блеснули слезы, и лишь огромным усилием воли он справился со своим волнением.

– Я благодарю вас, господин губернатор, за тот интерес, который вы проявили к нам, к моему дяде и ко мне. Но хотя вы утверждаете, что ничего не слышали о полковнике де Керморе, тем не менее достоверно известно, что он был в Сан-Фернандо в апреле тысяча восемьсот семьдесят девятого года, так как именно оттуда он отправил свое последнее письмо во Францию.

– А что привело его в Сан-Фернандо? – опередил господин Мигель вопрос губернатора.

Сержант Марсьяль чуть не испепелил взглядом уважаемого члена Географического общества и пробормотал сквозь зубы: «Что он лезет не в свои дела?.. Губернатор, еще куда ни шло... но этот штафирка...»

– Я впервые слышу это имя

– Нам неизвестно, что туда привело полковника де Кермора, сударь... Именно это мы хотим узнать, если Господь позволит нам до него добраться.

– Какие узы связывают вас с полковником де Кермором? – спросил губернатор.

– Это мой отец, – ответил Жан.

55 Чапарро – ветвистый кустарник из рода дубовых.

56 Лианы – вьющиеся и лазающие тропические растения (в средней полосе к ним относятся, например, хмель).

57 Пирога – узкая длинная лодка у народов океанских островов, обыкновенно выдалбливается или выжигается из целого ствола дерева.

58 Кайенна – главный город Французской Гвианы (северная часть Южной Америки). До 1854 года был местом ссылки.

59 Швартов – канат, которым судно привязывается к пристани, берегу или другому судну.

Глава V «Марипаре» и «Гальинета»

Любое прибрежное селение могло бы позавидовать местоположению Кайкары, расположившейся словно постоянный двор у поворота дороги, а точнее, на перекрестке дорог, что позволяло ей процветать даже в четырехстах километрах от дельты Ориноко. А способствовала этому процветанию близость притока Ориноко Апуре, по которому шла торговля между Венесуэлой и Колумбией.

«Симон Боливар», покинувший Лас-Бонитас в час пополудни, миновал реки Кучиверо, Манапире, остров Тарума и около девяти часов вечера доставил своих пассажиров в Кайкару. На берег сошли лишь те, кто не собирался продолжать плавание по Апуре до Сан-Фернандо или до Нутриаса. Среди оставшихся были трое географов, сержант Марсьяль, Жан де Кермор и еще кое-кто из пассажиров. На рассвете следующего дня «Симон Боливар» покинет Кайкару и двинется вверх по Апуре к подножию Колумбийских Анд.

Господин Мигель не преминул рассказать своим друзьям о беседе губернатора с Жаном. Он сообщил им, что юноша отправляется на поиски своего отца в сопровождении сержанта Марсьяля, который выдает себя за его дядю. Четырнадцать лет назад полковник де Кермор покинул Францию и отправился в Венесуэлу. Что заставило его покинуть родину, что делал он в этих далеких краях? Возможно, будущее приподнимет завесу над этой тайной. А пока что, из письма, написанного полковником своему другу и обнаруженного лишь несколько лет спустя, было известно, что в 1879 году он действительно посетил Сан-Фернандо-де-Атабапо, хотя находившийся там в это время губернатор Кауры не был уведомлен о его прибытии. Вот почему в надежде отыскать следы своего отца и предпринял Жан де Кермор это тяжелое и опасное путешествие. Мужественная решимость семнадцатилетнего юноши растрогала до глубины души наших географов, и они решили сделать все от них зависящее, чтобы помочь ему узнать о судьбе полковника де Кермора.

Удастся ли господину Мигелю и его друзьям смягчить суровость сержанта Марсьяля? Позволит ли он им поближе познакомиться с его племянником? Нелегкое дело – растопить совершенно необъяснимую недоверчивость старого солдата и погасить свирепый блеск глаз, удерживающий любого на почтительном расстоянии! Это будет непросто, но, пожалуй, все-таки возможно, если учесть, что впереди совместное плавание до Сан-Фернандо.

В Кайкаре около пятисот жителей и обычно множество приезжих из числа тех, кого дела заставляют путешествовать вверх по Ориноко. Здесь есть две гостиницы, точнее, две лачуги, в одной из которых и разместились три венесуэльца и два француза, решившие провести в Кайкаре короткое время.

На следующий день, шестнадцатого августа, Жан и сержант Марсьяль отправились в город, чтобы нанять лодку. Кайкара – светлый, веселый городок, уютно устроившийся между

первыми холмами Паримы и рекой, напротив деревушки Карбуто, приютившейся в излучине Апурито. С берега хорошо виден заросший великолепными деревьями остров, каких много на Ориноко. Крохотный причал ограничивали две выступающие из воды гранитные скалы. В Кайкаре насчитывается около ста пятидесяти хижин – их можно даже назвать домами, – по преимуществу каменных, но с крышами из пальмовых листьев. Лишь некоторые из них крыты красной черепицей, сверкающей среди сочной зелени деревьев. На холме, высотой не больше пятидесяти метров, находится монастырь, покинутый миссионерами во время экспедиции Миранды и Войны за независимость. С этим монастырем связаны слухи о людоедстве, подтверждающие дурную репутацию карибских индейцев.

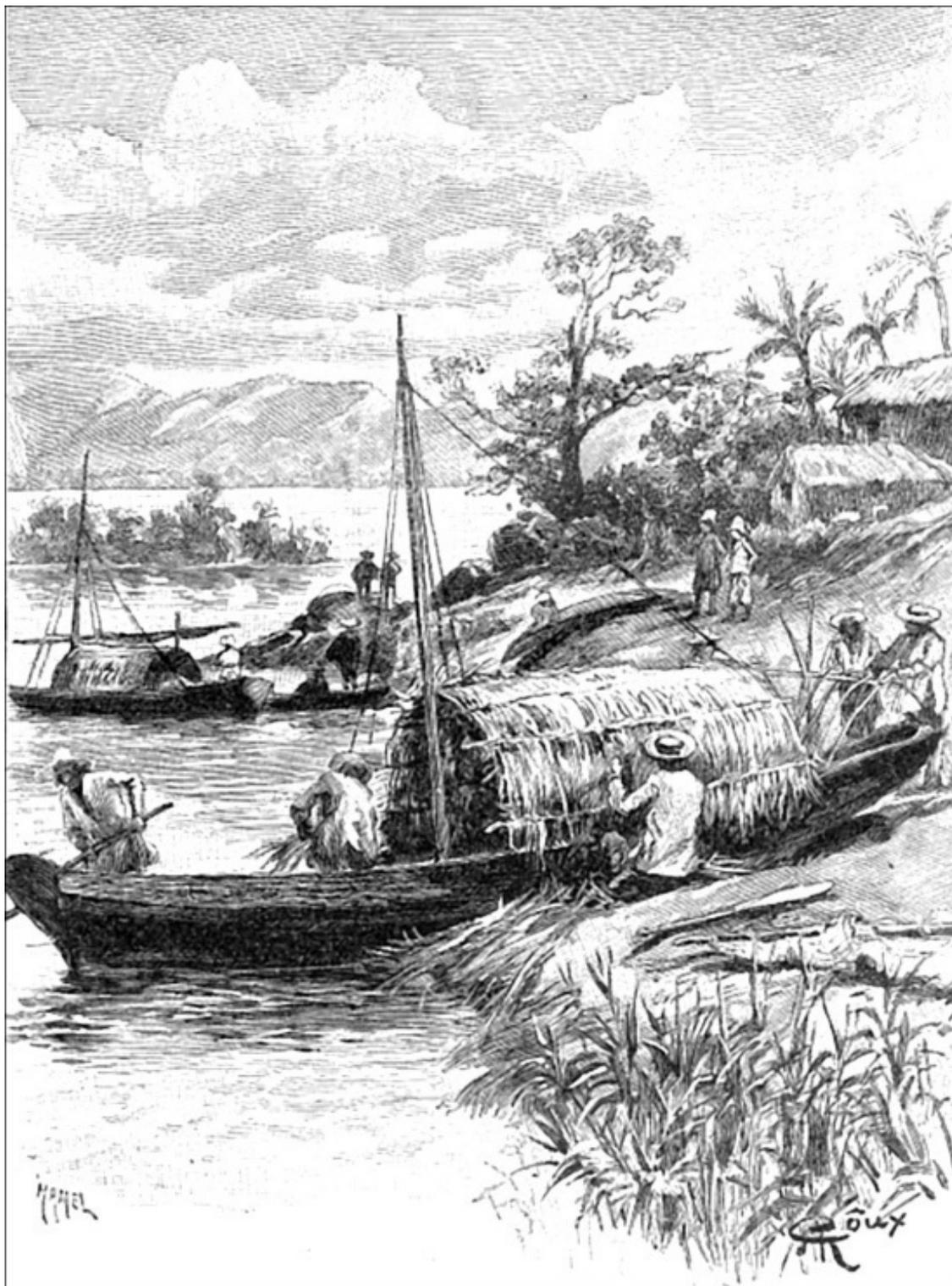
В Кайкаре все еще существуют старинные индейские обычаи, в которых христианство причудливо переплетается с самыми фантастическими религиозными обрядами. Например, «белорью», бдение около покойного, на котором довелось присутствовать одному французскому путешественнику. Собравшиеся около тела мужа или ребенка безо всяких церемоний курят, пьют кофе, агуарденте[60], а супруга, или мать начинает танцы, продолжающиеся до тех пор, пока охмелевшие гости не валятся без сил. Так что эта церемония имеет скорее хореографический, чем похоронный характер.

Не только сержанту Марсьялю и Жану де Кермору нужно было зафрахтовать лодку, чтобы преодолеть расстояние в восемьсот километров, отделяющее Кайкару от Сан-Фернандо. Та же задача стояла перед тремя географами, и разрешение ее было поручено господину Мигелю.

Самое разумное, по мнению господина Мигеля, было договориться с сержантом Марсьялем и нанять одну лодку, в которой равно могут разместиться и трое и пятеро человек, и для этого не потребуется увеличивать численность экипажа.

Кстати, проблема экипажа – не из легких. Необходимо нанять опытных матросов. В дождливый сезон пирогам нередко приходится идти против ветра и всегда против течения, часто встречаются опасные пороги, а местами рифы и мели вынуждают перетаскивать пироги волоком. Ориноко капризна и грозна, как океан, и плавание по ней сопряжено с большими трудностями.

Матросами обычно нанимают индейцев, живущих на берегах реки. Для многих из них это ремесло является единственным заработком, и они отличаются большим мужеством и ловкостью. Самыми надежными считаются индейцы из племени банива, живущие на территориях, орошаемых Ориноко, Гуавьяре и Атабапо. Индейцы доставляют в Сан-Фернандо пассажиров и товары, а затем возвращаются в Кайкару, где их ждут новые пассажиры и новые грузы.

Жан и сержант Марсьяль отправились в город, чтобы нанять лодку

Можно ли полагаться на таких матросов? В общем-то, да. Но при условии, что будет нанят только один экипаж. Так рассуждал благоразумный господин Мигель, и был прав. А кроме того, если учесть его интерес к Жану, то было очевидно, что юноша только выиграет, продолжив путешествие с господином Мигелем и его друзьями.

Итак, господин Мигель решил во что бы то ни стало уговорить сержанта Марсьяля, и, увидев Жана и его дядюшку, которые также пытались нанять лодку, он без колебаний пошел им навстречу.

Старый солдат, нахмурившись, смотрел на него.

– Господин сержант, – обратился к нему господин Мигель на очень правильном французском языке, – мы имели удовольствие находиться вместе на борту «Симона Боливара»...

– И покинуть его вчера вечером, – ответил сержант Марсьяль, не более приветливый чем часовой на посту.

Господин Мигель, желая придать этой фразе любезный смысл, продолжил:

– Мои друзья в Лас-Бонитас поняли из разговора вашего племянника с...

Губы сержанта Марсьяля стали подергиваться, что было дурным признаком.

– Как вы сказали? Из разговора? – прервал он господина Мигеля.

– Да, из разговора господина Жана де Кермора с губернатором мы узнали о вашем намерении сойти в Кайкаре...

– Я полагаю, что мы не обязаны ни у кого спрашивать разрешения... – сказал старый солдат холодно-высокомерным тоном.

– Разумеется, ни у кого, – согласился господин Мигель, решив не обращать внимания на нелюбезность своего собеседника. – Но, узнав о цели вашего путешествия...

– Раз! – пробормотал сквозь зубы сержант, словно подсчитывая, сколько еще ему придется отвечать на вопросы любезнейшего географа.

– О том, каким образом ваш племянник намерен отправиться на поиски своего отца полковника де Кермора...

– Два! – произнес сержант Марсьяль.

– И, зная, что вы собираетесь плыть вверх по Ориноко до Сан-Фернандо...

– Три! – проворчал сержант.

– Я хотел спросить у вас, не будет ли удобнее и надежнее, поскольку мои коллеги и я направляемся туда же, совершить наше плавание от Кайкары до Сан-Фернандо в одной лодке...

Предложение господина Мигеля было настолько благоразумным, что не было никаких оснований его отвергнуть. Наняв пирогу необходимых размеров, шестеро путешественников совершили бы свое плавание в самых что ни на есть благоприятных условиях.

У сержанта Марсьяля не было никаких оснований отказываться, и тем не менее, даже не посоветовавшись с Жаном, он сухо ответил, как человек заранее принявший решение:

– Весьма польщен, сударь, весьма польщен! Ваше предложение, возможно, очень выгодно, но, увы! – неприемлемо... по крайней мере, для нас.

– Что же в нем неприемлемого? – спросил господин Мигель, очень удивленный такой оценкой своего предложения.

– Оно неприемлемо... потому что мы не можем его принять! – ответил сержант Марсьяль.

– Вероятно, у вас есть основания для такого ответа, господин сержант, – сказал господин Мигель, – но ведь я хотел, чтобы мы помогли друг другу, а потому я не заслужил столь оскорбительного отказа.

– Мне очень жаль... очень жаль, сударь, – ответил сержант Марсьяль, явно чувствовавший себя не слишком уверенно, – но я вынужден был ответить именно так.

– Отказ может быть облечен в соответствующую форму, и я, право же, не узнаю французскую вежливость...

– Сударь, – возразил сержант, начинавший уже терять терпение, – мне тут не до вежливости. Вы нам сделали предложение – у меня есть основания отклонить его без всяких объяснений. И если вы считаете себя оскорбленным...

Высокомерный тон господина Мигеля вывел из себя сержанта Марсьяля, отнюдь не склонного терпеливо сносить упреки. Жану пришлось вмешаться, чтобы загладить неучтивость старого солдата.

– Сударь, ради Бога, извините моего дядю... Он не хотел вас обидеть... Мы вам очень признательны за ваше любезное предложение и в иной ситуации были бы счастливы им воспользоваться... Но нам нужна собственная лодка, которой мы сможем располагать по своему усмотрению в зависимости от обстоятельств... так как не исключено, что сведения, собранные по дороге, заставят нас изменить маршрут, остановиться в том или ином селении... Одним словом, мы нуждаемся в свободе действий.

– Очень хорошо, господин де Кермор, – ответил господин Мигель, – мы ни в коей мере не хотим стеснять вас. И несмотря на излишнюю... сухость ответа вашего дяди...

– Ответа старого солдата! – сказал сержант Марсьяль.

– Согласен! И тем не менее, если мои друзья и я, если мы сможем быть вам чем-нибудь полезными во время путешествия...

– Мой дядя и я от души благодарим вас, сударь, и при необходимости, поверьте мне, мы без колебаний обратимся к вам за помощью.

– Слышите, господин сержант? – полушутя, полусерьезно спросил господин Мигель.

– Слышу, господин географ! – сердито ответил не желавший сдаваться сержант Марсьяль господину Мигелю, который, право же, был добрейшим и любезнейшим человеком.

Тогда господин Мигель дружески пожал руку Жану де Кермору, за что старый солдат готов был испепелить его взглядом. Когда Жан и сержант остались одни, тот сказал:

– Ты видел, как я его принял, этого типа!..

– Ты его очень плохо принял, и ты не прав.

– Я не прав?

– Абсолютно!

– Так, по-твоему, надо было согласиться путешествовать в одной лодке с этими боливарцами?

– Нет, но отказаться надо было вежливее.

– Я не обязан быть вежливым с этим бестактным типом...

– Господин Мигель не сделал ничего бестактного, он был очень любезен, и его предложение стоило бы принять, если бы это было возможно. Но и отказываясь, тебе следовало бы поблагодарить его. Кто знает, быть может ему и его друзьям суждено облегчить нашу задачу благодаря тем связям, которые у них наверняка есть в Сан-Фернандо и которые могут помочь нам отыскать, тебе – твоего полковника, мой милый Марсьяль, а мне – моего отца...

– Так, значит, я не прав?

– Да, дядюшка.

– А ты прав?

– Да, дядюшка.

– Спасибо, племянничек!

Самые маленькие пироги, из тех что используются в среднем течении Ориноко, выдалбливаются из стволов больших деревьев, например качикамо. Самые большие делаются из хорошо подогнанных, закругленных по бокам досок, а спереди имеют форму высоко поднятого носа корабля. Эти лодки построены так надежно, что их без ущерба можно тащить волоком, когда на пути встречаются мели или непреодолимые пороги. Посередине пироги стоит мачта с квадратным парусом, который используется при попутном и слабом боковом ветре; нечто вроде лопатообразного весла заменяет руль.

Передняя открытая часть пироги от мачты до носа предназначена для экипажа, состоящего обычно из десяти индейцев, капитана и девяти матросов.

Задняя часть, от мачты до кормы, за исключением места для рулевого, имеет навес из пальмовых листьев, закрепленных на стволах бамбука. Под этим навесом расположено то, что можно назвать каютой. Тут есть койки – обычные циновки, положенные на травяную подстилку, – необходимая посуда, печка для приготовления пищи – дичи или рыбы. При помощи

вертикально установленных циновок это помещение длиной пять-шесть метров (при общей длине лодки десять-одиннадцать метров) делится на несколько отдельных купе.

На Ориноко такие пироги называют фальками. При попутном ветре они идут под парусом. Передвигаются они, правда, не слишком быстро – мешает довольно сильное встречное течение между многочисленными островами, которыми усеяна река. Если ветра нет, то приходится идти по середине реки, отталкиваясь багром, либо тащить пирогу бечевой вдоль берега.

Багор – это раздвоенный шест, которым, стоя на носу лодки, отталкиваются матросы, и крепкая бамбуковая палка с крючком, которым капитан орудует, стоя на корме. Бечева – это стометровый канат, сплетенный из очень эластичных волокон пальмы чикичики и такой легкий, что не тонет. Его вытаскивают на берег, закрепляют за ствол дерева, а затем, выбирая канат, подтягивают лодку. Обычно для передвижения с помощью бечевы используется маленькая лодка, по-индейски куриара.

С владельцем подобной пироги и должны были договориться наши путешественники, причем цена зависит не от расстояния, а от того, сколько времени лодка будет находиться в их распоряжении. Из-за паводков, ураганов, порогов и мелей плавание нередко оказывается гораздо более продолжительным, чем ожидалось первоначально. Внезапное изменение погодных условий может вдвое уменьшить скорость передвижения. А потому ни один владелец пироги не возьмется доставить пассажиров из Кайкары к устью Меты или в Сан-Фернандо за какой-то заранее намеченный срок. Обо всем этом следовало договориться с индейцами банива, предоставившими в распоряжение наших путешественников две пироги.

Господину Мигелю повезло на очень опытного судовладельца. Это был индеец лет сорока по имени Мартос, крепкий, сильный, умный, под командой которого находилось девять человек экипажа, ловко управлявшихся с багром, шестом и бечевой. Плата, которую они запросили за каждый день плавания, оказалась довольно высокой. Но разве это могло остановить наших географов? Ведь речь шла о разрешении важнейшего вопроса: Гуавьяре – Ориноко – Атабапо!

Выбор, сделанный сержантом Марсьялем и Жаном де Кермором, был не менее удачен: девять индейцев банива под началом метиса, наполовину индейца, наполовину испанца, представившего великолепные рекомендации. Звали его Вальдес, и он готов был, если в том возникнет необходимость, плыть с ними от Сан-Фернандо вверх по Ориноко, тем более что маршрут был ему уже отчасти знаком. Однако этот вопрос будет решен позже, в зависимости от того, что они узнают о полковнике де Керморе в Сан-Фернандо.

Лодка, нанятая господином Мигелем и его друзьями, носила имя одного из многочисленных островов, разбросанных по Ориноко, «Марипаре». Название пироги сержанта и Жана «Гальинета» имело аналогичное происхождение. Надводная часть у обеих лодок была белая, а корпус – черный.

Само собой разумеется, что эти пироги будут плыть рядом, не пытаясь обогнать одна другую. Ориноко – не Миссисипи, а пироги – не пароходы, и им незачем состязаться в скорости. Кроме того, пассажирам грозят нападения индейцев, живущих в прибрежных саваннах, а потому лучше держаться вместе, чтобы при необходимости дать им отпор.

«Марипаре» и «Гальинета» были готовы в любую минуту отправиться в путь, однако нужно было еще запастись продуктами и всем необходимым для путешествия. Торговцы Кайкары были готовы снабдить путешественников всем, что им может понадобиться в течение нескольких недель плавания до Сан-Фернандо, – консервами, одеждой, патронами, охотничьими и рыболовными снастями – только выкладывай пиастры. Конечно, прибрежные леса изобилуют дичью, река – рыбой, а господин Мигель был отличным охотником, сержант Марсьяль метко стрелял из карабина, да и легкое ружье Жана тоже могло оказаться полезным. Но ведь нельзя питаться только дичью и рыбой. Нужно взять с собой чай, сахар, сушеное мясо, овощные консервы, маниоковую[61] муку, вполне заменяющую кукурузную или пшеничную, бочонки тафии и агуарденте. Ну а дров для печек можно вдоволь запастись в прибрежных

лесах. От холода же и сырости путешественников укутуют шерстяные одеяла, которые нетрудно купить в любом венесуэльском селении.

На приобретение всех этих предметов ушло несколько дней, что, однако, не слишком огорчило наших путешественников, так как в течение двух суток стояла отвратительная погода. На Кайкару обрушился мощный шквал, который индейцы называют «чубаско». Яростный юго-западный ветер и ливневые дожди вызвали значительное повышение уровня воды в реке.

Сержант Марсьяль и его племянник получили первое представление о трудностях плавания по Ориноко. Пироги не смогли бы преодолеть сопротивления усиленного паводком течения и встречного ветра. Им наверняка пришлось бы вернуться в Кайкару, и, возможно, с серьезными повреждениями.

Господин Мигель и его коллеги философски отнеслись к этой непредвиденной задержке. Они в общем-то не очень спешили, и для них не имело значения, сколько недель продлится их путешествие. Зато сержант Марсьяль был вне себя, ругал то по-французски, то по-испански и паводок и ураган, так что Жану с трудом удавалось его успокаивать.

– Одного мужества мало, мой милый Марсьяль, – твердил он ему, – нужно запастись терпением, нам оно еще понадобится...

– Запасусь, Жан, запасусь, но почему эта проклятая Ориноко не может быть для начала хоть немного полюбезнее.

– Подумай сам, дядюшка, разве не будет лучше, если она побережет свои любезности на закуску. Кто знает, быть может, нам придется идти до самых истоков?

– Да, ты прав, – пробормотал сержант Марсьяль, – кто знает, что ждет нас впереди!..

Двадцатого днем юго-западный ветер сменился северным, и ярость чубаско заметно пошла на убыль. Северный ветер был весьма кстати, так как позволял пирогам увеличить скорость передвижения. Вода тем временем спала, и река вернулась в нормальное русло. Мартос и Вальдес объявили, что завтра утром можно будет отправиться в путь.

Действительно, погода благоприятствовала началу путешествия. Около десяти часов утра все жители городка были на берегу. Венесуэльский флаг развевался на мачтах обеих пирог. Господин Мигель, господин Фелипе и господин Баринас, стоя на носу «Марипаре», отвечали на приветствия местных жителей.

Затем господин Мигель обернулся к пассажирам «Гальинеты».

– Счастливого пути, сержант! – радостно крикнул он.

– Счастливого пути, сударь, – ответил старый солдат, – ведь для вас-то он счастливый.

– Он будет счастливым для всех, – ответил господин Мигель, – потому что мы отправляемся в путь вместе!

Паруса были подняты, лодки оттолкнулись от берега, послышались напутственные приветствия, и легкий ветер вынес пироги на середину реки.

---

60 Водка (*исп.*).

61 Маниока – тропический кустарник, большой клубневидный корень которого идет в пищу; мука, приготовленная из корней этого растения.

Глава VI

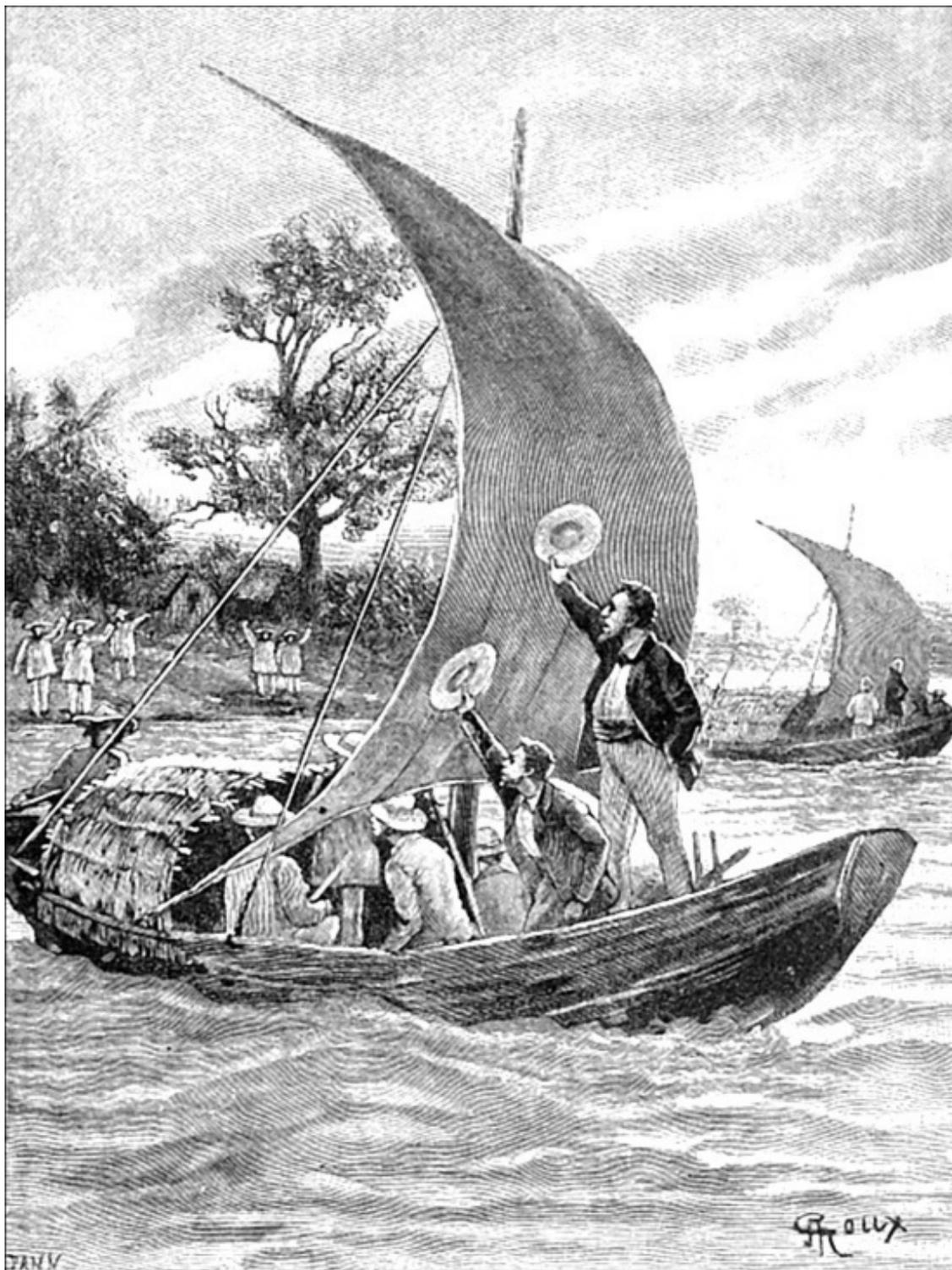
От острова к острову

Итак, плавание началось. Сколько долгих часов, сколько однообразных дней проведут путешественники на борту своих пирог! Сколько непредвиденных помех ожидает их на этой

реке, весьма малопригодной для быстрого плавания! Но нашим географам скучать не придется. Пока пироги будут нести их к месту слияния Гуавьяре и Атабапо с Ориноко, они займутся своим делом: пополнят гидрографические описания Ориноко, уточнят расположение ее притоков, не менее многочисленных, чем острова, а также – расположение порогов и исправят ошибки, еще очень часто встречающиеся на картах этих территорий. Для одержимых жаждой знаний ученых время бежит быстро.

Не откажись сержант Марсьяль от плавания в одной лодке, дни казались бы ему и Жану не такими бесконечными. Но дядюшка был непоколебим в этом вопросе, и племянник согласился с ним без малейших возражений. Так что юноше не оставалось ничего другого, как читать и перечитывать книгу своего соотечественника, отличающуюся такой точностью описаний, что вряд ли можно было найти лучший путеводитель по Ориноко.

Когда «Марипаре» и «Гальинета» вышли на середину реки, путешественникам открылся вид на простирившиеся по обоим берегам холмистые равнины. Около одиннадцати часов на левом берегу у подножия гранитных холмов показалась кучка домишек. Это была деревня Кабрута, где около четырехсот жителей размещались в пятидесяти хижинах. Метисы здесь вытеснили более белокожих, чем мулаты[62] индейцев гуамо. Однако в сезон дождей тут все еще можно было увидеть сделанные из коры лодки гуамо, которые приходят сюда ловить рыбу.

– *Счастливого пути, сержант!*

Капитан «Гальинеты» говорил по-испански, и Жан без конца задавал ему разные вопросы, на которые тот с удовольствием отвечал. Вечером, когда лодка подходила к правому берегу, Вальдес сказал Жану:

– Это бывшая миссия капуцинов[63], давным-давно заброшенная.

– Вы собираетесь здесь остановиться? – спросил Жан.

– Обязательно, потому что к ночи ветер стихнет. Да и вообще по Ориноко плавают только днем: фарватер здесь часто меняется, и нужно видеть, куда вести лодку.

Действительно, по вечерам все лодки обычно останавливаются у берега реки или около какого-нибудь острова. А потому «Марипаре» и «Гальинета» встали на якорь у Капучино. Поужинав купленными у рыбаков Кабруты дорадами[64], путешественники крепко заснули.

Как и предсказывал Вальдес, с наступлением темноты ветер стих и вернулся только утром, продолжая путь с северо-востока. Паруса были подняты, и лодки, подгоняемые попутным ветром, легко двинулись вверх по течению.

Капучино располагалась в устье Апурито, притока Апуре, дельта которой открылась путешественникам два часа спустя. И тут господин Мигель озадачил своих спутников вопросом:

– Может быть, Ориноко – это вовсе не Гуавьяре и не Атабапо, а Апуре?

– Вот еще! – воскликнул господин Фелипе. – Апуре не может быть ничем иным, как притоком реки, которая в этом месте имеет ширину три километра.

– И вода в ней мутно-белая, – добавил господин Баринас, – в то время как воды Ориноко, начиная от Сюдад-Боливера, светлы и прозрачны.

– Хорошо, – ответил господин Мигель, улыбаясь, – исключим Апуре из игры. Но по дороге мы встретим еще немало претендентов на роль Ориноко.

Господин Мигель мог бы сказать, что воды Апуре орошают более плодородные льяносы, чем воды Ориноко, что, приходя с запада, Апуре кажется непосредственным продолжением Ориноко, тогда как последняя делает крутой поворот и до самого Сан-Фернандо-де-Атабапо течет в меридиональном направлении. Апуре называют «рекой льяносов», где прекрасно растут любые культуры, где есть великолепные пастбища и где живут самые крепкие и трудолюбивые обитатели Центральной Венесуэлы.

Следует также добавить – и Жан мог в этом убедиться собственными глазами, – что река кишела кайманами, так как в ее мутных водах они без труда добывали себе пищу. Эти шестиметровые гиганты, напоминающие крокодилов, резвились совсем рядом с пирогой. Такие огромные кайманы встречаются только в притоках Ориноко, реки же, пересекающие льяносы, населены ящерицами куда меньших размеров. Вальдес объяснил Жану:

– Не все кайманы опасны для человека. Например, «бавас» никогда не нападают на купальщиков, а вот «себадос»[65], то есть те, которые уже отведали человеческого мяса, бросаются даже на лодки, чтобы сожрать пассажиров.

– Пусть только попробуют! – воскликнул сержант Марсьяль.

– Нет уж, дядюшка, пусть лучше не пробуют! – ответил Жан, показывая на огромного каймана, лязгающего своими чудовищными челюстями.

– Крокодилы – не единственные хищники, встречающиеся в водах Ориноко и ее притоках. Здесь водятся могучие пираньи[66], без труда перекусывающие самые крепкие крючки, электрические угри и скаты, убивающие других рыб при помощи электрических разрядов, небезопасных и для человека.

В этот день лодки шли вдоль островов и там, где течение было слишком быстрым, приходилось цепляться бечевой за корни деревьев.

Когда они проходили мимо заросшего непроходимыми лесами острова Верихаде-Моно, с борта «Марипаре» раздались выстрелы и с полдюжины уток упали в воду. Господин Мигель и его друзья стреляли метко.

Несколько минут спустя к борту «Гальинеты» подошла куриара.

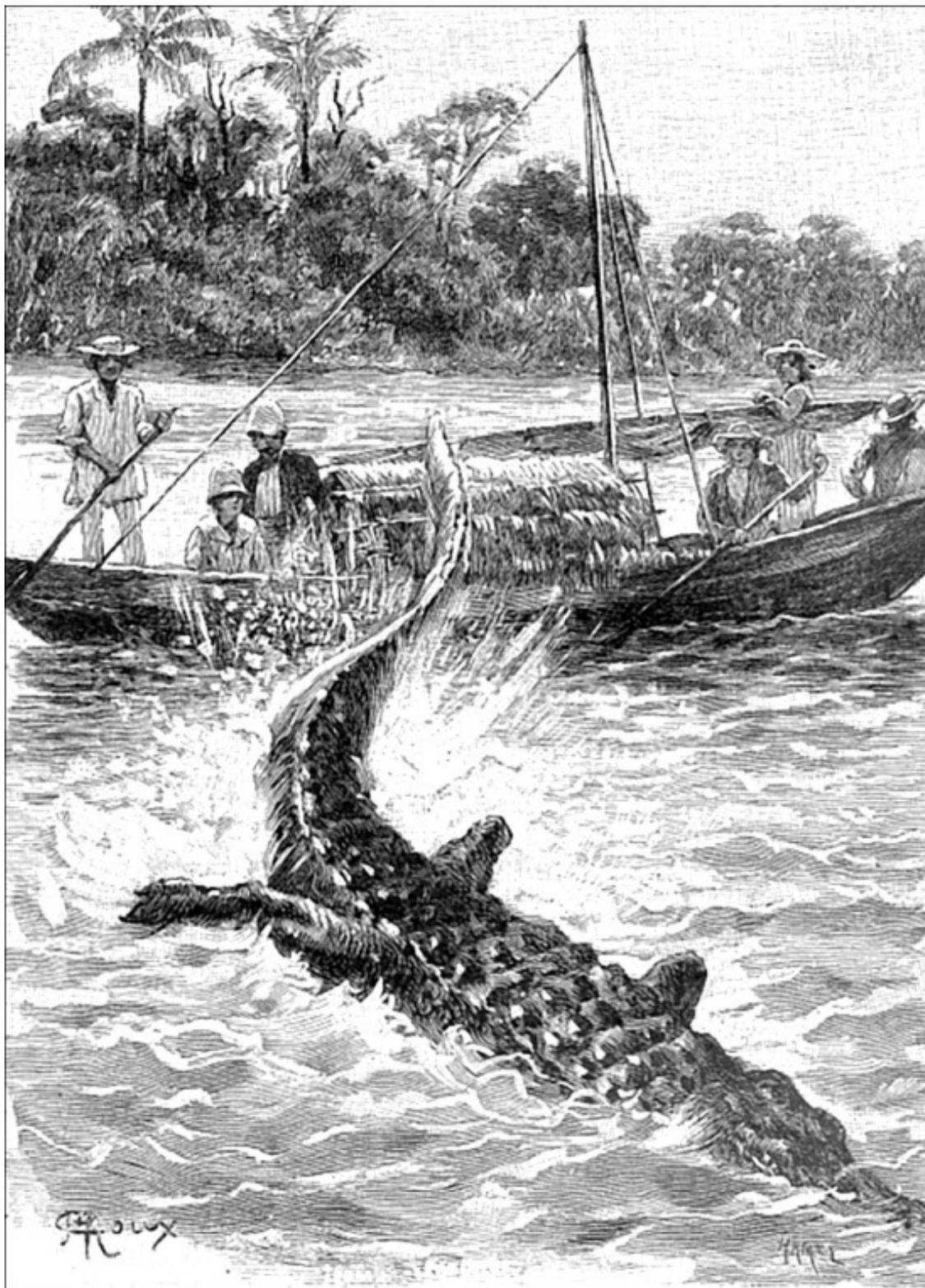
– Я думаю, это несколько разнообразит ваше меню, – сказал господин Мигель, подавая пару только что подстреленных уток.

Жан де Кермор поблагодарил господина Мигеля, а сержант Марсьяль пробурчал нечто напоминающее «спасибо».

Спросив юношу, как он провел эти два дня, и удовлетворившись его ответами, господин Мигель пожелал дяде и племяннику доброй ночи, после чего куриара доставила его обратно на борт «Марипаре».

С наступлением темноты лодки пристали к острову Пахараль, где в свое время господин Шафанжон обнаружил на доисторических валунах многочисленные надписи, оставленные посещавшими эти края торговцами.

Сержант Марсьяль стряпал не хуже полкового маркитанта[67], а венесуэльские утки оказались к тому же вкуснее и ароматнее европейских. Племянник и дядя поужинали с большим аппетитом и в девять часов вечера отошли ко сну. По крайней мере, юноша улегся на циновке под навесом, где была его каюта, а дядя, по обыкновению, тщательно натянул москитную сетку.

Река кишела кайманами

Предосторожность, в высшей степени необходимая, потому что комаров здесь водилось великое множество, и каких! Господин Шафанжон отнюдь не преувеличивал, говоря, что комары, возможно, являют собой одну из главных неприятностей путешествия по Ориноко. Мириады отравленных жал вонзаются в ваше тело, и каждый укус вызывает продолжительное болезненное воспаление, а то и настоящую лихорадку.

Как тщательно натягивал дядя сетку над ложем своего племянника, какие мощные клубы дыма выпускал из своей трубки, чтобы отогнать страшных насекомых, как яростно уничтожал он тех, что пытались пробраться сквозь кое-где неплотно прилегающую сетку!

– Марсьяль, голубчик, ты вывихнешь себе руку, – повторял Жан. – Ради Бога, не волнуйся, я и так буду прекрасно спать.

– Нет, – отвечал старый солдат, – я не позволю, чтобы хоть один мерзкий комар пищал у тебя над ухом.

Только удостоверившись, что Жан заснул и ни один комар ему больше не грозит, он успокоился и тоже лег спать. Ему-то было плевать на атаки крылатых мучителей. Но какой бы грубой ни была кожа старого солдата, комары кусали его, как и всех прочих, и он чесался так, что содрогались борта пироги.

На следующий день лодки снова двинулись в путь. Ветер то ослабевал, то набирал силу, но тем не менее помогал пирогам преодолевать течение. Тяжелые низкие облака закрывали небо, а проливной дождь загнал путешественников под навес.

Течение в этой части реки, усеянной мелкими островами, было довольно сильным, и чтобы легче преодолевать его, приходилось держаться ближе к правому берегу.

Болотистый правый берег на протяжении двухсот километров, от устья Апурито до устья Арауки, изрезан сетью каналов и протоков. Здесь находили себе пристанище дикие утки, усеивающие тысячами черных точек пространство равнин.

– Если их тут и не меньше, чем комаров, – воскликнул сержант Марсьяль, – то они, во всяком случае, не причиняют неприятностей, не говоря уже о том, что их можно есть.

Весьма справедливое замечание.

Элизе Реклю рассказывал, что кавалерийский полк, расположившийся лагерем на берегу лагуны, в течение двух недель питался одними утками, что, однако, не вызвало сколько-нибудь существенного сокращения их численности.

– Я думаю, это несколько разнообразит ваше меню

Охотникам с «Марипаре» и «Гальинеты» тем более не удавалось нанести ущерб пернатому племени. Они подстрелили всего две-три дюжины уток. Жан, к великому удовольствию сержанта, тоже сделал несколько удачных выстрелов, а поскольку на любезность следует отвечать любезностью, то часть добычи была отправлена господину Мигелю и его спутникам, хотя

те и сами очень неплохо охотились. Решительно, сержант Марсьяль не хотел быть им чем-либо обязанным.

В этот день капитанам пирог понадобилось все их умение, чтобы не налететь на рифы. Ведь наскочить на риф среди разбушевавшейся после дождей реки значило бы потерять лодку. Кроме того, нужно было следить, чтобы пирога не столкнулась с плывущими по реке стволами деревьев, обрушившихся с острова Самуро. Этот остров уже в течение нескольких лет подтачивали воды Апуре, грозя ему окончательным уничтожением.

На ночь лодки пристали к острову Касимирито с подветренной стороны, укрывшись таким образом от яростных порывов урагана, а пассажиры нашли себе убежище в заброшенных хижинах ловцов черепах. Правда, речь идет лишь о пассажирах «Марипаре», так как сержант и Жан предпочли остаться на борту «Гальинеты». Возможно, они поступили благоразумно, так как остров Касимирито населен обезьянами, пумами и ягуарами. К счастью, буря загнала хищников в норы, и лагерь не подвергся нападению. Лишь когда ненадолго стихали порывы ветра, до ушей путешественников доносились то свирепое рычание, то громкие вопли обезьян, которых натуралисты не случайно называли ревунами.

На следующий день небо было уже не таким мрачным. Тучи стали более низкими, а вчерашний ливень сменился мелким дождем, почти водяной пылью, который прекратился к рассвету. Временами проглядывало солнце, а северо-восточный ветер позволял лодкам нестись в полный бакштаг[68], так как река делала здесь поворот и вплоть до Буэна-Висты текла на запад и лишь потом русло поворачивало к югу.

Вольно раскинувшись вширь, Ориноко напомнила Жану де Кермору и сержанту Марсьялю их родные места.

– Жан, иди сюда, посмотри, – воскликнул сержант.

Юноша вышел из-под навеса и остановился на носу лодки. В прозрачном воздухе четко вырисовывались уходящие за горизонт просторы льяносов.

– Можно подумать, что мы вернулись в родную Бретань, – помолчав, добавил сержант.

– Ты прав, – сказал Жан, – Ориноко похожа на Луару[69].

– Да, Жан, это и впрямь наша Луара вверх и вниз по течению от Нанта! Посмотри на эти желтые песчаные отмели! Еще бы полдюжины плывущих гуськом шаланд с квадратными парусами, и я бы решил, что мы идем в Сен-Флоран или в Мов.

– Верно, Марсьяль, сходство удивительное. Только эти равнины скорее напоминают мне луга в низовьях Луары, около Пельрена или Пембефа.

– Точно, мне все кажется, что вот-вот покажется сен-назерский пароход или, как его там называют, «пироскаф»[70]. Это что-то греческое, никогда не мог понять, что это значит.

– А если он и появится, этот пироскаф, – с улыбкой ответил Жан, – мы ведь на него не сядем, пусть идет своей дорогой. Для нас теперь Нант там, где мой отец... ведь правда?

– Да... там, где мой дорогой полковник. И когда мы его найдем, когда он узнает, что он теперь не один на свете, тогда он сядет вместе с нами в пирогу, потом – на «Боливар», потом – на сен-назерский пароход... И на этот раз для того, чтобы вернуться на родину.

– Господи, если бы это было так... – прошептал Жан, глядя на далекие силуэты вырывающихся на юго-востоке холмов, а потом добавил, как бы развивая справедливое замечание сержанта о сходстве между Луарой и Ориноко: – Между прочим, иногда на этих песчаных пляжах можно увидеть то, чего не встретишь ни в верхнем, ни в нижнем течении Луары.

– Что же это?

– Черепахи, которые каждый год в середине марта приходят сюда откладывать яйца.

– А здесь есть черепахи?

– Тысячи черепах, и вон тот ручей справа назывался Рио-Тортуга[71], прежде чем его переименовали в Рио-Шафанжон.

– Вероятно, он заслужил это имя. Но я что-то пока не вижу...

– Немного терпения, дядюшка, и, хотя время кладки яиц уже прошло, ты увидишь черепах в несметных количествах.

– Но раз кладка окончена, значит, мы не сможем полакомиться их, как говорят, великолепными яйцами.

– Действительно, великолепными, да и мясо их ничуть не хуже. И я надеюсь, что Вальдес сумеет поймать хоть одну нам на суп.

– Черепаший суп! – воскликнул сержант.

– И на этот раз настоящий, а не из телячьей головы, как во Франции...

– Стоило бы ехать так далеко, чтобы поесть обыкновенного телячьего рагу!

Юноша был прав, говоря, что они приближаются к пляжам, куда индейцы приходят охотиться на черепах. Сейчас они появляются здесь только в охотничий сезон, а раньше эти территории были населены многочисленными враждующими между собой племенами тапарито, панаре, яруро, гуамо, мапойе. А до них здесь обитали индейцы отомако, рассеявшиеся теперь по западным территориям. Гумбольдт[72] рассказывает, что эти индейцы, ведущие свое происхождение, как они утверждают, от каменных богов, были отчаянными игроками в лапту, еще более ловкими, чем те баски, что прибыли в Венесуэлу из Европы. Их также относят к племени геофагов[73], которые, если не хватает рыбы, питаются кусочками чуть обожженной глины. Впрочем, этот обычай существует и поныне. От этого порока – иначе не скажешь, – приобретенного в детстве, уже невозможно избавиться. Непреодолимая потребность, подобная той, что влечет китайцев к трубке опиума, заставляет геофагов есть землю. Господин Шафанжон видел этих несчастных, лизавших глину собственных хижин.

Во второй половине дня лодки продвигались вперед с большим трудом, так как из-за многочисленных мелей течение в сузившейся судоходной части стало очень быстрым и экипаж совершенно выбился из сил, преодолевая его. Небо затянули мрачные тучи, воздух был насыщен электричеством, откуда-то с юга доносились раскаты грома. Приближалась гроза. Ветер судорожными порывами прошелестел в парусах и почти полностью стих.

В такой ситуации самое благоразумное было без промедления искать укрытия, потому что грозы на Ориноко чреваты непредвиденными атмосферными явлениями, и матросы обычно спешат укрыться в глубине какой-нибудь бухты, где высокие берега защищают лодку от яростных порывов ветра.

Однако в этой части реки не было подходящих мест для стоянки. По обе стороны, насколько хватало глаз, тянулись гладкие равнины льяносов, где ураган мог бушевать на просторе.

Господин Мигель спросил капитана «Марипаре» Мартоса, что он собирается делать и не придется ли им стать на якорь посередине реки.

– Это было бы опасно, – ответил Мартос. – Якорь тут не удержит, и нас выбросит на берег и разобьет в щепки.

– Что же делать?

– Попробуем подняться до следующей деревни, а если не получится, вернемся к острову Касимирито, где мы провели ночь.

– А что это за деревня?

– Буэна-Виста, на левом берегу.

Подобное решение напрашивалось само собой, и Вальдес, даже не советуясь с Мартосом, тоже взял курс на Буэна-Висту.

Матросы спустили безжизненно повисшие на мачтах паруса, чтобы обезопасить себя от резкого рывка при внезапном сильном ветре. Гроза, по всей вероятности, начнется не раньше чем через один или два часа. Мертвенно-серые тучи, казалось, застыли над южной частью горизонта.

– Скверная погода, – сказал сержант Марсьяль капитану «Гальинеты».

– Скверная, – ответил Вальдес, – но мы постараемся обогнать ее.

Обе пироги шли рядом на расстоянии не более пятидесяти футов одна от другой, отталиваясь раздвоенными шестами от мелей. И хотя эта тяжелая работа едва позволяла преодолевать напор течения, иного выхода не было. Нужно было любой ценой добраться до левого берега, где можно будет тащить лодки бечевой.

Добрый час ушел на эту операцию, и не раз казалось, что пироги вот-вот снесет течением и выбросит на скалы. Наконец благодаря искусству капитанов и ловкости матросов, которым помогали господа Мигель, Фелипе и Баринас, с одной стороны, Жан и сержант Марсьяль – с другой, лодки, двигаясь по диагонали, достигли левого берега.

Тут матросы смогли взяться за бечеву. Эта работа требует больших усилий, но зато лодки наверняка не снесет течением.

Вальдес предложил привязать одну лодку к корме другой, так чтобы оба экипажа могли вместе тащить их бечевой вдоль берега. Когда идти вдоль берега было невозможно, то бечеву закрепляли за находящийся метрах в сорока впереди выступ скалы или ствол дерева, а затем возвращались на борт «Марипаре» и все вместе тащили лодки.

Так они миновали находящиеся слева острова Сейба, Курурупаро и Эстильеро, а чуть позже, ближе к правому берегу, – остров Поссо-Редондо.

Тем временем тучи заволокли все небо. Следующие одна за другой вспышки молний зигзагами прорезали южную часть горизонта. Непрерывные раскаты грома сливались в сплошной гул. К счастью, когда около восьми часов вечера гроза обрушилась на левый берег Ориноко яростным ураганом, дождем и градом, пироги уже находились в безопасности у входа в деревню Буэна-Виста.

---

62 Мулат – потомок от смешанного брака белых и негров.

63 Капуцины – члены католического монашеского ордена, основанного в 1528 году в Италии, как ветвь ордена францисканцев; во Франции орден капуцинов появился в 1573 году.

64 Дорады – рыбы из семейства сомовых, водятся в реках Южной Америки, впадающих в Атлантический океан.

65 Откормленные (*исп.*).

66 Пирании – рыбы семейства карпообразных, обитают в пресных водоемах Южной Америки. Огромными стаями нападают на любую добычу, вырывая из тела куски мяса, способны за минуту очистить до скелета крупное животное. Попавший в стаю пираний практически обречен на мгновенную смерть.

67 Маркитант – торговец съестными припасами, напитками и разными мелкими товарами, сопровождающий армию в походе непосредственно рядом с войском.

68 Бакштаг – курс корабля, который с направлением попутного ветра образует угол более 90° и менее 180.

69 Луара – самая длинная река Франции (1012 км), исток на юго-западе страны, в горах Севенны; впадает в Бискайский залив.

70 Пироскаф – первоначальное название парохода.

71 Тортуга – черепаха (*исп.*).

72 Гумбольдт, Александр (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, исследовал природу различных стран Европы, Урала, Сибири, Центральной и Южной Америки. Автор труда «Путешествие в равноденственные области Нового Света» (т. 1—30, 1807–1830). Иностраннный почетный член Петербургской Академии наук.

73 Едящие землю, «землееды» (*греч.*).

Глава VII

Между Буэна-Вистой и Ла-Урбаной

Ночью гроза разыгралась не на шутку. Она промчалась над территорией в пятнадцать квадратных километров вплоть до устья Рио-Араука, оставляя за собой следы разрушений. На следующее утро можно было увидеть, что мутные воды вчера еще прозрачной реки несут обломки судов и деревьев. Если бы пироги наших путешественников не успели укрыться в этом маленьком порту, их разнесло бы в щепки, а экипаж и пассажиры наверняка бы погибли, потому что прийти им на помощь не было бы никакой возможности.

К счастью, гроза прошла по диагонали на запад, пощадив Буэна-Висту.

Поскольку песчаные отмели, расположенные на подступах к Буэна-Висте, в дождливый сезон почти полностью уходят под воду, «Марипаре» и «Гальинета» смогли подойти к деревне почти вплотную. Эта деревня представляла собой скопление хижин, где могли разместиться от пятидесяти до двухсот индейцев. Но они появлялись здесь только для сбора черепаших яиц. Масло, извлеченное из этих яиц, пользуется спросом на венесуэльских рынках. Однако в августе в деревне уже почти не остается жителей, так как кладка яиц заканчивается в середине мая. Сейчас в Буэна-Висте проживало с полдюжины индейцев, занятых охотой и рыбной ловлей, а потому нашим путешественникам при всем желании не удалось бы пополнить здесь свои запасы. К счастью, в этом пока не было необходимости, так как с имеющимися у них продуктами они вполне смогут добраться до Ла-Урбаны.

Главное – лодки не пострадали от этого чудовищного урагана. Пассажиры последовали совету матросов и согласились ночевать на берегу. Индейская семья, занимавшая довольно опрятную хижину, приютила их у себя. Это были индейцы племени яруро, одного из самых больших в этих краях, которые, в отличие от своих собратьев, оставались в Буэна-Висте по окончании кладки яиц.

Семья состояла из мужа, здоровяка в традиционной набедренной повязке, его жены, еще молодой, миниатюрной и хорошо сложенной женщины, одетой в длинную индейскую рубашку, и двенадцатилетней девочки, такой же пугливой, как и ее мать. Однако подарки, предложенные гостями, – тафия и сигары для мужа, стеклянные бусы и зеркальце для матери и дочери – произвели впечатление. Эти побрякушки высоко ценятся венесуэльскими индейцами.

Вся обстановка состояла из закрепленных за бамбуковые перекрытия хижины гамаков и трех или четырех корзин, называемых канасто[74], куда индейцы складывают одежду и самые ценные предметы домашнего обихода.

Вспышки молний зигзагами прорезали южную часть горизонта

Нравилось это сержанту Марсьялю или нет, но он вынужден был провести ночь под одним кровом с пассажирами «Марипаре», так как иного он нигде не нашел. Господин Мигель, в еще большей степени, чем его коллеги, старался выказать внимание обоим французам, и Жан де Кермор, несмотря на свирепые взгляды дядюшки, смог чуть ближе познакомиться со

своими попутчиками. А маленькая индианочка, очарованная его приветливостью, буквально не отпускала его от себя.

Снаружи бушевала гроза, и разговор часто прерывался громовыми раскатами. Ни индианка, ни девочка не выказывали страха, даже когда раскаты грома без малейшего интервала следовали за разрядами молний. Наутро они увидели вокруг хижины сожженные молнией деревья.

Индейцы привыкли к столь частым на Ориноко грозам и не испытывали ни страха, ни беспокойства. Чего нельзя было сказать о юноше, который хоть и «не боялся грома», но ощущал какую-то внутреннюю тревогу, нередко свойственную впечатлительным натурам.

Беседа между гостями и хозяевами затянулась до полуночи, и даже сержант Марсьяль с удовольствием принял бы в ней участие, знай он испанский язык так же, как его племянник.

Речь шла о работах, которые каждый год привлекают в эти края сотни индейцев. Конечно, черепахи встречаются и на других пляжах Ориноко, но в таком количестве их можно увидеть лишь на песчаных отмелях между Рио-Кабульере и деревней Ла-Урбана. Хозяин дома, хорошо знавший черепашьи повадки и сам ловкий охотник, сказал, что, начиная с февраля, здесь можно увидеть буквально сотни тысяч черепах.

Само собой разумеется, индеец, не сведущий в естественной истории, не мог сказать, к какой разновидности относятся черепахи, расплодившиеся в таком количестве на отмелях Ориноко. Он просто охотился на них вместе с индейцами других племен и метисами льянос, собирал яйца, извлекал из них масло таким же нехитрым способом, каким извлекают масло из олив. На берег вытаскивают лодку, поперек лодки ставят корзины с яйцами. Яйца разбивают палочкой, и их смешанное с водой содержимое стекает на дно лодки. Час спустя масло всплывает на поверхность. Его подогревают до тех пор, пока вода не испарится и оно не станет прозрачным. Вот и все.

– Говорят, что это масло великолепно, – поделился Жан сведениями, почерпнутыми из его любимого путеводителя.

– Действительно, великолепно, – ответил господин Фелипе.

– А к какой разновидности относятся эти черепахи? – спросил юноша.

– Это *Cinosternon scordioides*, – ответил господин Мигель, – панцирь их достигает метра в диаметре, и весят они не менее шестидесяти фунтов.

До сих пор молчавший господин Баринас заметил, что научное название этих скорпионидов *Podocnemis dumerilianus*, что, однако, не произвело на индейца ни малейшего впечатления.

– Еще один вопрос, – обратился Жан де Кермор к господину Мигелю.

– Ты слишком много болтаешь, племянничек, – пробормотал сержант, подергивая свой ус.

– Сержант, – улыбаясь, спросил господин Мигель, – зачем мешать вашему племяннику узнавать новое?

– Потому что... потому что ему незачем знать больше своего дяди.

– Согласен, мой дорогой Ментор[75], – ответил Жан, – но вот мой вопрос: эти животные опасны?

– Они могут быть опасны своей многочисленностью, и лучше не оказываться на пути сотен тысяч черепах...

– Сотен тысяч!

– Именно так, месье Жан. Ведь чтобы наполнить маслом десять тысяч бутылей, как это делается ежегодно, нужно не меньше пятидесяти миллионов яиц. А так как каждая черепаха откладывает в среднем сотню яиц, часть которых поедается хищниками, и так как, тем не менее, их хватает еще и на воспроизводство вида, то я полагаю, что число черепах, посещающих эту часть Ориноко, достигает миллиона.

В расчетах господина Мигеля не было преувеличения. Тут появлялись действительно мириады животных. Движимые таинственным влечением, они напоминают, по словам Элизе Реклю, живую приливную волну, медлительную и непреодолимую, сметающую все на своем пути, словно наводнение или снежная лавина.

Надо сказать, что люди истребляют черепах в огромном количестве, и в один прекрасный день вид может оказаться полностью уничтоженным. К великому сожалению индейцев, некоторые отмели, в частности пляжи в устье Меты, уже опустели.

Индеец рассказал, как ведут себя черепахи в период кладки яиц. Начиная с середины марта, примерно в течение трех недель, черепахи бороздят обширные песчаные отмели, выкапывают ямы глубиной до двух футов, куда они откладывают яйца, а затем тщательно засыпают их песком.

Индейцы ценят черепах не только за масло, получаемое из их яиц, но и за их нежное и вкусное мясо. Поймать черепаху в воде практически невозможно, но на суше ее достаточно перевернуть палкой на спину, и она становится совершенно беспомощной, потому что сама не может снова встать на лапы.

– С людьми такое тоже бывает, – заметил господин Баринас, – потеряв точку опоры, они уже не могут подняться.

Очень справедливое замечание, завершившее несколько неожиданным образом разговор о черепахах Ориноко.

Тут господин Мигель обратился с вопросом к индейцу:

– Скажите, вы не видели двух путешественников, плывущих вверх по Ориноко, которые были в Буэна-Висте четыре или пять недель назад?

Жан де Кермор с волнением ожидал ответа индейца, ведь речь шла о его соотечественниках!

– Двух европейцев? – спросил тот.

– Да... двух французов.

– Пять недель назад?.. Да, я их видел. Они провели здесь сутки, и их лодка стояла на том же месте, что и ваша.

– Они были здоровы? – спросил Жан.

– Здоровы. Двое крепких и жизнерадостных мужчин. Один из них охотник, мне бы таким быть. Сколько он подстрелил пум и ягуаров! И карабин у него завидный... С таким оружием не промахнешься, с пятисот шагов попадешь в голову оцелоту или муравьеду!

Индеец говорил с азартом, глаза у него блестели. Он ведь тоже был отличный стрелок и страстный охотник. Но как мог он со своим грошовым ружьем, стрелами и луком тягаться с современным оружием этого француза!

– А его спутник? – спросил господин Мигель.

– Его спутник? О, тот ищет всякие растения, собирает травы, – ответил индеец.

Тут индианка что-то сказала своему мужу на местном наречии, и тот тотчас же добавил:

– Да, да... я ему дал одно растение, очень редкое. Он был так доволен, что нарисовал нас одной машинкой... нарисовал на зеркальце...

– Наверное, он их сфотографировал, – сказал господин Фелипе.

– А вы нам не покажете эту картинку? – попросил господин Мигель.

Девочка встала. Открыв одну из стоящих на полу корзин, вынула оттуда «маленькую картинку» и протянула ее юноше.

Это действительно была фотография. Индеец стоял в своей излюбленной позе, на голове – плетеная шляпа, на плечах – накидка; справа от него – его жена в длинной рубашке, со стеклянными браслетами на руках и ногах; слева – девочка в набедренной повязке скорчила уморительную гримасу, как маленькая обезьянка.

– Я знаю, что они переправились через реку, добрались до Ла-Урбаны, где оставили свою пирогу, и пошли через льяносы в сторону восхода солнца.

– Они были одни?

– Нет, с ними был проводник и три индейца из племени мапойе.

– А с тех пор вы что-нибудь о них слышали?

– Нет, ничего.

Что стало с этими двумя путешественниками, Жаком Эллоком и Жерменом Патерном? Уж не погибли ли они во время своей экспедиции на восток от Ориноко?.. Может быть, индейцы их предали?.. Мало ли опасностей в этих неизведанных краях? Жан знал, что во время путешествия по Кауре господин Шафанжон чуть не пал от руки своих спутников и что он вынужден был убить коварного проводника, чтобы спасти собственную жизнь. Юноша был глубоко взволнован при мысли, что двое его соотечественников, возможно, погибли, как и многие другие исследователи этой части Южной Америки.

К полуночи гроза пошла на убыль. После проливного дождя небо очистилось. Появились звезды, еще влажные от омывшего небесный свод ливня. Блеснул и тотчас же погас метеор, как это обычно бывает, когда воздух насыщен электрическими разрядами.

– Завтра будет хорошая погода, – сказал индеец, прощаясь с гостями.

Ночь обещала быть спокойной, и путешественники решили вернуться в лодки, так как спать на циновках под навесом гораздо удобнее, чем в индейской хижине на полу.

На рассвете следующего дня они уже были готовы покинуть Буэна-Висту. Солнце поднималось над почти очистившимся горизонтом, а ветер тянул с северо-востока, что позволяло сменить шесты на паруса.

Впрочем, до Ла-Урбаны путь был недолгий, и, если ничто не помешает, они придут туда после полудня и останутся там на целые сутки.

Господин Мигель и его друзья, сержант Марсьяль и Жан де Кермор попрощались с индейцем и его семьей. Паруса были подняты, и «Марипаре» и «Гальинета» двинулись по узким проходам между песчаными отмелями. Один сильный паводок – и река, разлившись на несколько километров в ширину, затопила бы их.

Выбравшись из-под навеса, сержант и Жан вдыхали бодрящий воздух раннего утра. Парус предохранял их от уже горячих солнечных лучей.

Сержант Марсьяль, еще под впечатлением вчерашнего разговора, из которого он кое-что понял, спросил племянника:

– Скажи-ка, Жан, ты веришь всем этим историям индейца?

– Каким?

– Ну, о тысячах черепах, передвигающихся как армия на марше.

– Почему бы и нет?

– Мне это кажется невероятным! Легионы крыс, да, такое бывает... Но легионы черепах метровой длины...

– Их тоже видели.

– Кто?

– Ну, во-первых, индеец...

– Ба, рассказы дикаря!

– И путешественники, которые плыли по Ориноко со стороны Ла-Урбаны, тоже их видели.

– О, мало ли что пишут в книгах! – ответил сержант, не слишком доверявший рассказам путешественников.

– Ты не прав, дядя. Это вполне вероятно, и, более того, это так и есть.

– Ладно... ладно! Но, во всяком случае, даже если это возможно, я не думаю, чтобы было опасно встретить на своем пути этих черепах!

– А если они перегородят дорогу...

– Так надо идти прямо по ним, черт побери!

– Но ведь можно упасть, и тогда они раздавят тебя.

– Может быть! И все-таки я хотел бы убедиться в этом собственными глазами.

– Сейчас уже поздно, – ответил Жан, – но четыре месяца назад, в период кладки яиц, ты бы мог сам все увидеть.

– Нет, Жан, нет! Все это рассказы путешественников, которые дурачат добрых людей, предпочитающих оставаться дома.

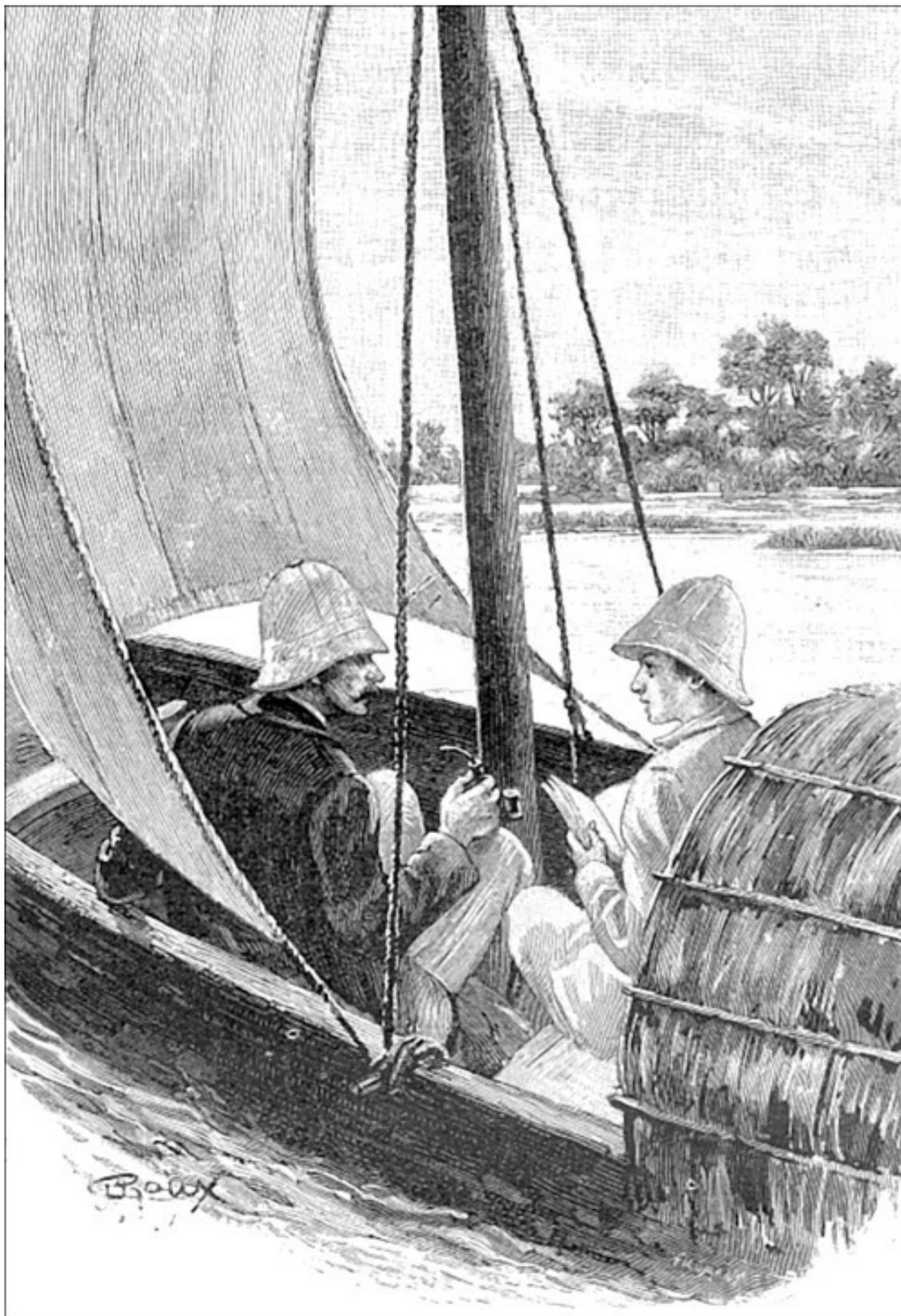
– Не все же они врут, мой милый Марсьяль!

– Если черепахи водятся тут в таком количестве, то почему же мы не видим ни одной? Разве эти отмели кишат панцирями? Ладно, я многого не требую, не надо мне сотен тысяч черепашек, но хоть штук пятьдесят... хоть десяток... тем более что суп из них, как говорят, так хорош, что я совсем не прочь его отведать.

– Со мной-то поделишься, дядюшка, ну хоть полкотелка?

– С какой стати? Пяти-шести тысяч черепашек, я думаю, хватит и на твой, и на мой котелок. Но ведь ни одной... ни одной! Где они прячутся? Не иначе как в башке нашего индейца!

Сержант верил только собственным глазам. И если он не видел ни одной из этих странствующих черепашек, то не потому, что не смотрел. Он уже чуть не до дыр проглядел свою подзорную трубу.

– Скажи-ка, Жан, ты веришь всем этим историям индейца?

Тем временем обе пироги, подгоняемые попутным ветром, без помощи шестов преодолевали течение. К одиннадцати часам утра они достигли устья Арауки, чьи прозрачные воды, стекающие со склонов Анд, не смешиваясь с водами других рек, вливаются в Ориноко.

Чтобы попасть в находящуюся на правом берегу Ла-Урбану, нужно было пересечь реку. Вот тут и начались трудности, существенно замедлившие продвижение пирога. Проходы между песчаными отмелями делали иногда крутые повороты, и ветер из попутного превращался в противный. Приходилось спускать паруса и идти на шестах. А чтобы лодку не сносило течением назад, работали все – и экипаж и пассажиры.

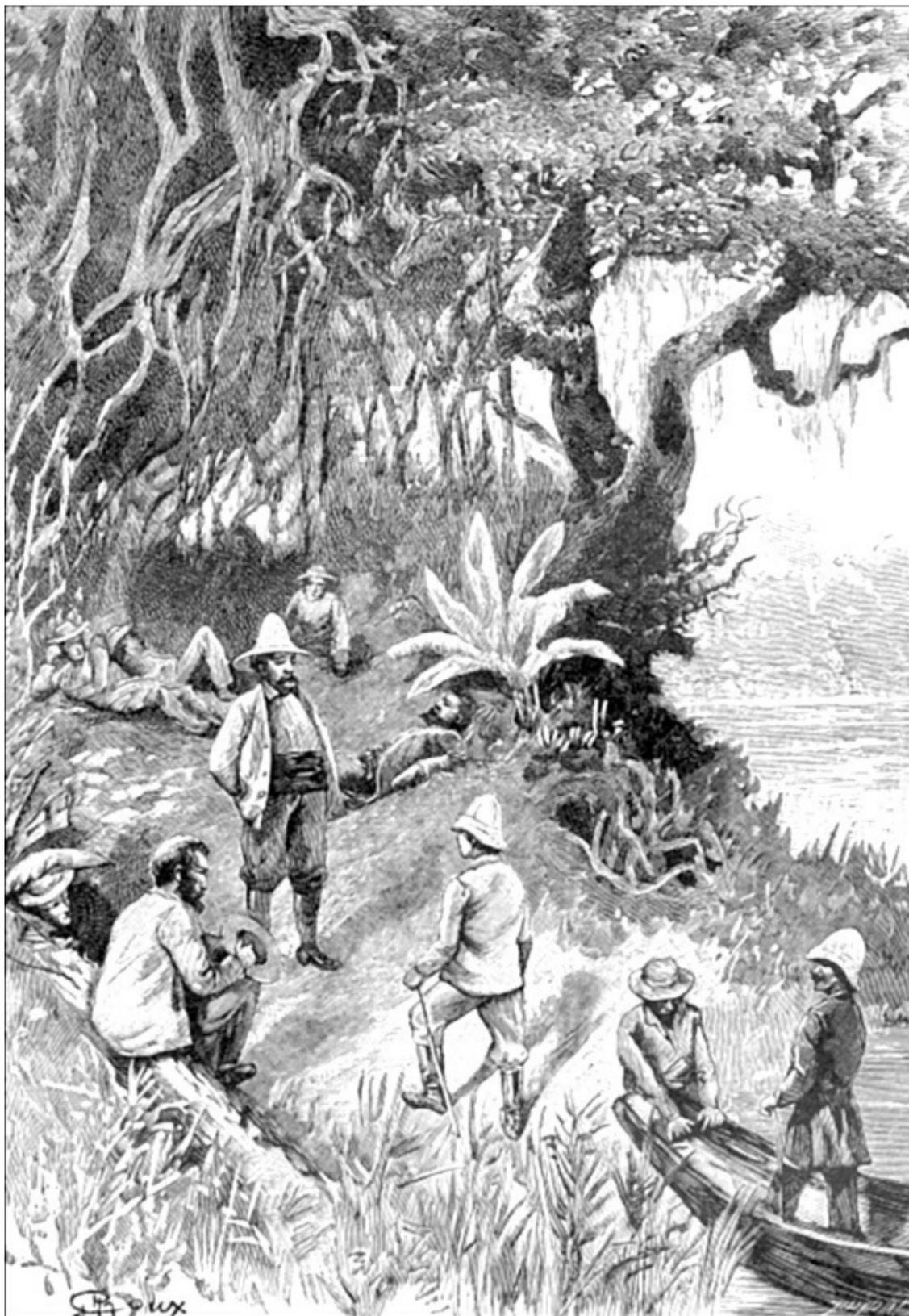
В час пополудни «Марипаре» и «Гальинета» достигли острова, носящего то же название, что и деревня. В отличие от прибрежных льяносов, остров был лесистым, а кое-где даже виднелись обработанные поля. Явление довольно редкое, так как в этих местах жители заняты исключительно охотой, рыбной ловлей и сбором черепаших яиц, а это, что бы там ни говорил сержант Марсьяль, требует огромного числа работников.

Переход под палящим солнцем был очень утомителен для матросов, решено было дать им час отдыха. Тем более что при любых условиях пироги придут в Ла-Урбану еще до наступления вечера. Деревня будет видна, как только они обогнут остров.

Лодки пристали к острову, пассажиры вышли на берег, и деревья укрыли их своей широкой листвой от солнца.

Как ни противился тому сержант Марсьяль, между пассажирами обеих пирога установились дружеские отношения. И это естественно, когда люди путешествуют вместе, да еще в подобных условиях. Господин Мигель не скрывал своей симпатии к Жану де Кермору, и равнодушие к подобным знакам внимания было бы просто вопиющей невежливостью. Так что сержанту пришлось смириться и спрятать свои колючки, однако в глубине души он не переставал корить себя за глупость и малодушие.

За исключением нескольких уток наши охотники не обнаружили на острове никакой дичи, а потому им не пришлось в голову взяться за оружие, чтобы несколько разнообразить трапезу. Впрочем, в Ла-Урбане они без труда пополнят свои запасы.

Пассажиры вышли на берег

В три часа Вальдес дал сигнал к отправлению. Пироги отчалили. До южной оконечности острова их пришлось тащить бечевой, а дальше оставалось лишь пересечь по диагонали вторую половину реки. Эта часть плавания прошла благополучно, и еще до наступления темноты обе пироги достигли Ла-Урбаны.

74 Лукошко (*исп.*).

75 Ментор – друг героя древнегреческого эпоса Одиссея, которого знаменитый герой оставил наблюдать за воспитанием своего сына Телемаха.

Глава VIII Облако пыли на горизонте

Ла-Урбану можно назвать столицей среднего течения Ориноко. Это самое большое селение между Кайкарой и Сан-Фернандо-де-Атабапо. Первое расположено там, где русло реки делает поворот к югу, а второе – там, где она поворачивает на восток.

Это замечание справедливо, если согласиться с точкой зрения господина Мигеля по поводу географии Ориноко, которая, кстати, отражена на современных картах. Впрочем, нашим географам оставалось преодолеть еще шестьсот километров, прежде чем они достигнут места слияния трех рек, где их спор, можно надеяться, будет разрешен.

На правом берегу реки возвышался небольшой холм, одноименный с расположенным у его подножия селением. В то время в Ла-Урбане жили триста пятьдесят – четыреста человек, по большей части мулаты испано-индейского происхождения. Сельским хозяйством они не занимались, только немногие держали домашнюю скотину. За исключением короткого периода сбора черепаших яиц и сагария, они жили, главным образом, охотой и рыбной ловлей и не отличались особым трудолюбием. Однако их жилища под сенью банановых рощ говорят о зажиточности, что в этих краях бывает нечасто.

Наши путешественники собирались провести в Ла-Урбане только одну ночь. Поскольку они прибыли в пять часов, то у них в запасе был целый вечер, чтобы пополнить запасы мяса и овощей, в изобилии имевшихся в Ла-Урбане.

Они обратились за помощью к алькальду[76], и тот с радостью предложил им свои услуги и предоставил в их распоряжение свое жилище. Как главе гражданской администрации ему вменялось в обязанность следить за соблюдением порядка и на суше, и на воде. У него была жена, тоже мулатка, и полдюжины детей, крепких и здоровых мальчиков и девочек от шести до восемнадцати лет.

Узнав, что господин Мигель и двое его коллег – важные лица из Сьюдад-Боливара, он рассыпался в любезностях и пригласил их провести вечер у него дома. Пассажиры «Гальинеты» также были приглашены, что очень обрадовало Жана, так как он надеялся узнать об участии своих соотечественников, которые не выходили у него из головы.

А Вальдес и Мартос занялись прежде всего пополнением запасов сахара, иньяма[77], а главное, маниоковой муки, из которой обычно здесь пекут хлеб.

Обе лодки пристали к довольно крутому берегу в глубине маленькой бухточки, где уже были пришвартованы несколько куриар и рыбацких лодок. Там же находилась и пирога двух французских исследователей, Жака Эллока и Жермена Патерна. Уже шесть недель о них не было никаких известий, что очень тревожило ожидавших их в Ла-Урбане матросов.

Поужинав, путешественники отправились в гости к алькальду. Вся семья собралась в большой комнате, меблировка которой состояла из стола, обтянутых оленьей кожей табуреток и охотничьих трофеев на стенах. Были приглашены также «именитые граждане» Ла-Урбаны, один из которых жил в соседнем селении. Жан знал об этом человеке из рассказа господина Шафанжона, который нашел у него самый сердечный прием. Вот что он об этом рассказывает: «Господин Марчаль, уже почтенного возраста венесуэлец, пятнадцать лет назад обосновался в Тигре, расположенной недалеко от Ла-Урбаны, выше по течению. Он оставил поли-

тику и занялся животноводством. Его ферму, где было около сотни голов скота, обслуживали несколько пеонов и члены их семей. Вокруг фермы простирались поля маниоки, маиса[78], сахарного тростника, росли великолепные банановые деревья. Всего этого с избытком хватало для процветания маленького счастливого мирка».

Какие-то дела привели господина Марчаль в Ла-Урбану одновременно с нашими путешественниками. Он прибыл на своей куриаре в сопровождении двух слуг, а так как он остановился у алькальда, то, естественно, оказался в числе приглашенных.

Эта вечеринка в затерянной среди льяносов деревушке ничем не напоминала великосветский прием. Вместо тонких закусок, изысканных сладостей, дорогих вин и ликеров были поданы пирожные, приготовленные хозяйкой дома и ее дочерьми, и восхитительный кофе, но, главное, гости нашли здесь сердечное тепло и искреннее гостеприимство.

Господин Марчаль испытывал истинное наслаждение, беседуя с Жаном де Кермором на своем родном языке. Он рассказал, что пять лет назад его соотечественник побывал у него на ферме, где провел, к сожалению, всего несколько дней.

– Он так спешил снова отправиться в путь! Это был смелый исследователь, истинный первопроходец. Пренебрегая опасностью, рискуя жизнью, он добрался до истоков нашей великой реки. Такой француз делает честь своей родине! – с жаром воскликнул почтенный венесуэлец.

Когда господин Марчаль и алькальд узнали о цели путешествия господина Мигеля и его коллег, они, как показалось Жану, с удивлением переглянулись. По всей вероятности, для них этот вопрос давно был решен в пользу мнения господина Мигеля.

Хотя господин Марчаль не интересовался Сан-Фернандо и имел определенное мнение относительно Атабапо и Гуавьяре, он тем не менее поддержал членов Географического общества в их намерении добраться до места слияния трех рек.

Лодки пристали к довольно крутому берегу в глубине маленькой бухточки

– В любом случае это принесет пользу науке, и, кто знает, может быть вам господа, удастся сделать какое-нибудь открытие.

– Это наша мечта, – ответил господин Мигель, – ведь мы собираемся посетить малоизученный район, и, если нужно, мы отправимся из Сан-Фернандо дальше вверх по течению.

– И доберемся... – продолжил господин Фелипе.

– Хоть до самых истоков! – закончил господин Баринас. Сержант Марсьяль плохо улавливал смысл разговора, потому что Жан переводил ему лишь отдельные фразы. Он никак не мог взять в толк, каким образом люди, если, конечно, они не сумасшедшие, могут интересоваться тем, «из какой дырки вытекает река».

– В конце концов, – пробормотал он, – будь люди благоразумнее, незачем было бы строить столько сумасшедших домов.

Затем речь зашла о двух французах, возвращения которых тщетно ожидали в Ла-Урбане. Алькальд встречал их, когда они прибыли в Ла-Урбану, господин Марчаль тоже знал их, так как они провели один день на его ферме в Тигре.

– И с тех пор вы ничего больше о них не слышали? – спросил господин Мигель.

– Абсолютно ничего, – ответил алькальд. – Мы расспрашивали жителей восточных льяносов, но те их не видели.

– А они собирались плыть вверх по Ориноко? – спросил Жан.

– Да, дитя мое, – ответил господин Марчаль, – они намеревались останавливаться в прибрежных деревнях. Говорили, что у них нет четкого маршрута. Один из них, Жермен Патерн, ботаник, готов рисковать жизнью, чтобы обнаружить неизвестное растение. Другой, Жак Эллок, азартный охотник, увлеченный географией; его манят еще неизвестные и неописанные страны и реки. Эти две страсти заводят его порой слишком далеко... И когда приходит время возвращаться...

– Будем надеяться, что с ними не случилось ничего дурного, – сказал господин Баринас.

– Будем надеяться, – повторил алькальд, – хотя их отсутствие уже сильно затянулось.

– А они обязательно должны вернуться в Ла-Урбану? – поинтересовался господин Фелипе.

– Вне всякого сомнения. Здесь осталась их пирога с походным снаряжением и уже собранными коллекциями.

– Они отправились одни или с проводником? – спросил Жан.

– Я дал им в качестве сопровождающих несколько индейцев мапойе, – ответил алькальд.

– А это надежные люди? – спросил господин Мигель.

– Настолько, насколько могут быть надежными индейцы, живущие вдали от реки.

– Известно ли, – продолжил Жан, – какие места они собирались посетить?

– По моим сведениям – Сьерра-Матапей. Это к востоку от Ориноко, край, известный только индейцам яруро и мапойе. У ваших соотечественников и проводника были лошади, полдюжины индейцев с грузом шли за ними пешком.

– А к востоку от Ориноко бывают наводнения? – спросил Жан.

– Нет, – ответил господин Мигель, – эти льяносы расположены значительно выше уровня моря.

– Вы правы, господин Мигель, – согласился алькальд, – но там бывают землетрясения, и вы знаете, что в Венесуэле они случаются довольно часто.

– В любое время года? – спросил юноша.

– Нет, в определенные периоды, – ответил господин Марчаль. – Кстати, вот уже месяц, как даже в Тигре ощущаются подземные толчки.

Все согласились, что вулканические толчки – не редкость в Венесуэле, хотя здесь и нет действующих вулканов. Гумбольдт имел все основания назвать Венесуэлу «страной землетрясений». Подтверждение тому – разрушение в шестнадцатом веке города Куманы. Землетрясение повторилось сто пятьдесят лет спустя, и в этот раз город содрогался от подземных толчков пятнадцать месяцев. Город Месида также жестоко пострадал. А в 1812 году двенадцать тысяч жителей погибли под развалинами Каракаса. Подобные катастрофы, уже унесшие тысячи жиз-

ней, могут повториться в любую минуту, и надо сказать, что в последнее время на востоке края ощущались постоянные толчки.

Когда тема двух французов была исчерпана, господин Марчаль обратился к сержанту Марсьялю и его племяннику:

– Мы знаем теперь, что позвало в дорогу господина Мигеля и его коллег. Вряд ли вы предприняли ваше путешествие с той же целью...

Сержант Марсьяль сделал протестующий жест; но Жан остановил его, не позволив ему выразить пренебрежительное отношение к географическим вопросам, которые, по мнению старого солдата, могли интересовать только составителей учебников и атласов.

Юноша рассказал, что чувство сыновней любви заставило его покинуть Францию и что он отправился в плавание по Ориноко, надеясь получить новые сведения об отце в Сан-Фернандо, откуда пришло последнее письмо, написанное полковником де Кермором.

Рассказ юноши до глубины души взволновал старого Марчаля, и, к ужасу сержанта, он взял Жана за руки, привлек его к себе и, словно благословляя, от всей души пожелал ему удачи.

– И никто из вас, ни господин Марчаль, ни господин алькальд, ничего не слышал о полковнике де Керморе? – спросил юноша.

– Увы, нет.

– Может быть, – сказал алькальд, – полковник не останавливался в Ла-Урбане? Хотя это очень странно – обычно все пироги заходят сюда, чтобы пополнить запасы. Вы говорите, что это было в тысяча восемьсот семьдесят девятом году?

– Да, сударь, – ответил Жан, – и вы тогда жили в этом селении?

– Конечно, но у меня не было сведений о прибытии полковника де Кермора.

Похоже, полковник с самого отъезда делал все возможное, чтобы сохранить инкогнито.

– Не огорчайтесь, дитя мое, не может быть, чтобы в Сан-Фернандо не осталось никаких следов пребывания вашего отца. Там вы наверняка получите сведения, которые позволят вам отыскать его.

Только в десять часов вечера гости покинули гостеприимный дом алькальда и вернулись на борт своих пирог, которые должны были с рассветом отправиться в путь.

Жан лег на циновке под навесом, и сержант, закончив ежевечернюю войну с комарами, тоже растянулся и тотчас заснул.

Однако сон их был непродолжительным. Около двух часов ночи их разбудил доносившийся откуда-то издали непрерывно нараставший шум. Однако этот глухой гул не был похож на далекие раскаты грома. Потом какое-то странное волнение пробежало по реке, и волна ударила в борта лодки.

Вальдес и матросы, стоя на носу пироги, вглядывались в горизонт.

– Что случилось, Вальдес? – спросил Жан.

– Не знаю...

– Собирается гроза?

– Нет... Небо чистое... Ветер восточный, очень слабый.

– Откуда же это волнение?

– Я не знаю, не знаю, – повторял Вальдес.

Действительно, это было необъяснимо. Может быть, выше или ниже по течению произошел внезапный подъем воды, который и вызвал эту приливную волну? От капризной Ориноко можно всего ожидать.

Экипаж и пассажиры «Марипаре» тоже были встревожены. Выбравшись из-под навеса, господин Мигель и его друзья пытались разобраться в причинах этого явления, но, увы, безуспешно.

Впрочем, волнение ощущалось не только на воде, но и на суше. Напуганные жители Ла-Урбаны повысыпали из своих хижин и направились к берегу. Вскоре к ним присоединились

господин Марчаль и алькальд. Было половина пятого утра, и вот-вот должен был забрезжить рассвет.

Пассажиры обеих лодок тотчас же сошли на берег, и господин Мигель спросил:

– Что происходит?

– По всей вероятности, в Сьерра-Матапей произошло землетрясение, и колебания достигли речного дна.

Господин Мигель согласился, что колебания почвы вызваны подземными толчками, нередко сотрясающими льяносы. «Только это не все, – добавил он, – разве вы не слышите гул, который доносится откуда-то с востока?»

Действительно, слышалось какое-то монотонное низкое гудение, происхождение которого невозможно было объяснить.

– Надо подождать, – сказал господин Марчаль. – Вряд ли Ла-Урбане грозит опасность.

– Я тоже так думаю, – согласился алькальд, – можно спокойно вернуться в дом.

Скорее всего господин Марчаль и алькальд были правы, и все-таки лишь немногие жители деревни последовали их совету. К тому же уже светало, и можно было надеяться, что зрению откроется больше, чем слуху.

В течение трех часов далекий гул странным образом нарастал, словно что-то скользило и ползло по земле. Это тяжелое, ритмичное скольжение ощущалось даже на правом берегу. Вполне возможно, что толчки были вызваны землетрясением, эпицентр которого находился в Сьерра-Матапей, такое в Ла-Урбане уже бывало. Но никто пока еще не догадывался об истинной природе этих звуков, напоминающих гул марширующих полков.

Алькальд, господин Марчаль и пассажиры обеих лодок решили подняться на холм, надеясь что-либо увидеть с него. Солнце вставало на очень чистом небе, напоминающем лучезарный воздушный шар, пригнанный ветром к берегам Ориноко. Ни одного облачка на горизонте, ничего, что могло бы предвещать грозу. Поднявшись метров на тридцать, наблюдатели взглянули на восток. Перед ними простиралась бескрайняя зеленеющая равнина, «безмолвное море травы», как поэтически выразился Элизе Реклю. Правда, это море не было спокойным, что-то вздымалось из его глубины, и на расстоянии нескольких километров над льяносами клубился песок.

– Это густая пыль, – сказал господин Марчаль.

– Только поднимает ее не ветер, – заметил господин Мигель.

– Да, ветра почти нет, – ответил господин Марчаль. – Тогда что же это? Ведь не подземные же толчки? Нет, не может быть.

– А потом, этот шум, – сказал алькальд. – Он напоминает топот множества ног...

– Что же это такое? – воскликнул господин Фелипе.

И тут, словно отвечая на вопрос господина Фелипе, прогремел выстрел, повторенный эхом ружейный выстрел, за которым последовали другие.

– Стреляют из ружья! – сказал сержант Марсьяль. – Черт меня побери, если я ошибаюсь.

– Значит, на равнине охотники... – заметил Жан.

– Охотники... дитя мое? – удивился господин Марчаль. – Чтобы поднять такую пыль, нужен по меньшей мере легион...

Однако, совершенно очевидно, стреляли из револьверов или из карабинов. Можно было даже разглядеть белый дымок на фоне желтого облака пыли.

Затем ветер донес издали звуки новых выстрелов.

– По-моему, – сказал господин Мигель, – нам следует двинуться туда и выяснить, что происходит...

– И помочь людям, которые, возможно, в этом нуждаются.

– Кто знает, – сказал Жан, глядя на господина Марчаля, – может быть, там мои соотечественники.

– Они, надо полагать, имеют дело с целой армией, – ответил тот. – Только тысячи людей могут поднять такую пыль! Вы правы, господин Мигель, спустимся на равнину...

– И с оружием, – добавил господин Мигель.

Отнюдь не лишняя мера предосторожности, если предчувствия не обманули Жана и его соотечественники отбивались от напавших на них индейцев. Через пять минут все были готовы. Алькальд и несколько жителей деревни, три географа, сержант Марсьяль и его племянник, вооруженные револьверами и карабинами, обогнув холм, пошли напрямик через льянос. Господин Марчаль, которому не терпелось узнать, в чем дело, присоединился к ним.

Маленький отряд бодро двинулся навстречу приближающемуся облаку. И, будь облако пыли не столь плотным, они могли бы уже разглядеть человеческие фигуры. Выстрелы же тем временем становились все слышнее, и все явственнее раздавался глухой ритмичный шум невидимо надвигавшейся на них массы ползущих по земле существ.

Господин Мигель, шагавший с карабином на изготовку впереди отряда, внезапно остановился. У него вырвался изумленный крик.

Если когда-либо человеку случалось удовлетворить свое любопытство и если когда-либо человек бывал посрамлен в своей неверии, то этим человеком оказался сержант Марсьяль. Старый солдат не верил в существование тысяч черепах, которые в период кладки яиц заполняют песчаные отмели Ориноко между устьем Арауки и Карибен...

– Черепахи... это черепахи! – воскликнул господин Мигель, и он не ошибся.

Да!.. Сотни тысяч черепах, а может быть и больше, направлялись к правому берегу реки. Но что заставило их идти сюда в эту пору? Ведь сезон кладки яиц давно окончился!

Господин Марчаль ответил на этот вопрос, естественно интересовавший всех присутствующих:

– Я думаю, что животные были напуганы землетрясением. Возможно, Тортуга или Суапаре вышли из берегов, и черепахи, движимые инстинктом самосохранения, отправились искать убежища на берегах Ориноко.

Это было очень правдоподобное и, пожалуй, единственно приемлемое объяснение. Очевидно, подземные толчки в Сьерра-Матапей были очень сильными. Черепахам и раньше случалось появляться на берегах Ориноко в неурочное время, поэтому жители прибрежных районов были не слишком удивлены, хотя и несколько обеспокоены.

В общем, с черепахами все было ясно, но откуда раздавались выстрелы? Кто мог таким образом сражаться с черепахами? Ведь пули не в состоянии пробить их панцирь.

Вскоре всё разъяснилось.

Мириады черепах, растянувшись на несколько километров, двигались сплошной массой, прижавшись панцирями одна к другой. А по этой движущейся поверхности металась множество животных, очевидно тоже спасавшихся от землетрясения. Удивленные подобным нашествием, носились взад и вперед обезьяны-ревуны. («Им это, вероятно, кажется забавным», – заметил сержант Марсьяль.) Здесь были и дикие животные: ягуары, пумы, оцелоты, равно опасные и на равнине, и в лесу, и на спинах черепах.

Вот от них-то и отбивались пистолетными и ружейными выстрелами два человека. Им уже удалось убить нескольких хищников, но они с трудом удерживали равновесие, перескакивая с одного панциря на другой, в то время как четвероногие явно не испытывали ни малейшего неудобства.

Кто были эти люди? На таком расстоянии ни господин Марчаль, ни алькальд не могли узнать их. Однако, если судить по костюму, они не принадлежали ни к одному из индейских племен, живущих вдоль среднего течения Ориноко. Может, это были те самые французы, которые отправились исследовать восточные равнины и возвращения которых давно уже ожидали в Ла-Урбане? Жан де Кермор подумал: возможно, меня ожидает радость встречи с соотечественниками.

Все остановились... Что делать? Идти вперед? Нет, конечно...

Поток черепах все равно заставит их повернуть назад, и они не сумеют добраться до окруженных хищниками людей. Только Жан призывал их помочь этим людям; он был уверен, что эти двое и есть французские исследователи.

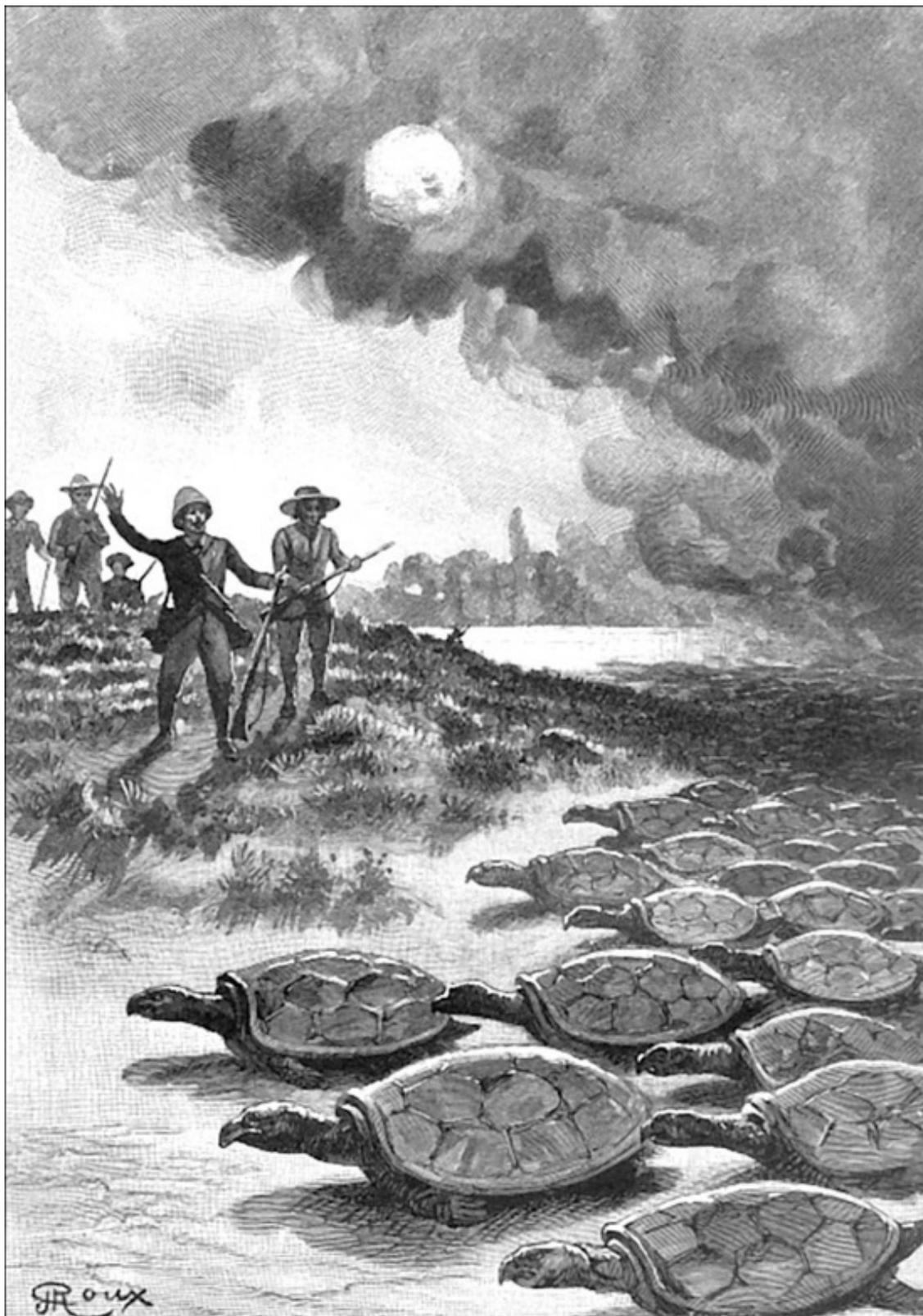
– Это невозможно, – сказал господин Марчаль, – и бесполезно. Рискаю собственной жизнью, мы не сможем помочь им. Надо дать черепахам добраться до реки, а там они сами расползутся в разные стороны.

– Вероятно, но нам грозит другая опасность.

– Какая?

– Если черепахи встретят на своем пути Ла-Урбану и не свернут в сторону, с деревней будет покончено!

К несчастью, помешать катастрофе было невозможно. Обогнув холм, неумолимая лавина медленно приближалась к Ла-Урбане, от которой ее отделяло не больше двухсот метров. Все будет сметено, раздавлено, уничтожено в деревне... Там, где прошли турки, трава не растет, – говорит пословица. А там, где пройдет армия черепах, не останется ни дома, ни хижины, ни деревца, ни кустика.

Сотни тысяч черепах, а может быть и больше, направлялись к правому берегу реки

– Огонь... Надо разжечь огонь! – воскликнул господин Марчаль.

Он был прав: огонь – единственная преграда, которая могла остановить черепах.

Охваченные паникой, жители деревни бегали взад и вперед, раздавались крики женщин и детей. Пассажиры и экипажи пирога поняли мысль господина Марчаля и принялись за дело.

У входа в деревню тянулись широкие луга, поросшие густой, но уже высохшей травой и клонившимися под тяжестью плодов деревьями. Пришлось без колебаний пожертвовать этими плантациями. Траву подожгли одновременно в десяти или двенадцати местах. Яростно забушевало словно вырвавшееся из чрева земли пламя. Густой дым смешался с движущимся к реке облаком пыли.

И тем не менее черепахи упорно ползли вперед, и они, вероятно, будут ползти до тех пор, пока первый ряд не достигнет полосы огня. А может быть, идущие сзади толкнут первых в огонь и тем самым его потушат?

Неужели Ла-Урбана вот-вот будет раздавлена, уничтожена, обращена в развалины?

Но этого не случилось, расчет господина Марчаля оказался верным. Хищники были встречены выстрелами, стреляли все, у кого были ружья, а те двое, балансирующие на спинах ползущих черепах, отстреливались уже последними патронами.

Несколько хищников были убиты. Другие в ужасе отступили перед языками пламени и, повернув на восток, умчались вслед за обезьянами, оглашавшими воздух истошными воплями.

В это мгновение двое пленников черепашьего стада бросились к полосе огня, прежде чем первый ряд черепах успел к ней приблизиться.

Еще минута, и Жак Эллок и Жермен Патерн – а это были они, – обогнув холм, очутились в полной безопасности.

Черепахи же остановились перед полукилометровым огненным занавесом, а затем, обходя деревню слева, двинулись к реке и скрылись в ее водах.

Хищники были встречены выстрелами

76 Алькальд – в Испании и в некоторых государствах Латинской Америки глава городской администрации.

77 Иньям (ямс) – здесь: богатые крахмалом клубни ямса, тропического растения из семейства диоскорейных.

78 Маис – кукуруза.

Глава IX

Три пироги продолжают плавание вместе

Вторжение черепах, чуть было не уничтоживших Ла-Урбану, заставило путешественников на сутки отложить свой отъезд. Поскольку двое французов собирались продолжить изучение Ориноко и плыть до Сан-Фернандо-де-Атабапо, разумно было путешествовать вместе. А так как молодые люди нуждались в отдыхе, естественно было перенести отъезд на следующий день.

Именно такого мнения придерживались благоразумный господин Мигель и его коллеги. Дяде и племяннику не оставалось ничего другого, как согласиться с этой точкой зрения. У Жака Эллока и Жермена Патерна была своя пирога, и стеснить они никого не могли; а кроме того, что бы там ни думал сержант Марсьяль, путешествовать всем вместе было значительно безопаснее, чем порознь.

– А потом не забывай, они наши соотечественники, – сказал Жан своему дяде.

– Уж очень они молоды! – пробормотал сержант, недовольно качая головой.

Молодых людей попросили рассказать о себе, и, когда те узнали, что дядя и племянник – французы и даже бретонцы, они поспешили удовлетворить их любопытство.

Успешно выполнив несколько поручений министерства народного образования, двадцатипятилетний уроженец Бреста Жак Эллок был отправлен в экспедицию на Ориноко. Полтора месяца назад он прибыл в дельту великой венесуэльской реки. Этому молодого человека не без оснований считали талантливым исследователем, в котором храбрость, энергия и выносливость удачно сочетались с разумной осторожностью. Он был привлекателен: темные волосы, пылкий взгляд, румянец на смуглых щеках, высокий рост, крепкое сложение... Прибавьте к этому какую-то врожденную элегантность, серьезное и приветливое выражение лица, и станет понятно, почему все в нем с первого взгляда вызывало симпатию окружающих. Ни фатовства, ни позерства – он располагал к себе людей, не прилагая к тому никаких усилий.

Спутник Жака, двадцативосьмилетний Жермен Патерн, тоже был бретонцем. Его отец, советник апелляционного суда в Ренне, мать и две сестры – все были живы, тогда как родители Жака Эллока умерли, оставив своему единственному сыну вполне достаточное для обеспеченной жизни состояние.

Жермен Патерн обладал решительным, но покладистым характером и без возражений шел туда, куда его вел Жак Эллок, с которым они дружили со школьной скамьи. Страстью Жермена была естественная история, а точнее ботаника, и в не меньшей степени фотография. Он мог бы снимать под градом картечи, и камера не дрогнула бы в его руках. Он не был красавцем, и ростом – пониже Жермена, но его умное и неизменно приветливое лицо делало его по-своему привлекательным. К тому же природа наделила Патерна железным здоровьем и несокрушимой выносливостью. Он мог ходить целый день, не чувствуя усталости, есть любую пищу (о таких говорят, что их желудок может переваривать камни) или без жалоб лечь спать натошак, если уж так доводилось.

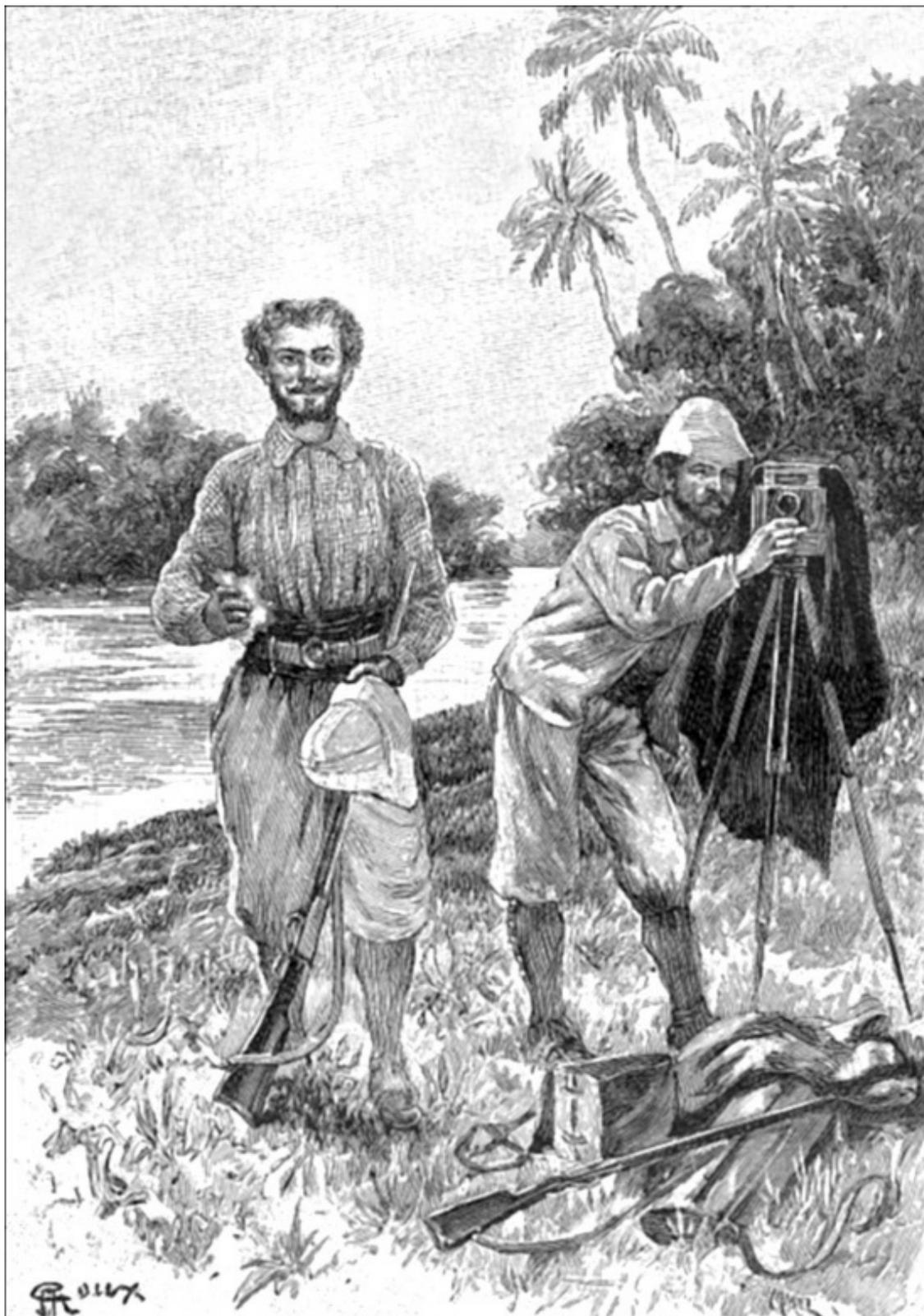
Узнав о цели путешествия Жака Эллока, он предложил себя в помощники. Тот с радостью согласился: трудно было найти более надежного и полезного спутника, чем его старый друг. Решили, что экспедиция продлится столько, сколько это будет необходимо. Целью друзей было изучение не только Ориноко, но и ее порой едва обозначенных на картах притоков, особенно в среднем течении. Их путешествие должно было завершиться в Сан-Фернандо.

Оставив пирогу и багаж в Ла-Урбане, они отправились в путь. Жак Эллок взял с собой необходимые для наблюдения инструменты и великолепный автоматический карабин фирмы «Хаммерлес» с отражателем фирмы «Гринер», а Жермен Патерн – ящик натуралиста, карабин той же фирмы, не считая двух револьверов в кожаной португее. Выйдя из Ла-Урбаны, молодые люди направились к тогда еще мало изученному массиву Сьерра-Матапей. Сопровождавшие их индейцы мапойе несли легкое походное снаряжение. За три недели они преодолели около трехсот километров и почти полностью выполнили программу экспедиции. Сделав фотографические и гидрографические съемки Суапуре – на юге и Рио-Тортуга (Рио-Шафанжон) – на севере, собрав растения, которые должны были пополнить их гербарий[79], они две недели назад двинулись в обратный путь.

Вот тут и начались всякие неприятные неожиданности.

Сначала на них напали дикие индейцы[80], что не редкость во внутренних районах Венесуэлы. Отбив с риском для жизни все атаки, молодые люди вынуждены были отступить к подножию Сьерра-Матапей, где проводник-индеец и его сотоварищи предательски их бросили, захватив с собой и снаряжение. У молодых людей остались только инструменты и оружие. Они решили возвращаться в Ла-Урбану, от которой их отделяло еще около двадцати лье. Пищу они добывали себе охотой, ночевали под открытым небом, спали по очереди: пока один спал, другой нес вахту.

И вот два дня назад, очевидно в результате землетрясения, на их лагерь двинулись полчища черепах. Молодые люди не смогли вырваться вперед, поскольку дорогу им перекрывали хищники. Им не оставалось ничего другого, как «ехать» на спинах черепах, двигавшихся к правому берегу Ориноко. Весьма благоразумное решение. Сначала их примеру последовали только обезьяны. Но в нескольких лье от реки обезумевшие хищники тоже бросились на спины черепах. Ситуация стала очень опасной, пришлось отбиваться от пум и ягуаров. А сплошная масса черепах, напоминающая движущиеся тротуары в больших городах Америки, неуклонно приближалась к Ориноко. У Жака Эллока и Жермена Патерна уже почти не оставалось патронов, когда впереди показались первые дома Ла-Урбаны, и черепах остановил защищавший деревню огненный занавес. Так закончилась их экспедиция. И молодые люди, и Ла-Урбана благополучно избежали опасности быть раздавленными этой живой ползущей лавиной.

Жак Эллок и Жермен Патерн

Жак Эллок сказал, что они не намерены менять маршрут и будут продолжать свои исследования вплоть до Сан-Фернандо-де-Атабапо.

– До Сан-Фернандо? – нахмурившись, переспросил сержант Марсьяль.

– Но не дальше, – ответил Жак Эллок.

– А!

Трудно сказать, что означало это «А!» в устах сержанта Марсьяля – удовлетворение или досаду.

Решительно он становился все более нелюдимым, этот временно исполняющий обязанности дяди Жана де Кермора.

Жану пришлось рассказать свою историю, и нет ничего удивительного в том, что Жак Эллок почувствовал живейшую симпатию к семнадцатилетнему юноше, отважившемуся на столь опасное путешествие. Жак и его друг не были лично знакомы с полковником де Кермором, но в Бретани они слышали о его исчезновении, и вот случай свел их в пути с сыном полковника, отправившимся на поиски отца.

Жермен Патерн, кое-что знавший о семействе де Кермор, пытался оживить в памяти подробности этой истории.

– Месье Жан, – сказал Жак Эллок, выслушав рассказ юноши, – я рад, что случай свел нас в пути, и, поскольку цель нашего путешествия – Сан-Фернандо, мы отправимся туда вместе. Там, я надеюсь, вы получите новые сведения о полковнике де Керморе, и, если вам нужна будет наша помощь, можете на нас рассчитывать.

Юноша поблагодарил своих соотечественников, а сержант проворчал себе под нос:

– Тысяча чертей! Три географа – с одной стороны, два француза – с другой! Что-то больно много желающих помочь нам! Тут надо держать ухо востро!

К вечеру приготовления были окончены. Собственно, речь шла только о третьей пироге, так как две другие были готовы к отплытию еще утром. Пирог Жака и Жермена называлась «Мориче», капитаном ее был индеец из племени банива по имени Парчаль, а экипаж состоял из девяти краснокожих, которыми путешественники не могли нахвалиться. Запасы продуктов были пополнены, но, увы, нельзя было возвратить украденное во время экспедиции снаряжение. Однако Жермен Патерн, сохранивший в неприкосновенности свою коллекцию, считал, что им грешно жаловаться.

Сначала на них напали дикие индейцы

Двадцать восьмого августа на рассвете пассажиры трех пирог попрощались с господином Марчалем, с алькальдом Ла-Урбаны и ее жителями, оказавшими им такой сердечный прием.

Добрый старик заключил в свои объятия юношу, которого он от всей души надеялся увидеть вновь, когда они с полковником де Кермором будут проезжать мимо его фермы в Тигре и где они, наверное, не откажутся провести несколько дней.

– Будьте мужественны, дитя мое, – сказал он, целуя Жана, – я буду молиться за вас, и да хранит вас Господь!

Пирогы отчалили одна за другой. Дул свежий попутный ветер. Паруса были подняты, пассажиры бросили последний взгляд на Ла-Урбану, лодки двинулись вдоль правого берега, где течение было не слишком сильным.

От Ла-Урбаны до Сан-Фернандо русло Ориноко вытянуто почти по прямой линии. Оба селения, расположенные в излучине реки, находятся примерно на одном и том же меридиане. Так что если ветер не переменится, плавание будет не слишком продолжительным.

Лодки шли с одинаковой скоростью, то гуськом, как шаланды на Луаре, когда фарватер сужался, то рядом, когда ширина реки это позволяла.

Расстояние от одного берега Ориноко до другого достаточно велико, но выше Ла-Урбаны ее русло изобилует песчаными отмелями. Правда, сейчас из-за паводка отмели превратились в острова, покрытые густой сочной зеленью, и пироги лавировали между ними. Острова эти образовывали четыре рукава, только два из которых оставались судоходными в сухое время года.

Когда пироги шли рядом, пассажиры могли переговариваться, и Жан никак не мог уклониться от ответов на вопросы. Речь шла главным образом о поисках полковника де Кермора. Жак Эллок изо всех сил старался подбодрить юношу и укрепить в нем надежду на успех.

А Жермен Патерн, сидя на носу лодки с фотоаппаратом в руках, запечатлевал все, что ему казалось достойным внимания.

Жак Эллок и Жермен Патерн беседовали не только с пассажирами «Гальинеты». Их также интересовала географическая экспедиция господина Мигеля и его коллег, и они с любопытством прислушивались к спорам, повод которым то и дело давали дорожные впечатления. Среди этих троих столь различных по характеру людей наибольшую симпатию и доверие внушал им господин Мигель. Одним словом, между пассажирами «Марипаре», «Гальинеты» и «Мориче» царил доброе согласие, и даже к ворчливому нраву сержанта Марсьяля Жак Эллок относился снисходительно. Однажды у него мелькнула мысль, похоже, не приходившая в голову господину Мигелю и его друзьям, и он не замедлил поделиться своими соображениями с Жерменом.

– Тебе не кажется странным, что этот старый вояка – дядя юного де Кермора?

– Что тут странного, если полковник и он – двоюродные братья.

– Да, конечно, но согласишься, что уж очень по-разному сложилась их жизнь. Один – полковник, а другой остался сержантом.

– Так бывало, Жак, бывает и будет.

– Пусть так! В конце концов, если их устраивает быть дядей и племянником, это их дело.

Безусловно, сомнения Жака были не лишены оснований, и в конце концов он решил, что узы родства были выдуманы его попутчиками для удобства путешествия.

Утром маленькая флотилия миновала устье Капанаро, а затем – Индабаро, которая является всего лишь ответвлением первой реки.

Господин Мигель и Жак Эллок, оба прекрасные охотники, время от времени подстреливали какую-нибудь дичь, и надо сказать, что должным образом приготовленные утки и вяхири приятно разнообразили меню, обычно состоявшее из сушеного мяса и консервов.

Холмы Барагуан подступали к левому берегу обрывистыми утесами. В этом месте ширина реки достигает еще тысячи восьмисот метров. Но дальше, за устьем Мины, устье сужается, и течение становится гораздо более быстрым. Последнее обстоятельство грозило замедлить продвижение пирога. К счастью, свежий ветер мощно надувал паруса, пироги неслись вперед, мачты – просто едва очищенные от коры стволы деревьев – скрипели и гнулись, и к трем часам пополудни пироги прибыли в Тигру. Они прошли мимо, не причаливая, но Жермен Патерн сделал очень удачную фотографию живописного имени господина Марчаля.

С этого момента плавание стало значительно более трудным. К счастью, ветер нужной силы и направления все-таки позволял лодкам продвигаться против течения. В этом месте

ширина Ориноко сократилась до тысячи двухсот метров, и ее довольно извилистое русло было усеяно многочисленными рифами.

Мастерство матросов позволило благополучно преодолеть эти трудности. В половине шестого вечера пироги, миновав Рио-Карибо, вошли в устье Синаруко, где и намеревались провести ночь.

Невдалеке виднелся остров Макупина. Деревья там образовывали почти непроходимую чащу. Здесь росли преимущественно пальмас-льянерас[81], листья которых достигают в длину четырех-пяти метров. Местные жители делают из них крыши своих временных хижин, которыми пользуются только в период рыбной ловли.

Пироги пристали к берегу. Господин Мигель и Жак Эллок, надеясь успешно поохотиться, взяли с собой карабины. Здесь жили несколько семей индейцев мапойе. Согласно местным обычаям, женщины скрылись при виде посторонних и вновь появились, только надев длинные рубашки, прикрывавшие их вполне благопристойным образом. До этого на них, как и на мужчинах, была одна набедренная повязка, и лишь длинные волосы слегка прикрывали наготу. Эти индейцы выделяются среди прочих племен, населяющих Центральную Венесуэлу. Крепкие, мускулистые, хорошо сложенные, они отличаются завидным здоровьем и силой.

С их помощью наши охотники проникли в глубь леса. Первыми же выстрелами они уложили двух довольно крупных пекари[82], однако ни одна попытка подстрелить капуцинов[83] не увенчалась успехом.

– Да, об этих не скажешь, что они сами идут в руки, – заметил Жак Эллок.

– Вы правы, к этим обезьянам трудно подкрасться незаметно, – ответил господин Мигель. – Сколько я перевел свинца и пороха – и никакого толка.

– И очень жаль, господин Мигель, так как хорошо поджаренное мясо капуцина – настоящее лакомство для гурманов[84], – сказал Жан.

В книге господина Шафанжона он прочел, что, поджаренное по индейскому обычаю на медленном огне, обезьянье мясо приобретает аппетитный золотистый оттенок и восхитительный вкус.

В этот вечер путешественникам пришлось довольствоваться пекари. Со стороны сержанта Марсьяля было бы в высшей степени невежливо отказаться от мяса, принесенного Жаком Эллоком. Жан поблагодарил охотника, сказав:

– Наш соотечественник говорит, что пекари ничуть не хуже, чем поджаренная на вертеле обезьяна, и даже утверждает, что не ел ничего более вкусного за все время своего путешествия.

– И он совершенно прав, месье Жан, – ответил Жак Эллок. – Что делать, за неимением обезьян можно вполне довольствоваться пекари.

– На безрыбье и рак рыба, – вместо благодарности произнес сержант Марсьяль.

Действительно, эти пекари, называемые на местном наречии «бокирос», были восхитительны, и сержант не мог не признать этого. И тем не менее, заявил он Жану, отныне он намерен есть только ту дичь, которую добудет сам.

– Но, дядюшка, разве можно было отказаться... Господин Эллок так любезен.

– Слишком любезен, племянничек! Но я-то здесь, черт побери! И попадись мне этот пекари, я бы уложил его не хуже господина Эллока.

Юноша невольно улыбнулся.

– К счастью, все эти совершенно ненужные мне любезности кончатся, как только мы прибудем в Сан-Фернандо, и слава Богу!

Пироги отчалили рано утром, пока пассажиры еще отдыхали под навесом. По-прежнему дул северный ветер, а потому Вальдес, Мартос и Парчаль надеялись уже вечером прибыть в Карибен, расположенный километрах в сорока от устья Меты.

Плавание шло без помех. Вода стояла довольно высоко, и пироги благополучно преодолели узкие проходы между рифами около острова Паргуаса, названного так по имени реки, впадающей справа в Ориноко.

В сухой сезон здесь образуются труднопроходимые пороги, несравнимые, однако, по длине с порогами, которые ожидали путешественников впереди. На этот раз не пришлось разгружать пироги и тащить их волоком, что так утомительно и так замедляет скорость передвижения.

Бескрайние просторы льяносов, ограниченные лишь узкой полоской гор на горизонте, сменились на правом берегу причудливыми холмами. Возвышенности эти переходили на востоке в настоящие горные цепи. Среди них выделялись извилистые линии Каричана. Прихотливые силуэты его поднимались над пышной зеленью лесов.

К вечеру пироги снова двинулись к левому берегу, где был единственный проход, позволяющий преодолеть пороги Карибен. На востоке тянулись такие же, как в Ла-Урбане, обширные отмели, куда некогда стекались черепахи в период кладки яиц. Но варварская, никак не регулируемая охота наверняка приведет, если уже не привела, к исчезновению черепах, которые стали лишь изредка появляться на этих пляжах. Поэтому Карибен уже почти полностью утратил свое значение и скоро будет просто одной из крохотных деревушек в среднем течении Ориноко.

Идя вдоль гранитных берегов Пьедра-дель-Тигре, пассажиры столкнулись с акустическим[85] явлением, хорошо известным венесуэльцам. До их ушей донеслись мощные, гармонические музыкальные звуки.

С борта «Гальинеты» послышалось удивленное восклицание сержанта Марсьяля:

– Вот это да! Кто же это устроил нам такую серенаду?

Но услышанное оказалось не серенадой, хотя обычаи этого края были не менее испанскими, чем обычаи Андалузии или Кастилии. Путешественники могли подумать, что очутились в Фивах[86] у подножия Мемнонского колосса[87], но господин Мигель поспешил дать объяснение этому акустическому явлению, встречающемуся и в других странах.

– На рассвете, – сказал он, – эти звуки были бы еще громче, и вот в чем причина. В этих скалах имеется множество пластинок слюды. Разогретый солнцем воздух, расширяясь, вырывается из трещин и заставляет вибрировать пластинки слюды.

– А солнце, оказывается, искусный музыкант! – воскликнул Жак Эллок.

– Все равно ему далеко до нашей бретонской волынки[88], – возразил сержант Марсьяль.

– Конечно, – согласился Жермон Патерн, – и все-таки орган[89] на лоне природы... в этом что-то есть...

– Только уж больно много слушателей! – проворчал сержант.

—

79 Гербарий – коллекция засушенных растений.

80 Дикае индейцы (*исп.* indios bravos) – общее название неумиротворенных групп индейцев, враждебных белым поселенцам и обычно занимавшихся грабежом путников, жителей ферм и небольших поселков (термин с американо-мексиканской границы).

81 Равнинные пальмы, или пальмы льяносов (*исп.*) – один из подвидов пальм.

82 Пекари – семейство нежвачных парнокопытных животных, длина тела до 1 м, вес до 50 кг. Обитают в лесах Центральной и Южной Америки, широко употребляются в пищу.

83 Капуцины – род обезьян, живущих в Центральной и Южной Америке. Длина тела около 50 см. Мясо, по мнению местных жителей, является деликатесом.

84 Гурман – знаток и любитель изысканных блюд, лакомка.

85 Акустика – учение о звуке; акустический – все, что связано со звуком как явлением природы.

86 Фивы (*egip.* – Уасет) – древнеегипетский город политический, религиозный и культурный центр. В XXI и XVII–XII веках до н. э. – столица Древнего Египта. Город разрушен в 88 году до н. э. До наших дней на развалинах древнего города сохранились остатки древнейших архитектурных сооружений и произведения искусства.

87 «Колоссы Мемнона» (греч.) – песчаниковые статуи фараона Аменхотепа III (XV век до н. э.) перед заупокойным храмом фараона в Фивах, высотой 21 м. Обладали свойством при восходе солнца издавать дрожащий звук вследствие резкого изменения наружной и внутренней температуры сооружения.

88 Волынка – народный музыкальный инструмент во многих странах. Состоит из воздушного резервуара (кожаного мешка) с отростком, в который вставлен специальный язычок. При заполнении воздухом и умелом надавливании ладонями на мехи колеблемый язычок издает приятные звуки.

89 Орган – музыкальный инструмент, сложный механизм из системы духовых труб, насосов, клавиатур, регистров; по звуковому объему равен симфоническому оркестру.

Глава X

В устье Меты

Идя вдоль левого берега, все три лодки благополучно преодолели пороги Карибен и к шести часам вечера встали на якорь в глубине маленькой бухточки.

Это некогда большое и процветающее селение, по вышеуказанным причинам, ныне пришло в упадок; в нем осталось всего пять индейских хижин, то есть на одну меньше, чем в ту пору, когда его посетили господин Шафанжон и генерал Ублион.

Останавливаться в этой деревушке не имело никакого смысла. Пополнить запасы продуктов здесь было невозможно, да, впрочем, в этом и не было необходимости, так как запасы, сделанные в Ла-Урбане, спокойно позволяли путешественникам добраться до Атурес, ну а охотники конечно же не оставят их без дичи.

На следующий день, тридцать первого августа, лодки отчалили от берега еще до восхода солнца. Путешественники надеялись, что северный ветер снова будет помогать им преодолевать течение. Путь их лежал на юг, так как от Ла-Урбаны до Сан-Фернандо Ориноко течет именно с юга, деревушка же, которую они только что покинули, находилась на равном расстоянии от этих двух пунктов.

Ветер дул с севера, но порывами, и паруса то надувались на несколько минут, то бесильно повисали вдоль мачт. Пришлось взяться за шесты, потому что вливающиеся несколькими километрами выше воды Меты существенно увеличивали напор течения в Ориноко.

Надо сказать, что Ориноко здесь отнюдь не была пустынной. Лодки местных жителей плыли вверх и вниз по течению, но ни одна из них не выказала намерения вступить в контакт с нашими путешественниками. Эти куриары принадлежали индейцам кива, довольно часто появляющимся в районе впадения Меты в Ориноко. Кива заслуженно пользуются дурной репутацией, а потому не следует сожалеть о том, что они не искали никаких контактов.

К одиннадцати часам ветер стих, небо нахмурилось, пошел дождь. Пришлось спустить паруса и идти на шестах, держась ближе к берегу, где течение было не таким сильным.

Преодолев за весь день весьма скромное расстояние, около пяти часов вечера пироги вошли в устье Меты и встали на якорь в небольшом затоне.

Ближе к ночи дождь кончился, небо стало не таким хмурым. Все замерло в безмятежном покое. Пробившиеся сквозь разрывы облаков последние отблески заходящего солнца осветили воды Меты, которые, казалось, вливались в Ориноко лучезарным потоком.

Пирог встал рядом борт к борту – «Гальинета» посередине, – образовав таким образом нечто вроде дома из трех комнат, двери которого к тому же были открыты.

Проведя из-за непогоды столько времени под навесом, путешественники были рады поужинать на свежем воздухе за общим столом и поболтать, как добрые друзья. Даже нелюдимый сержант Марсьяль воздержался от обычной воркотни, очевидно поняв ее неуместность.

Четыре француза и три венесуэльца дружески беседовали, когда Жаку Эллоку пришлось в голову перевести разговор в географическое русло, что было чревато опасным взрывом эмоций. Возможно, он сделал это не без умысла.

– Господин Мигель, – сказал он, – мы находимся сейчас в устье Меты...

– Да, господин Эллок.

– Это ведь один из притоков Ориноко?

– Да, и один из самых значительных, так как он вливает в Ориноко четыре тысячи пятьсот кубических метров воды в секунду.

– А истоки он берет в Колумбийских Андах?

– Совершенно верно, – ответил господин Фелипе, не понимая, к чему клонит Жак Эллок.

– А в Мету также вливается много рек?

– Очень много, – ответил господин Мигель. – Самые значительные из них – Упия и Умадеа[90], на слиянии которых Мета получает свое имя. Следует также упомянуть Касанаре[91], чьим именем названа огромная территория льяносов.

– Мой дорогой Жан, если вы мне позволите вас так называть, – обратился Жак Эллок к юноше.

Путешественники были рады поужинать на свежем воздухе

Жан слегка покраснел, а сержант Марсьяль вскочил, словно подброшенный пружиной.
– Что с вами, сержант? – спросил господин Мигель.
– Ничего, – пробурчал старый солдат и снова сел.

– Мой дорогой Жан, я думаю, что, поскольку Мета течет перед нашим взором, у нас никогда не будет более подходящего случая поговорить об этой реке.

– И ты можешь добавить, – заметил Жермен Патерн, обернувшись к господину Мигелю и его коллегам, – что у нас никогда не будет лучших учителей.

– Вы очень любезны, господа, – ответил господин Баринас, – но Мета нам не столь хорошо знакома, как вы могли бы предположить. Вот если бы речь шла о Гуавьяре...

– Или об Атабапо! – воскликнул господин Фелипе.

– Это еще впереди, господа, – ответил Жак Эллок. – А так как я полагаю, что господин Мигель обладает обширными сведениями по гидрографии Меты, то я продолжу свои вопросы. Скажите, ведь этот приток Ориноко достигает иногда значительной ширины...

– Да... местами до двух тысяч метров.

– А глубины...

– В настоящее время суда, имеющие осадку в шесть футов, доходят в сезон дождей до слияния Меты и Упии, в сухой же сезон они могут пройти только треть этого расстояния.

– А отсюда следует, – заключил Жак Эллок, – что Мета является естественным средством сообщения между Атлантическим океаном и Колумбией.

– Безусловно, и некоторые географы совершенно справедливо утверждают, что Мета самый короткий путь от Боготы до Парижа.

– Ну так вот, господа, мне кажется, что Мета может рассматриваться не как приток Ориноко, а как сама Ориноко. А тогда почему бы господину Фелипе и господину Баринасу не отказаться от не слишком убедительных гипотез, касающихся Атабапо и Гуавьяре, в пользу Меты?

Так вот к чему клонил этот француз! Едва он успел выговорить последние слова, как оба венесуэльца вскочили, негодуяще размахивая руками, потеряв на мгновение от возмущения дар речи.

Тотчас же разгорелась дискуссия, и аргументы дождем посыпались на смельчака, дерзнувшему затронуть вопрос, касающийся истоков Ориноко. В глубине души Жак Эллок не слишком интересовался этой проблемой, скорее разделяя точку зрения господина Мигеля и большинства географов, но ему нравились яростные споры двух противников. На самом деле его аргументы были ничуть не менее убедительны, чем доводы господина Фелипе и господина Баринаса. Ведь, с гидрографической точки зрения, Мета, без сомнения, превосходит Атабапо и Гуавьяре. Однако ни один из ученых не хотел уступать, и дискуссия затянулась бы далеко за полночь, если бы Жан де Кермор не перевел разговор на другую тему, задав господину Мигелю весьма серьезный вопрос. В его путеводителе было сказано, что на берегах Меты встречаются опасные индейцы, и он хотел бы знать, что об этом известно господину Мигелю.

– Этот вопрос для нас действительно очень важен, – ответил господин Мигель, который был рад сменить тему разговора.

Его коллеги по обыкновению вошли в такой азарт, что было просто страшно подумать, что с ними будет, когда они достигнут места слияния трех рек.

– Речь идет об индейцах кива, – сказал господин Мигель. – Свирепость этого племени хорошо известна путешественникам, направляющимся в Сан-Фернандо. Говорят, что сейчас банды этих индейцев перебравшись на другой берег и предаются грабежам и убийствам на восточных территориях края.

– А разве главарь этой банды не умер? – спросил Жак Эллок, который тоже кое-что слышал о преступлениях этого сброда.

– Умер, – ответил господин Мигель, – года два назад.

– Что это был за человек?

– Негр по имени Саррапиа. Когда он умер, шайка выбрала другого главаря – беглого каторжника.

– А те кива, что остались на берегах Ориноко? – спросил Жан.

– Они ничуть не менее опасны, – ответил господин Мигель. – Им принадлежит большинство из тех лодок, что нам попадались на пути в последнее время. Нужно быть очень осторожными, пока мы не минуем логова этих бандитов. Здесь они чувствуют себя безнаказанными.

Недавние нападения на торговцев из Сан-Фернандо подтверждали опасения господина Мигеля. Ходили слухи, что президент Венесуэлы и Конгресс намерены организовать экспедицию для уничтожения банд кива в верхнем течении Ориноко. Изгнанные из Колумбии и из Венесуэлы – если их, конечно, не уничтожат всех до единого, – кива переберутся, по всей вероятности, на территорию Бразилии, где и продолжат свои бесчинства. А пока они представляли серьезную опасность для путешественников, особенно с тех пор, как их главарем стал беглый каторжник из Кайенны, и пассажирам пирог нельзя было ни на минуту терять бдительности.

– Но ведь нас много, матросы нам преданы, оружия и патронов у нас хватает, – сказал Жак Эллок, – а потому, мой дорогой Жан, вы можете сегодня спать спокойно, мы не дадим вас в обиду.

– Мне кажется, это мое дело! – сухо заметил сержант Марсьяль.

– И наше тоже, мой милый сержант, – ответил Жак Эллок, – главное, чтобы ваш племянник мог хорошо выспаться, в его возрасте это необходимо.

– Благодарю вас, месье Эллок, – с улыбкой ответил юноша. – Но лучше, если мы будем дежурить по очереди.

– Каждый будет стоять на посту в свое время, – добавил сержант, а про себя подумал, что конечно же не станет будить Жана и подежурит за него.

Было решено, что с восьми до одиннадцати дежурят Жак Эллок и Жермен Патерн, с одиннадцати до двух часов ночи – господин Мигель и его коллеги, а затем их сменят Жан де Кермор и сержант Марсьяль.

Пассажиры «Марипаре» и «Гальинеты» растянулись на своих циновках. Отдыхали и измученные тяжелым переходом матросы.

Жак Эллок и Жермен Патерн устроились на корме, откуда хорошо просматривалась вся река. Со стороны берега можно было ничего не опасаться, так как там простиралось непроходимое болото.

Друзья болтали, сидя друг против друга. Один курил сигару; он захватил их в дорогу с избытком, так как табаком можно расплачиваться за услуги с прибрежными жителями. Другой выпускал огромные клубы дыма из своей вересковой трубки, с которой он никогда не расставался, так же как и сержант Марсьяль со своей.

Тумана не было, на совершенно чистом небе сверкали звезды. Лишь изредка легкие порывы ветра нарушали неподвижность ночного воздуха. Совсем низко над горизонтом сиял Южный Крест[92]. В такой абсолютной тишине уже издали был бы слышен звук разрезающей воду лодки и плеск весел, а потому нашим часовым нужно было лишь приглядываться к берегу – вдруг да мелькнет какая-нибудь подозрительная фигура...

Жан де Кермор внушал Жаку Эллоку живейшую симпатию. Он восхищался благородным порывом семнадцатилетнего юноши, заставившим его предпринять это путешествие. Но он не мог без страха думать о том, какие опасности подстерегали Жана на этом непредсказуемом пути.

Он не раз заводил с другом разговор о семье полковника де Кермора, и Жермен Патерн пытался вспомнить, что он о ней слышал лет пятнадцать назад.

– Понимаешь, Жермен, – говорил ему в этот вечер Жак, – я не могу смириться с мыслью, что этот ребенок – а ведь он еще ребенок – отправляется в эти дикие места в верховьях Ориноко! И с кем? Сержант Марсьяль, конечно же, славный старик, добрейшая душа, но сможет ли он защитить своего племянника, если возникнет действительно серьезная опасность?

– Да и дядя ли он ему? – прервал Жака Жермен Патерн. – Мне это кажется весьма сомнительным.

– Это не имело бы никакого значения, имей он хоть какой-нибудь опыт подобных опасных экспедиций!.. А потому мне совершенно непонятно, как он мог согласиться, уже в столь почтенном возрасте...

– Вот именно, согласиться... ты совершенно прав, Жак, – сказал Жермен Патерн, стряхивая пепел своей сигары. – Да, согласиться, так как я уверен, что идея путешествия принадлежит юноше... он уговорил своего дядю! Хотя, нет, этот старый служака ему не дядя... Мне кажется, я припоминаю, что у полковника де Кермора больше не было родных, когда он уехал из Нанта...

– Уехал куда?

– А вот это так и осталось неизвестным.

– Но ведь его сын сказал, что узнал кое-что из письма, посланного из Сан-Фернандо. Неужели он отправился в путешествие, не имея ничего, кроме этих туманных сведений?

– Он надеется получить более подробную информацию в Сан-Фернандо, где полковник де Кермор находился некоторое время тому назад...

– Вот это меня и беспокоит, Жермен! Получив кое-какие новые сведения в Сан-Фернандо, он может решить отправиться дальше... очень далеко... либо в Колумбию, где текут Атабапо и Гуавьяре, либо к истокам Ориноко. А ведь это почти верная гибель...

Тут Жермен Патерн прервал своего друга.

– Ты ничего не слышишь, Жак? – вполголоса спросил он.

Жак встал, перебрался на нос пироги, прислушался, окинул взглядом поверхность реки от противоположного берега до устья Меты.

– Я ничего не вижу, – сказал он последовавшему за ним Жермену, – и все-таки... Да, на воде раздается какой-то шум, – добавил он, прислушавшись более внимательно.

– Может быть, стоит разбудить матросов?

– Подожди... Это не похоже на звук приближающейся лодки... Возможно, это просто плеск сливающихся вод Ориноко и Меты...

– Смотри... смотри... там! – сказал Жермен Патерн, указывая на черные точки в сотне футов от лодки.

Жак Эллок взял карабин и нагнулся над бортом.

– Это не лодка, но мне кажется, враг близок, – сказал он, прицеливаясь.

Жермен Патерн жестом остановил его:

– Не стреляй... не стреляй... Это совсем не кива! Никто не собирается нас грабить. Просто вполне добропорядочные амфибии выбрались подышать на поверхность.

– Амфибии?

– Да, ламантины... [93] они часто встречаются в Ориноко.

Жермен Патерн не ошибся. Это действительно были ламантины или, как их еще называют, морские коровы или морские свиньи – обычные обитатели венесуэльских рек.

Безобидные амфибии медленно приближались к пирогам, а потом, вероятно чего-то испугавшись, внезапно исчезли.

Молодые люди вернулись на корму, и Жак Эллок, снова раскурив свою трубку, возобновил прерванный разговор.

– Ты говорил, – сказал он Жермену, – что, по твоим сведениям, у полковника де Кермора больше не было семьи.

– Я в этом почти уверен, Жак! Кстати, мне вспомнилась одна деталь... Родственник жены подал на полковника в суд. Полковник проиграл процесс в первой инстанции в Нанте, но выиграл его в Ренне. Да... да... я теперь все припоминаю. Несколько лет спустя жена полковника – она была креолка [94], – возвращаясь с Мартиники [95] во Францию, погибла во время кораблекрушения вместе со своей единственной дочерью. Это был страшный удар для полковника – потерять все, что у него было самого дорогого в жизни! Оправившись от продолжительной

болезни, он подал в отставку. А некоторое время спустя распространился слух, что де Кермор покинул Францию. Никто не знал, куда он уехал, пока не было обнаружено письмо, присланное им из Сан-Фернандо одному из своих друзей. Да, все именно так и было. Странно, что я мог забыть. Если бы мы расспросили сержанта Марсьяля и Жана, я думаю, они подтвердили бы мои слова.

– Не надо ни о чем их спрашивать, – ответил Жак. – Было бы очень нескромно с нашей стороны вмешиваться в их личные дела.

– Хорошо, Жак, но ведь я был прав, говоря, что сержант Марсьяль – не дядя Жана де Кермора, потому что после гибели жены и дочери у полковника не оставалось больше близких родственников.

Скрестив руки и опустив голову, Жак Эллок размышлял над словами друга. Может быть, Жермен ошибался? Нет! Во время процесса он был в Ренне, и все вышеизложенные факты упоминались на суде...

– Я ничего не вижу

И тогда Жаку, как и любому другому на его месте, пришла в голову мысль: если сержант не родственник Жану, то Жан тем более не может быть сыном полковника, поскольку у того была одна дочь, погибшая в младенческом возрасте во время кораблекрушения вместе с матерью.

– Совершенно верно, – сказал Жермен Патерн, – этот юноша не может быть сыном полковника...

– И тем не менее он это утверждает, – произнес Жак Эллок. Во всем этом было что-то неясное и даже таинственное. Неужели юноша стал жертвой заблуждения, заставившего его предпринять столь опасное путешествие? Конечно же нет. Наверняка сержант Марсьяль и его мнимый племянник располагали о полковнике де Керморе сведениями, противоречащими версии Жермена Патерна. Короче, вся эта загадочность и таинственность лишь подстегивали любопытство Жака Эллока и увеличивали его интерес к Жану де Кермору.

За беседой время шло незаметно, и в одиннадцать часов, оставив в объятиях Морфея[96] свирепого поборника Гуавьяре, господин Мигель и господин Фелипе пришли сменить молодых людей на посту.

– Вы не заметили ничего подозрительного? – спросил господин Мигель, стоя на корме «Марипаре».

– Абсолютно ничего, господин Мигель, – ответил Жак Эллок. – Все тихо и на реке, и на берегах.

– Будем надеяться, – добавил Жермен Патерн, – что ваша вахта будет такой же благополучной.

– Тогда спокойной ночи, господа, – ответил господин Фелипе, протянув через борт руку молодым людям.

По всей вероятности, господин Мигель и его коллеги посвятили часы вынужденного бодрствования обсуждению совсем иных вопросов, и наверняка господин Фелипе воспользовался отсутствием господина Баринаса, чтобы в очередной раз в пух и прах разнести его гипотезу, а господин Мигель слушал его со своей обычной доброжелательностью.

Вахта прошла благополучно, и в два часа ночи географы удалились под навес своей пироги, уступив место сержанту Марсьялю.

Сержант устроился на корме, поставил рядом карабин и погрузился в размышления. Душа его была охвачена тревогой – конечно же не за себя! – а за мальчика, спавшего под навесом пироги. Он мысленно снова переживал перипетии[97] путешествия, предпринятого по настоянию Жана, отъезд из Франции, переход через Атлантику, прибытие в Сьюдад-Боливар, плавание по Ориноко... Куда они направляются? Как далеко уведут их эти поиски? Какие сведения получают они в Сан-Фернандо? В какой забытой Богом деревушке решил полковник де Кермор окончить свою жизнь, такую счастливую вначале и столь трагически сломанную ужаснейшей из катастроф? И какие опасности грозят его единственному ребенку, решившемуся отыскать отца?

И потом, все шло не так, как того хотелось бы сержанту Марсьялю... Он предпочел бы путешествовать безо всяких попутчиков... И вот пожалуйста, «Марипаре» плывет рядом с «Гальинетой». Ее пассажиры вступили в контакты с его племянником, и разве может быть иначе при совместном плавании? А теперь еще эта злосчастная встреча с двумя французами... Как противиться общению с соотечественниками, как отказываться от услуг, которые те оказывают ему и Жану, заинтересованные и тронутые историей юноши. А в довершение всего эти молодые люди были бретонцы, из той самой Бретани... Право же, случай бывает порой удивительно нескромен и сует нос в дела, которые его совершенно не касаются!

В этот момент с востока донесся легкий ритмичный шум. Погруженный в свои мысли сержант Марсьяль не обратил внимания на этот едва слышный звук и не заметил четырех маленьких лодок, плывших по течению вдоль правого берега Меты. Бесшумно опуская весла в воду, они приближались к пирогам.

Куриары с двумя десятками кива на борту были уже в двухстах метрах от пирога, им оставалось лишь напасть на спящих пассажиров и перерезать всех до одного... И все потому, что, погруженный в свои мысли, сержант Марсьяль ничего не видел и не слышал!

Внезапно, когда всего лишь шестьдесят футов отделяли куриары от пирога, прогремел выстрел.

Тотчас же с одной из индейских лодок послышались крики.

Стрелял Жак Эллок, а следом за ним выстрелил из карабина Жермен Патерн.

Было пять часов утра и едва начинало светать, когда до слуха только что проснувшихся молодых людей донесся плеск весел. Пробравшись на корму своей пироги, они увидели, что нападение неизбежно, и выстрелили по куриарам.

Выстрелы разбудили и пассажиров и матросов. Географы выскочили с ружьями в руках из-под навеса «Марипаре». Жан появился рядом с сержантом, который тоже выстрелил в направлении куриар.

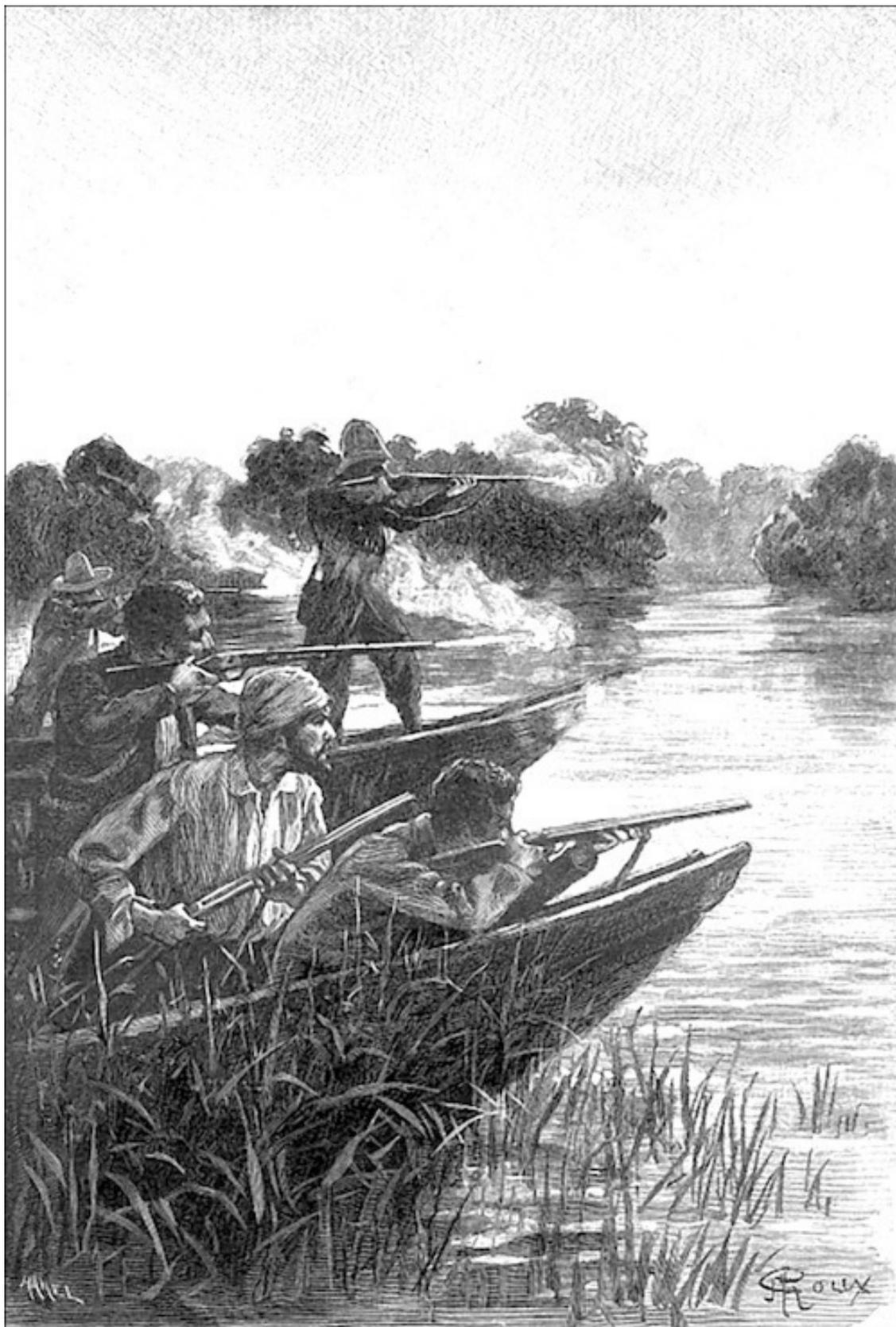
– Господи! Как я мог их не заметить! – в отчаянии повторял он.

Индейцы нанесли ответный удар, и штук двадцать стрел просвистело над пирогами. Несколько стрел вонзилось в крышу навеса, никого, однако, не задев.

Господин Мигель и его спутники выстрелили во второй раз, и их пули, достигнув цели, вызвали панику среди индейцев.

– Уйдите под навес, Жан, уйдите под навес! – крикнул Жак Эллок, желая уберечь юношу от опасности.

В этот момент индейцы выпустили новую порцию стрел, и одна из них ранила сержанта в плечо.

Господин Мигель и его спутники выстрелили во второй раз

– Так мне и надо! Так мне и надо! – воскликнул тот. – Солдат... на посту... я получил по заслугам!

Третий залп карабинов и револьверов ударил по отступающим куриарам.

Не сумев захватить пассажиров врасплох, индейцы обратились в бегство, унося убитых и раненых.

90 Видимо, современная Рио-Метика.

91 Касанаре – левый приток Меты; река дала название одной из северо-западных провинций Колумбии.

92 Южный Крест – созвездие Южного полушария, по форме напоминающее крест. Длинная перекладина его почти точно указывает на Южный полюс.

93 Ламантины – бык-рыба португальцев, апиа индейцев – млекопитающие отряда сирен длиной до 4 м, весом до 400 кг, обитают в реках и у морских берегов Южной Америки. Объект охоты (используются мясо, жир, кожа). Во французском языке существуют синонимичные названия «морской бык» (для самцов), «морская корова» (для самок), но в отечественной специальной литературе морскими коровами (или Стеллеровыми коровами) называют вымершего представителя сиреновых, обитавшего в Тихом океане у берегов Камчатки и на Командорских островах. В Ориноко обитает узколобий ламантин, пресноводный вид ламантинов.

94 Креолы – потомки испанских и португальских колонизаторов в Латинской Америке.

95 Мартиника – остров в Карибском море, владение Франции. Население – мулаты и негры. Религия в основном католическая. Открыт в 1502 году Христофором Колумбом.

96 Морфей – древнегреческое божество сновидений, один из сыновей бога сна Гипноса.

97 Перипетия – внезапная перемена в жизни, неожиданные осложнения, сложные обстоятельства.

Глава XI

Стоянка в деревне Атурес

В тот же день, первого сентября, в шесть часов утра пироги со счастливо избежавшими гибели пассажирами и матросами покинули эти опасные места, где многие путешественники становились жертвами свирепых индейских племен.

«Конгресс принял решение об уничтожении этого проклятого племени, – подумал господин Мигель, – и давно бы пора приняться за дело».

– Я получил по заслугам! – снова воскликнул сержант Марсьяль, выдергивая вонзившуюся ему в плечо стрелу.

Сознание того, что, погрузившись в прошлое, он забыл об обязанностях часового, было для него мучительнее, чем боль, причиняемая раной. Но сколь бы серьезным ни был его промах, он не должен был караться смертью, и все надеялись, что рана сержанта не смертельна.

Как только куриары кива исчезли из виду, Жан склонился к лежавшему под навесом сержанту, чтобы оказать ему первую помощь. Но от родственных чувств и сострадания мало толку, надо иметь хоть какие-нибудь познания в медицине, а у юноши их не было.

К счастью, Жермен Патерн, в качестве натуралиста-ботаника, обучался медицине, и на «Мориче» была аптечка.

Итак, Жермен Патерн занялся раной сержанта, а Жак Эллок поспешил прийти ему на помощь. Осмотрев рану, Жермен убедился, что стрела вошла в плечо на три сантиметра, но задела только мягкие ткани, не повредив ни мускулов, ни нервов. А следовательно, можно было не опасаться осложнений, если, конечно, стрела не была отравлена.

Жермен Патерн занялся раной

Индейцы Ориноко нередко пропитывают свои стрелы жидкостью, называемой кураре[98]. Ее получают из экстракта чилибухи, растения из семейства логаниевых, с добавлением нескольких капель змеиного яда. Это черное, блестящее, как солодка, вещество хорошо известно местным жителям. Гумбольдт рассказывает, что в прежние времена индейцы сма-

чивали кураре ноготь указательного пальца, и простого рукопожатия было достаточно, чтобы отправить врага на тот свет.

Если стрела, ранившая сержанта, была пропитана кураре, то действие яда не заставит себя ждать. Раненый потеряет голос, у него будут парализованы руки, ноги, лицевые и грудные мышцы, но он до последнего мгновения сохранит ясность сознания. Против кураре нет противоядия. Однако если симптомы отравления не появятся в течение нескольких часов, то можно уже будет не волноваться.

После перевязки сержанту не оставалось ничего другого, как поблагодарить Жермена Патерна, хотя он и был в ярости оттого, что отношения между пассажирами обеих пирог становятся все более тесными. Затем он впал в глубокое забытие, встревожившее его спутников.

– Как вы полагаете, сударь, его рана очень опасна? – обратился юноша к Жермену Патерну.

– Я пока не могу сказать ничего определенного, – ответил Жермен Патерн. – Вообще-то рана пустяковая... она затянется сама собой... если стрела не была отравлена... Подождем немного, скоро все станет ясно.

– Мой дорогой Жан, я уверен, что все будет хорошо, – добавил Жак. – Сержант Марсьяль поправится, и очень скоро. Мне кажется, что, если бы речь шла о кураре, рана выглядела бы иначе.

– Я тоже так думаю, Жак, – согласился Жермен Патерн. – При следующей перевязке все прояснится, и ваш дядя... я хочу сказать, сержант Марсьяль...

– Господи, сохрани мне его, – прошептал юноша, и в глазах у него блеснули слезы.

– Да, мой дорогой Жан, – повторил Жак Эллок. – Господь сохранит его. Ваши и наши заботы вылечат старого солдата, не волнуйтесь, все будет хорошо.

И он крепко сжал руку Жана де Кермора. К счастью, сержант Марсьяль спал.

Пирог, подгоняемый сильным северо-восточным ветром, шли рядом. Господин Мигель и его друзья тоже надеялись, что рана сержанта не опасна.

Кива действительно часто пропитывают кураре наконечники своих стрел и копий. Однако делается это далеко не всегда. Приготовить яд могут только «специалисты», если, конечно, можно употребить это слово применительно к дикарям. А таких искусников не так-то много, на каждом шагу они не встречаются. Значит, были все основания надеяться на счастливый исход.

Кроме того, если, вопреки всем ожиданиям, сержанту все-таки понадобится отдых в более комфортабельных условиях, чем на борту «Гальинеты», можно будет сделать остановку в деревне Атурс, шестьдесятю километрами выше устья Меты. Тем более что пассажирам все равно придется провести там не меньше недели, пока лодки будут преодолевать пороги, весьма многочисленные в этой части Ориноко. Ветер был благоприятным, и можно было надеяться добраться до Атурс к середине следующего дня.

Жак Эллок и Жермен Патерн несколько раз навещали раненого. Сон его был крепким и спокойным, дыхание – ровным. Около часа пополудни сержант Марсьяль проснулся и, увидев сидящего около его постели Жана, ласково ему улыбнулся. Однако, заметив рядом с ним обоих французов, он невольно поморщился.

– Что, очень больно? – спросил Жермен.

– Мне, больно? – оскорбленным тоном переспросил сержант. – Ни чуточки! Это же пустяковая царапина... Я ведь солдат, а не какая-нибудь изнеженная бабенка! Завтра все будет в порядке, а если вам угодно, то я хоть сейчас посажу вас к себе на плечи. Впрочем, я сейчас встану...

– Нет уж, пожалуйста, лежите, сержант, – ответил Жак Эллок, – это распоряжение врача.

– Дядюшка, я тебя очень прошу, слушай, что тебе говорят... ты потом сам будешь им благодарен...

– Ладно... ладно! – проворчал сержант, словно большой пес, раздраженный тывканьем шавок.

Жермен Патерн сменил повязку и убедился, что рана не воспалилась. Будь стрела отравленной, яд бы давно начал свое действие, и раненый был бы уже наполовину парализован.

– Ну что ж, сержант, все идет хорошо, – сказал Жермен Патерн.

– А через несколько дней вы вообще забудете о своей ране, – добавил Жак Эллок.

Когда молодые люди вернулись на борт своей пироги, которая шла рядом с «Гальинетой», сержант сердито сказал:

– Только этого и не хватало! Теперь они целый день будут торчать здесь, эти два француза...

– Придется потерпеть, дядюшка, – ответил Жан, – не надо было позволять себя ранить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.